Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет

SOCIOLOGY OF CITY

2014 no 3

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State University
of Architecture and Civil Engineering
(VSUACE)

The journal is included in Russian Science Citation Index (RSCI) (http://www.elibrary.ru), Ulrich's Periodicals Directory (http://serialssolutions.com), DOAJ (http://www.doaj.org), EBSCO (http://www.ebsco.com)

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2014 № 3

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Волгоградский государственный
архитектурно-строительный
университет»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. выдано Федеральной службой
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), http://www.elibrary.ru,
Ulrich's Periodicals Directory, http://www.serialssolutions.com,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), http://www.doaj.org
EBSCO, http://www.ebsco.com

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук, проф. ***С.Ю. Калашников*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

зам. председателя — канд. техн. наук, доц. ***В.И. Воробьев*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. ***А.Н. Богомолов*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

канд. архит., проф. ***А.В. Антюфеев*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р экон. наук, проф. ***О.В. Максимчук*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. ***Л.В. Примак*** (РАНХиГС, Москва)

д-р техн. наук, проф. ***В.М. Шумячер*** (ВИСТех, г. Волжский)

Главный редактор журнала:

д-р филос. наук, проф. ***Б.А. Навроцкий*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, проф. ***В.И. Добреньков*** (МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф. ***В.Н. Азаров*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

д-р социол. наук, проф. ***В.В. Деларю*** (ВолгГМУ, Волгоград)

д-р социол. наук ***Г.Н. Ильина*** (МГИМО, Москва)

д-р экон. наук ***Г. А. Медиева*** (Национальная инженерная академия Республики Казахстан, Алматы)

д-р архит., проф. ***Г.А. Птичникова*** (Волгоградское представительство НИИТИАГ РААСН)

д-р экон. наук, проф. ***В.Н. Казаков*** (МГУ, Москва)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук, проф. ***Н.Н. Седова*** (ВолгГМУ, Волгоград)

историк архитектуры, культуролог, доктор наук ***Т. Флирль*** (Институт истории и теории архитектуры и планирования, университет Баухауз, Германия)

д-р искусствоведения ***Ояр Спаритис*** (Латвийская академия наук)

нач. РИО ***М.Л. Песчаная*** (ВолгГАСУ, Волгоград)

Адрес редакции:
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет», 2014

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science, Professor *S.Yu. Kalashnikov* (VSUACE, Volgograd)

Deputy Chairman — Candidate of Engineering Science, Docent *V.I. Vorob'ev* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor *A.N. Bogomolov* (VSUACE, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor *A.V. Antyufeev* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Economics, Professor *O.V. Maksimchuk* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor *L.V. Primak* (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor *V.M. Shumyacher* (Volzhskii Institute of Civil Engineering and Technology, Volzhskii)

Chief EdItor:

Doctor of Philosophy, Professor *B.A. Navrotskii* (VSUACE, Volgograd)

Editorial team:

Doctor of Philosophy, Professor *V.I. Dobren'kov* (Moscow State University, Moscow)

Doctor of Engineering Science, Professor *V.N. Azarov* (VSUACE, Volgograd)

Doctor of Social Sciences, Professor *V.V. Delaryu* (Volgograd State Medical University, Volgograd)

Doctor of Social Sciences *G.N. Il'ina* (Moscow State Institute of International Relations, Moscow)

Doctor of Economics *G.A. Medieva* (National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Almaty

Doctor of Architecture, Professor *G.A. Ptichnikova* (Volgograd branch of The Research Institute of the Theory and History of Architecture and Town Planning of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences)

Doctor of Economics, Professor *V.N. Kazakov* (Moscow State University, *Moscow)*

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor *N.N. Sedova* (Volgograd State Medical University, Volgograd)

HIstorician of Architecture, Specialist in Culture, Doctor *T. FlierI* (Institute of History and Theory of Architecture and Planning) University Bauhaus, Germany

Doctor habil. Art. *Ojars Sparitis* (Latvian Academy of Sciences)

Head of Editorial and Publication Department *M.L. Peschanaya* (VSUACE, Volgograd)

Address:
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE). 1, Akademicheskaya St., Volgograd, 400074, Russian Federation, info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ И ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Захарова М. А., Фомичева М. Л. **Современные методы медико-социологических исследований в крупном промышленном городе ... 5**

Шабанова А. В. **Разработка системы показателей рекреационной нагрузки на городские особо охраняемые природные территории на примере лимнологических комплексов города Самары ... 17**

Орлова В. В., Шестакова Д. К. **Доверие как базовый фактор становления локального патриотизма ... 31**

Старикова М. М. **Практики решения жилищного вопроса в современном городе (на примере г. Кирова) ... 48**

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Бондаренко А. С., Чеботарева О. А. **Горожане как потенциальные и реальные потребители услуг сексуальной медицины ... 66**

Кураков Д. А., Мальцева Н. Л. **Гиподинамия — результат урбанизации или лени? (По материалам медико-социологического исследования) ... 74**

ГОРОД И ВЛАСТЬ

Назаров М. Н., Одинцов А. В., Карчагин Е. В. **Социальный порядок, справедливость и коррупция в общественном мнении горожан ... 82**

АВТОРАМ

Условия приема статей в редакцию и требования к авторским оригиналам ... 99

CONTENT

MANAGEMENT OF SOCIAL AND ECONOMIC SYSTEMS

Zakharova M. A., Fomicheva M. L. **Modern methods of medical and sociological research in a large industrial city ... 5**

Shabanova A. V. **Development of a system of indicators of recreational load on urban protected areas on the example of the limnological complexes in the city of Samara ... 17**

Orlova V. V., Shestakova D. K. **Confidence as a basic factor in the formation of local patriotism ... 31**

Starikova M. M. **The practice of solving the housing problem in the modern city (by the example of the town of Kirov) ... 48**

HUMAN IN CONTEMPORARY CITY

Bondarenko A. S., Chebotareva O. A. **Citizens as prospective and real consumers of sexual medicine services ... 66**

Kurakov D. A., Mal'tseva N. L. **Physical inactivity is a result of urbanization or laziness? (Materials of medico-sociological study) ... 74**

CITY AND POWER

Nazarov M. N., Odintsov A. V., Karchagin E. V. **Social order, justice and corruption in public opinion of the city-dwellers ... 82**

INFORMATION FOR AUTHORS

***Admission articles to the editors and the requirements for copyright originals* ... 99**

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России по каталогу «Пресса России», подписной индекс 29507, и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru), подписной индекс E 29507.
По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2014 гг. обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолгГАСУ www.vgasu.ru
(http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology)

УДК 316.334.56:61

М. А. Захарова,
М. Л. Фомичева

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ МЕДИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ГОРОДЕ

Современные методы социологических исследований позволяют изучать процессы формирования общественного мнения о медико-социальных явлениях и тем самым получать информацию не только в форме субъективных оценок осуществляемых мер, но и в форме объективных медико-социологических показателей функционирования системы муниципального здравоохранения. Для повышения качества оказания медицинской помощи, удовлетворенности населения работой всей системы городского здравоохранения, гармонизации взаимодействия субъектов системы обязательного медицинского страхования необходимо получение мнений представителей данных субъектов. Поэтому становится актуальной проблема общественной оценки проводимых мероприятий в системе городского здравоохранения на основе постоянно действующего мониторинга общественного мнения.

Изучение общественного мнения в здравоохранении крупного промышленного города как система логически последовательных методологических и организационно-технологических процедур требует высокопрофессиональной работы специалистов. Поэтому первоочередной задачей организаторов таких исследований является создание исследовательских структур, в штате которых будут обязательно присутствовать организаторы здравоохранения и социологи медицины. Это позволит повысить эффективность и прогнозировать развитие территориальной системы здравоохранения, получать необходимые данные для принятия управленческих решений, а также иметь профессиональные знания о возможностях системы медико-социологических исследований и мониторинга и о дальнейшем опыте их применения.

Распространенное мнение, что муниципальная политика здравоохранения занимается только вопросами оказания медицинской помощи и ее финансирования, а выяснение социальных составляющие здоровья — прерогатива ученых — в настоящее время меняется. Все больше стран признают важность того, как пациенты оценивают качество медицинской помощи как услуги, что, в том числе, является объектом исследования социологов [1].

Исследования в области здоровья долгое время были как бы дополнительными и инициировались энтузиастами, так или иначе доказывающими их необходимость для государственного долгосрочного планирования [2, с. 484—488]. И сейчас, несмотря на то, что в отчетной годовой форме городских учреждений здравоохранения (ф. 70) есть подраздел (раздел 2.3) «Социологические исследования», он остается во многих регионах России (судя по информации, выложенной на сайтах учреждений) незаполненным, невостребованным, а, следовательно, неосвоенным.

Тем не менее, настоящий период развития социального института здравоохранения во всем мире характеризуется разнообразием используемых подходов к управлению предоставлением медицинских услуг, направленных на повышение социальной ориентации системы здравоохранения. А это и есть комплексный подход, связанный с использованием экономико-медико-социологического знания, требуемого для обоснования социальных управленческих решений по совершенствованию финансово-организационной модели здравоохранения и гармонизации интересов всех входящих в нее на сегодняшний день субъектов.

Известно, что здоровье населения можно определить как интегрированный показатель биологических, социальных, культурных и экономических процессов в обществе, а проводимое сегодня институциональное преобразование отечественной системы здравоохранения как раз сопровождается пересмотром существовавших ранее и использованием новых методологических и методических подходов к предоставлению медицинских услуг. Их суть состоит в определении роли и места системы охраны здоровья в жизни российского социума, оценке приемлемо-

Ключевые слова:
бюро медико-социологических исследований, социология медицины, социология пациента, городское здравоохранение.

M. A. Zakharova,
M. L. Fomicheva

MODERN METHODS OF MEDICAL AND SOCIOLOGICAL RESEARCH IN A LARGE INDUSTRIAL CITY

Modern research methods of sociology of medicine allow to study the processes of shaping public opinion about medical and social events, and to gain the information not only in a form of subjective evaluation but in a form of objective scoring of the results in municipal health care system functioning. To develop this sphere and to increase the quality of medical aid, satisfaction with the work of the municipal health protection system and harmonization of interaction of parties in obligatory medical insurance we need to get the opinion of the representatives of above mentioned parties. Therefore the problem of public evaluation for events in the municipal health protection system on the basis of constant monitoring is becoming more and more actual.

The study of public opinion in the health of a large industrial city as a system of logical consistent methodological, organizational and technological procedures requires highly professional work of specialists in the study area. Therefore, the primary task of the organizers of such research is the creation of research structures in the state that will be sure to attend the organizers of health care and the sociology of medicine. That will allow to raise efficiency and to predict the development of local health systems, and to obtain the necessary data for making managerial decisions, and to have professional knowledge about the possibilities of medical and sociological research and monitoring, as well as further experience in their application.

Key words:
information office of medical and sociological studies, sociology of medicine, sociology of patients, city health care.

сти действующих институциональных подходов и поиску стратегий более эффективного предоставления медицинских услуг.

В том числе особую значимость приобретают исследования по изучению и выявлению медико-социальных факторов, влияющих на здоровье населения, а также факторов, определяющих, с точки зрения населения, качественность, доступность и эффективность медицинской помощи как услуги.

Исследования в этой области показали благотворное влияние своевременной и качественной медицинской помощи на здоровье пациентов и позитивную связь доступной системы здравоохранения со здоровьем населения в целом. Все это свидетельствует о высокой социальной значимости проблемы доступности и качественной удовлетворенности населения медицинской помощью и актуализирует ее изучение в рамках медико-социологического направления исследований.

В последние годы исследователями все чаще предпринимаются попытки измерения эффекта от использования медицинских услуг через показатели удовлетворенности потребителей по целому ряду оценочных факторов. Необходимость в оценке результатов оказания медицинских услуг обусловлена переориентацией политики здравоохранения многих стран на поиск путей по повышению эффективности функционирования систем здравоохранения [1].

Например, данные массовых социологических опросов пациентов американских больниц свидетельствуют о весьма впечатляющих результатах, достигнутых в этой области: 89 % пациентов довольны физическим комфортом, 78 % — уважительным отношением медицинского персонала, 74 % — эмоциональной поддержкой, 72 % — организацией лечения; 71 % — достаточностью медицинской информации о заболевании [3]. Поэтому вполне понятными являются заключения о том, что недовольство пациентов, как правило, вызывает низкая эмоциональная поддержка медицинского персонала, ограниченное участие семьи пациента в лечебном процессе, недостаточная доступность для понимания сообщаемой медицинской информации и др. [4].

Как показывает практика, для получения полного представления о реальном состоянии дел

в системе здравоохранения и уровне здоровья населения проведение разрозненных исследований и социологических опросов от случая к случаю оказывается неэффективным. Кроме того, необходимо отметить, что регулярное изучение медицинских, экономических и социальных проблем охраны здоровья населения путем создания постоянной системы сбора и оценки информации [5] в качестве инструмента для исследования комплекса процессов сферы здравоохранения, анализа динамики происходящих перемен все прочнее входит в перечень основных методов прогноза развития как позитивных, так и негативных тенденций функционирования важнейшего социального института — института здравоохранения. Это позволяет проводить медико-социологический мониторинг, равно как и устанавливать факторы, оказывающие вредное воздействие на здоровье человека, оценивать их и прогнозировать динамику самооценки состояния здоровья населения, подготавливать предложения по реализации программ совершенствования системы оказания медицинских услуг и развития профилактического направления здравоохранения.

В Новосибирске с 2008 г. практиковалось исследование «Оценка работы муниципальных поликлиник города». По результатам трехлетних наблюдений Главным управлением здравоохранения совместно с Департаментом по социальной политике г. Новосибирска (исследования проводились в 2008—2010 гг.) отмечено, что горожане при лечении в амбулаторных условиях были особенно недовольны фактами длительного ожидания приема врача (более 53 %), невнимательным отношением персонала (более 16 %), неудобным расписанием «узких» специалистов (более 11 %), отсутствием «узких» специалистов и сложностью системы записи к ним на прием (более 16 %). В то же время к 2010 г. был практически ликвидирован дефицит талонов к «узким» специалистам — с 18 до 4 %.

Получаемые раз в полгода данные позволяли администрации города своевременно реагировать на острые ситуации, обычно показатели осени были лучше показателей весны (в среднем по «весенним» недостаткам в работе осенью каждая из цифр оказалась ниже на 3…5 %).

Об авторах:

Захарова *Мария Александровна — доктор социологических наук, кандидат медицинских наук, зав. Бюро медико-социологических исследований, Региональный центр медицинской профилактики, г. Новосибирск. Российская Федерация, 630112, г. Новосибирск, ул. Кошурникова, 16/1, marymarya@mail.ru*

Zakharova *Mariya Aleksandrovna — Doctor of Social Science, Candidate of Medical Science, Head of the Bureau of Medical and Sociological Researches, Regional Center of Medical Prevention, g. Novosibirsk. Russian Federation, 630112, Novosibirsk, 16/1, Koshurnikova St., marymarya@mail.ru*

Фомичева *Марина Леонидовна — кандидат медицинских наук, директор, Региональный центр медицинской профилактики, г. Новосибирск. Российская Федерация, 630112, г. Новосибирск, ул. Кошурникова, 16/1, mfomicheva@zdravnsk.ru*

Fomicheva *Marina Leonidovna – Candidate of Medical Science, Director, Regional Center of Medical Prevention, g. Novosibirsk. Russian Federation, 630112, Novosibirsk, 16/1, Koshurnikova St., mfomicheva@zdravnsk.ru*

Следует отметить, что ГКУЗ НСО «Региональный центр медицинской профилактики» (далее РЦМП) в 2010 г. принял эстафету медико-социологических исследований, реализовав направления, касающиеся не только оценки качества оказания медицинской помощи и удовлетворенности среди пациентов (в нашем случае — пациентов центров здоровья, действующих на территории г. Новосибирска, а с 2013 г. и Новосибирской области), но и распространенности и влияния факторов риска развития хронических неинфекционных заболеваний у населения Новосибирской области.

Пользуясь современными методами исследования[1] [5—7], сотрудники РЦМП изучают процессы формирования общественного мнения о медико-социальных явлениях, что позволяет им получать информацию не только в форме субъективных оценок осуществляемых мер, но и в форме объективных медико-социологических показателей результатов функционирования системы здравоохранения.

Для развития этого направления, цель которого — повышение качества оказания медицинской помощи, удовлетворенности населения работой всей системы здравоохранения, гармонизации взаимодействия «медицинский работник — пациент», необходимо получение мнений различных групп населения по вопросам, связанным с формированием мотивации к здоровому образу жизни, ответственного и здоровьеохранительного поведения граждан, а также с соответствием ожидаемого и предоставляемого качества и спектра медицинских услуг. Поэтому с каждым днем становится более актуальной проблема общественной оценки (на основе постоянно действующего мониторинга общественного мнения) проводимых мероприятий в системе здравоохранения и степени мотивации граждан на ведение здорового образа жизни. Таким образом, проведение медико-социологических исследований — неотъемлемая часть современного здравоохранения.

Медико-социологическое исследование как система логически последовательных методологических и организационно-технологических процедур, связанных между собой единой целью — получить достоверные объективные данные об изучаемом явлении [3] (например, об удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи), — требует профессиональной работы организаторов здравоохранения, социологов, психологов, математиков и специалистов в исследуемой области. Чрезвычайно опасными являются непрофессиональные попытки проведения социологических исследований, что может привести к получению недостоверных результатов или их искажению и дискредитировать идею медико-социологического мониторинга [5].

Для создания и успешного функционирования системы медико-социологического мониторинга должны быть созданы определенные предпосылки. Это, во-первых, способность специалистов ставить актуальные цели медико-социологических исследований; во-вторых, наличие эффективного информационного обеспечения для систематического сбора, обработки и пе-

[1] Состояние здоровья населения в связи с состоянием окружающей среды и условиями проживания населения. Оценка риска, связанного с воздействием факторов образа жизни на здоровье населения. Методические рекомендации МР 2.1.10.0033-11.

редачи медико-социологической информации; в-третьих, наличие слаженной работы команды профессионалов.

При этом важно теоретически обосновать приоритеты медико-социологических исследований, которые позволят прогнозировать развитие территориальной системы здравоохранения, а также получать необходимые данные для принятия управленческих решений; иметь профессиональные знания о возможностях системы медико-социологических исследований и мониторинга, а также опыт их применения; использовать эффективную систему электронной обработки данных, основанную на использовании аналитических, эвристических и имитационных моделей и позволяющую проводить обмен данными на расстоянии.

Типы организации работы бюро:

1. Коллегиальное непостоянно действующее подразделение учреждения собирается по необходимости и после выполнения задачи распускается. Целью его является разработка, ведение и анализ результатов исследовательских проектов, создание отчетной документации и презентация результатов перед заказчиком (руководством, вышестоящими структурами и т. д.).

2. Структурное подразделение (отдел, служба, бюро, центр и т. д.) — постоянно действующее полноправное подразделение организации, имеющее уставные положения и должностные обязанности каждого своего члена. Данное подразделение выполняет возложенные на него руководством учреждения и закрепленные общим положением работы учреждения обязанности.

Руководитель бюро назначает менеджера исследовательского проекта — ведущего специалиста, понимающего специфику исследования, который будет в состоянии осуществлять общее управление конкретным проектом. Менеджер проводит регулярный мониторинг проекта, а также координирует деятельность членов команды бюро. Менеджер проекта определяет необходимое количество специалистов для реализации проекта и вместе с руководителем осуществляет формирование команды. Если проект небольшой, функции руководителя проекта и менеджера проекта может совмещать один человек.

На разных этапах реализации исследовательских задач численность команды может быть различной, в зависимости от количества и сложности мероприятий, заложенных в план исследования. Однако костяк команды бюро всегда остается неизменным, его составляют постоянные участники команды: руководитель бюро, менеджер, специалисты, отвечающие за принятие решений по ходу исследований в пределах своей компетенции.

Деятельность бюро целесообразно регламентировать в соответствующем положении, а команды бюро — в должностных инструкциях. Основные процессы медико-социологических исследований следует также документировать. Наиболее рациональным документом для этого является положение о Бюро медико-социологических исследований (далее Бюро МСИ).

Работа Бюро медико-социологических исследований любого типа организации прежде всего направлена на решение следующих научных, методических и организационных задач:

- построение моделей взаимодействия основных источников и потребителей медико-социологической информации;
- обоснование необходимого и достаточного перечня медико-социологических показателей деятельности, подлежащих систематическому

наблюдению и позволяющих с достаточной степенью оценить динамику состояния всех субъектов;

- разработка программ наблюдений;
- разработка технологии исследований.

Контент-анализ медико-социологических и социально-экономических исследований последних лет, проведенных в разных регионах РФ, позволяет охарактеризовать их по следующим параметрам [5]:

- медико-социальной характеристике территории (плотность населения, структура промышленности города, характер предприятий, экологическая статистика, санитарно-эпидемиологическая статистика, средняя обеспеченность населения жилой площадью, уровень реальной заработной платы, средняя обеспеченность населения амбулаторно-поликлинической и стационарной медицинской помощью, расходы городского бюджета на оказание медицинских услуг населению и другие аспекты);
- показателям здоровья населения данного города (рождаемость, смертность, заболеваемость и др.);
- потребности в медицинских услугах;
- доступности медицинской помощи (обеспеченность необходимыми видами и объемами лечебно-диагностической помощи, обеспеченность лекарственными средствами, удовлетворенность тарифно-ценовой политикой на медицинские услуги и лекарственные средства);
- защите прав застрахованных (удовлетворенность качеством медицинской помощи, медико-информационным и лекарственным обеспечением);
- финансовой обеспеченности территориальной программы повышения эффективности и качества медицинских услуг.

Исходя из этого, организации, проводящие медико-социологические исследования, должны [5, 7]:

- предоставлять итоги постоянного контроля за результатами реформ;
- выявлять существующие проблемы в здравоохранении;
- предоставлять материалы для оценки реализации целевых программ;
- оказывать содействие в осуществлении контроля над уровнем обеспечения территориальной программы повышения эффективности и качества медицинских услуг ресурсами и эффективностью их использования.

Поэтому работа Бюро МСИ включает два основных блока:

1) сбор данных и их предварительная социологическая обработка;

2) ввод, хранение, анализ, интерпретация результатов исследований.

В состав Бюро МСИ могут входить специалисты следующих специальностей: врач-методист, врач-статистик, врач-кибернетик, социолог, оператор ЭВМ. Непосредственные функциональные обязанности членов бюро могут быть сформулированы так, как это показано ниже.

Распределение обязанностей в Бюро МСИ:

Менеджер социологических исследований (руководитель бюро):

1. Организация работы и управление командой аналитиков-исследователей.

2. Составление перечня работ, календарного плана работ по этапам в соответствии с проектом/программой.

3. Разработка и проведение социологических исследований (в том числе инструментария исследования), как стандартных, так и целевых по запросам

подразделений учреждения, вышестоящих организаций и организаций-партнеров.

4. Анализ результатов исследований, подготовка планов действий и дальнейших исследований по полученным результатам.

5. Коммуникация результатов исследований и необходимого плана действий. Подготовка презентаций.

6. Организация пропаганды социологических знаний в подведомственных структурах.

7. Обеспечение эффективного взаимодействия с подразделениями как самого учреждения, так и подведомственных организаций и структур.

Врач-методист:

1. Участие в составлении проектов (программ), перспективных и годовых планов медико-социологических исследований, а также в организации социально-культурных мероприятий по популяризации направления, например «Здоровый образ жизни и здоровьеохранительное поведение», среди целевой аудитории.

2. Обработка, анализ данных и составление прогнозов с помощью компьютерных программ статистической обработки социологической и медико-социологической информации по результатам исследований, проведенных в рамках проектов и программ, действующих в учреждении, а также исследований, проведенных по целевым запросам подразделений учреждения, вышестоящих организаций и организаций-партнеров.

3. Осуществление аналитической работы в проектах, связанных с медико-социологическими исследованиями учреждения: формирование выводов, графическое отображение результатов и составление рекомендаций по итогам проведенных медико-социологических исследований.

4. Обеспечение внедрения в практику прогрессивных форм и методов работы по организационно-методическому обеспечению медико-социологических исследований.

Врач-кибернетик, врач-статистик:

1. Обработка данных медико-социологических исследований:

– создание макетов для ввода данных (матрица/база данных),

– подготовка базы данных для работы (разметка, расстановка меток переменных и т. д.),

– проверка данных на корректность и логику заполнения,

– анализ данных с помощью статистических методов (факторный, кластерный, регрессионный анализ и т. д.) для выявления скрытых закономерностей.

2. Подготовка справок на основе данных медико-социологических исследований, проведенных Бюро.

3. Составление годового статистического отчета о работе Бюро.

Социолог:

1. Проведение социологических исследований по изучению общественного мнения в рамках тематики, например «Здоровый образ жизни и здоровьеохранительное поведение», с целью разработки и внедрения мероприятий, популяризирующих это направление среди целевых аудиторий (согласно программе или плану мероприятий учреждения).

2. Обработка данных медико-социологических исследований, проведенных в рамках проектов и программ, действующих в учреждении, а также исследований, проведенных по целевым запросам подразделений учреждения, вышестоящих организаций и организаций-партнеров.

3. Анализ данных медико-социологических исследований, проведенных бюро, с помощью статистических методов (факторный, кластерный, регрессионный анализ и т. д.) для выявления скрытых закономерностей.

4. Оказание методической помощи работникам подведомственных структур по организации и проведению плановых медико-социологических исследований.

Оператор ЭВМ:

1. Отбор, сортировка массива анкет.

2. Ввод данных исследования (создание базы данных, матрицы» исследования).

Архивирование баз данных и бумажных носителей информации (анкет, опросных листов и т. д.).

Перечень данных специальностей актуален как для коллегиального типа организации бюро, так и для структурного. Но принципы постоянно действующего полноправного подразделения организации несколько отличаются от принципов коллегиального типа организации бюро МСИ. Именно модель структурного подразделения и была реализована с февраля 2014 г. в ГКУЗ НСО «РЦМП», когда в составе Отдела мониторинга факторов риска хронических неинфекционных заболеваний и координации деятельности центов здоровья было создано новое структурное подразделение — Бюро медико-социологических исследований.

Согласно Положению о структурном подразделении, Бюро МСИ является исследовательским центром, изучающим, анализирующим и внедряющим в деятельность государственных учреждений здравоохранения, в том числе в центры здоровья Новосибирской области, современные формы:

- мониторинга факторов риска хронических неинфекционных заболеваний (ХНИЗ)[2] [6, 7],
- оценки риска, связанного с воздействием факторов образа жизни на здоровье населения;
- оценки степени удовлетворенности населения качеством медицинских услуг[3], оказываемых в центрах здоровья [6, 7];
- опроса общественного мнения [6, 7] об эффективности и востребованности комплексных программ по формированию здорового образа жизни среди населения Новосибирской области, а также мер по сохранению и укреплению здоровья различных групп населения.

---

[2] Political Declaration of the High-level Meeting of the General Assembly on the Prevention and Control of Non-communicable Diseases / Резолюция 66/2 Генеральной ассамблеи ООН. URL: (http://www.who.int/nmh/events/un_ncd_summit2011/political_declaration_en.pdf); URL: http://www.who.int/chp/steps/en (дата обращения: 25.07.2013).

[3] Massachusetts Health Quality Partnership. Massachusetts acute care hospital statewide patient survey project. Boston, 1998. 258 p.

Бюро МСИ отвечает за:

- формирование банка эмпирических данных и архива по результатам проводимых медико-социологических исследований;
- разработку программ/курсов/семинаров по итогам проведенных исследований для сотрудников государственных учреждений здравоохранения, а также для населения Новосибирской области.

Основными задачами бюро МСИ являются:

1. Обеспечение единого принципа организационно-методического руководства и контроля деятельности отделений (кабинетов) медицинской профилактики, центров здоровья для взрослого населения и центров здоровья для детей Новосибирской области по вопросам формирования системы мониторинга факторов риска ХНИЗ, выработки эффективных методов профилактики и воздействия на модифицируемые факторы риска, проведения социологических опросов различных групп населения.

2. Принятие участия совместно с главными штатными и внештатными специалистами Министерства здравоохранения Новосибирской области в формировании целевых показателей реализации мероприятий по формированию здорового образа жизни, снижению факторов риска развития ХНИЗ у населения, эффективной деятельности центров здоровья для взрослых и центров здоровья для детей Новосибирской области.

3. Координация и проведение мониторинга:

– рисков для здоровья населения, работы по формированию групп высокого риска и организации просветительской работы по снижению воздействия модифицируемых факторов риска развития хронических неинфекционных заболеваний;

– формирования мотивации к здоровому образу жизни, борьбе с вредными привычками у различных групп населения;

– знаний и навыков, полученных пациентами государственных учреждений здравоохранения, центров здоровья для взрослого населения и центров здоровья для детей, по вопросам контроля собственного здоровья, самостоятельного проведения профилактических и оздоровительных мероприятий, не требующих присутствия и участия медицинских специалистов;

– удовлетворенности пациентов доступностью, качеством и эффективностью информационного обеспечения и проведения профилактических и оздоровительных мероприятий специалистами государственных учреждений здравоохранения и медицинскими работниками центров здоровья для взрослого населения и центров здоровья для детей Новосибирской области.

4. Изучение, обобщение и анализ, совместно с заинтересованными специалистами, статистических данных и материалов исследований учреждений здравоохранения и центров здоровья для взрослого населения и центров здоровья для детей Новосибирской области.

5. Организация и проведение социологических исследований среди пациентов и медицинских работников государственных учреждений здравоохранения по проблемам профилактики заболеваний, укрепления здоровья и формирования здорового образа жизни у различных групп населения.

6. Подготовка аналитических обзоров по результатам медико-социологического мониторинга и информирование специалистов и руководи-

телей государственных учреждений здравоохранения для принятия соответствующих решений.

7. Изучение, обобщение, распространение передовых форм и методов работы государственных учреждений здравоохранения Новосибирской области и других регионов по организации медико-социологического мониторинга факторов риска ХНИЗ, деятельности центров здоровья для взрослого населения и центров здоровья для детей.

8. Подготовка и проведение семинаров, совещаний, научно-практических конференций по вопросам совершенствования медико-социального мониторинга в государственных учреждениях здравоохранения, центрах здоровья для взрослого населения и центрах здоровья для детей Новосибирской области и улучшения качества работы, направленной на мотивацию снижения факторов риска среди различных групп населения.

9. Оказание консультативно-методической помощи врачам-специалистам, руководителям государственных учреждений здравоохранения по вопросам организации медико-социологических исследований в учреждениях здравоохранения.

10. Контроль за исполнением отделениями (кабинетами) профилактики государственных ЛПУ Новосибирской области, центров здоровья для взрослого населения и центров здоровья для детей Новосибирской области директивных документов Минздрава РФ, Министерства здравоохранения Новосибирской области, ГКУЗ НСО «РЦМП», касающихся проведения медико-социологических исследований.

Медико-социологические исследования проводятся специалистами Бюро МСИ с использованием информационных технологий для накопления и обработки информации с применением средств вычислительной техники и специальных программ. Автоматизированные системы, как правило, дают возможность накапливать результаты статистических наблюдений в базах данных и в дальнейшем выводить их в требуемом виде (получать новые показатели с помощью математической обработки исходных данных, проводить статистическую обработку информации, контролировать динамику изменений), что позволяет оптимизировать управление технологическими процессами.

В итоге медико-социологические исследования заканчиваются внедрением их результатов в практику здравоохранения. В зависимости от цели и задач исследования, по согласованию с руководством, возможны различные варианты практического использования результатов работ [8]:

ознакомление с результатами работников отдельных управлений, врачей и других заинтересованных лиц (лекция, доклад);

подготовка приказа, методических указаний, инструкций;

опубликование в печати (статьи, монографии, отчеты).

Большое значение имеет дальнейшее развитие форм и методов оценки эффективности исследований, в результате которых могут изменяться показатели деятельности системы здравоохранения, лучше использоваться ресурсы.

Эффективность социологических опросов в здравоохранении может повышаться за счет работы постоянной системы сбора социологической ин-

формации [6] и создания банка данных по отдельным лечебно-профилактическим учреждениям, районам, округам и т. д. [8, с. 831—832].

В заключении хотелось бы отметить, что банк социологических данных каждого Бюро МСИ служит для сохранения и накопления информации и позволяет проводить анализ итогов социологических опросов в динамике. Материальной базой банка социологической информации может служить специально организованный архив первичной социологической информации и итоговые отчеты по ее анализу. Современные информационные технологии позволяют проводить подробный анализ информации в различных разрезах и обеспечивать ее длительное хранение для последующего использования с быстрым поиском нужных данных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Петров В. И., Седова Н. Н.* Социологические проблемы здоровья городского населения // Социология города. 2008. № 1. С. 5—11.

2. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. 722 с.

3. *Зарубина Т. В., Ефименко С. А.* Медико-социологический мониторинг как инструмент современных технологий в управлении здоровьем // Врач и информационные технологии. 2007. № 2. С. 59—65.

4. *Бочарнинова Е. Л., Светличная Т. Г., Цыганова О. А.* Методика анализа удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи: методические рекомендации. Архангельск : Изд-во СГМУ, 2010. 52 с.

5. *Решетников А. В., Ефименко С. А.* Проведение медико-социологического мониторинга: учебно-методическое пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. 160 с.

6. *Шальнова С. А., Концевая А. М.* Мониторинг факторов риска хронических неинфекционных заболеваний в практическом здравоохранении: методические рекомендации. М., 2012. 27 с.

7. EUROHIS. Developing Common Instruments for Health Surveys / ed. by A. Nosikov, C. Gudex. IOS Press, 2003. 204 p.

8. *Решетников А. В.* Социология медицины (введение в научную дисциплину): Руководство. М.: Медицина, 2002. 975 с.

REFERENCES

1. Petrov V. I., Sedova N. N. Sociological problems of urban population health. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2008, no. 1, pp. 5—11. (In Russ.).

2. Yadov V. A., ed. *Sociology in Russia*. 2nd edition. Moscow, Institute of Sociology of RAS Publ., 1998. 722 p. (In Russ.).

3. Zarubina T. V., Efimenko S. A. Medical and Sociological Monitoring as Tool of Modern Technologies in Health Management. *Vrach i informatsionnye tekhnologii* [Doctor and Information Technologies], 2007, no. 2, pp. 59—65. (In Russ.).

4. Bocharninova E. L., Svetlichnaya T. G., Tsyganova O. A. *Metodika analiza udovletvorennosti patsientov kachestvom meditsinskoi pomoshchi* [Methodology of Analysis of Satisfaction of Patients with Medical Aid]. Arkhangelsk, SGMU Publ., 2010. 52 p. (In Russ.).

5. Reshetnikov A. V., Efimenko S. A. *Provedenie mediko-sotsiologicheskogo monitoringa* [Medical and Sociological Monitoring]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2007. 160 p. (In Russ.).

6. Shal′nova S. A., Kontsevaya A. M. *Monitoring faktorov riska khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevanii v prakticheskom zdravookhranenii* [Monitoring of Risk Factors of Chronic Noncontagious Diseases in Practical Healthcare]. Moscow, 2012. 27 p. (In Russ.).

7. EUROHIS. Developing Common Instruments for Health Surveys / ed. by A. Nosikov, C. Gudex. IOS Press, 2003. 204 p.

8. Reshetnikov A. V. *Sotsiologiya meditsiny (vvedenie v nauchnuyu distsiplinu)* [Sociology of Medicine (Introduction into Science Discipline)]. Moscow, Medicine Publ., 2002. 975 p. (In Russ.).

© Захарова М. А., Фомичева М. Л., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: *Захарова М. А., Фомичева М. Л.* Современные методы медико-социологических исследований в крупном промышленном городе // Социология города. 2014. № 3. С. 5—16.

For citation: Zakharova M. A., Fomicheva M. L. Modern methods of medical and sociological research in a large industrial city. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 5—16. (In Russ.).

УДК 502.45+502.057

А. В. Шабанова

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕКРЕАЦИОННОЙ НАГРУЗКИ НА ГОРОДСКИЕ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ЛИМНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ГОРОДА САМАРЫ

Особо охраняемые природные территории в городе представляют собой важный компонент экологического каркаса. В настоящее время перечень особо охраняемых территорий расширяется, в том числе на урбанизированных территориях. Помимо природосберегающей функции, они зачастую выполняют и рекреационную. При этом возникает конфликт интересов: с одной стороны, город заинтересован в рекреационных ресурсах, с другой стороны, сохранение особо охраняемых территорий налагает определенные ограничения на рекреацию, особенно неорганизованную. В связи с этим возникает необходимость обоснования допустимых нагрузок на рекреационный ландшафт в условиях урбанизации с учетом статуса особо охраняемых территорий.

В качестве объектов исследования выбраны четыре особо охраняемых территории города Самары – лимнологических комплекса: парк «Воронежские озера», Ботанический сад, пруд Сухой, пруд на ул. Аэродромной. Были проанализированы величины рекреационных потоков, а также фактическое состояние рекреационных объектов. Для оценки возможных рекреационных нагрузок была применена гравитационная модель, и по результатам расчетов показано, что максимальное количество посетителей ожидается в парке «Воронежские озера», а минимальное – у прудов Сухой и на ул. Аэродромной. Были также определены рекреационные нагрузки, которые изменялись в широких пределах (5...98 чел./га). Для изученных объектов предложена система показателей рекреационной нагрузки. Она включает показатели нагрузки на водный объект (интегральный индекс экологического состояния) и на территорию (доля переуплотненной почвы, количество кострищ, разнообразие рекреационных занятий). По величине

Введение. Реестр особо охраняемых природных территорий регионального значения Самарской области включает следующие объекты, располагающиеся на территории Самары: древостой дуба естественного происхождения, древостой дуба, пещера братьев Греве, Самарское устье, Сокольи горы и берег Волги между Студеным и Коптевым оврагами [1]. Все они выполняют рекреационные функции, давая возможность горожанам реализовывать еженедельный цикл рекреации. В [2] к охраняемым гидробиоценозам на территории города отнесены пруды на улицах Аэродромной, Ивана Булкина, пруд Сухой, пруды парка «Воронежские озера». Они относятся к внутриквартальным рекреационным объектам [3], обеспечивая условия для ежедневной рекреации.

Из десяти перечисленных объектов девять являются памятниками природы — «уникальные, невосполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношениях природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения» (ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Памятники природы, расположенные на территории городов, испытывают антропогенную нагрузку, в том числе возникающую вследствие рекреационной деятельности. Необходимым условием их сохранения является регулирование рекреационных нагрузок, в связи с чем возникает необходимость определения показателей допустимой нагрузки.

1. Постановка задачи. Схема взаимодействий, возникающих в рекреационной системе, представлена на рис. 1.

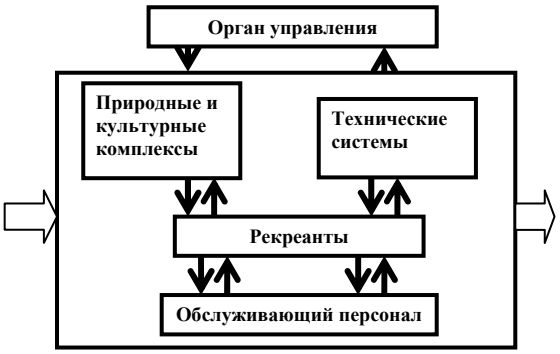

Рис. 1. *Блок-схема рекреационной системы [4]*

коэффициента корреляции между рекреационной нагрузкой и количеством кострищ была оценена информативность количества кострищ как косвенного показателя рекреационной нагрузки. Анализ количества и пространственного распределения кострищ предложено использовать для выявления сложившегося функционального зонирования объекта, что позволит обоснованно подходить к разработке планировочных решений при реабилитации объекта. Использование индекса интегрального экологического состояния показало, что для обследованных объектов возможно два состояния: зона относительного экологического благополучия и зона экологического кризиса. Разработка природоохранных мероприятий для лимнологических комплексов в городских условиях требует разработки новых, более информативных подходов к оценке состояния водных объектов.

Ключевые слова:
рекреационные нагрузки, особо охраняемые природные территории, городской водный объект, рекреационный объект.

A. V. Shabanova

DEVELOPMENT OF A SYSTEM OF INDICATORS OF RECREATIONAL LOAD ON URBAN PROTECTED AREAS ON THE EXAMPLE OF THE LIMNOLOGICAL COMPLEXES IN THE CITY OF SAMARA

Protected areas in the city are an important component of an ecological framework. Currently, the list of protected areas is expanding, especially in urban areas. In addition to environmental functions, they are also recreational resources. This gives rise to a conflict of interests: on the one hand, the city is interested in recreational resources; on the other hand, maintaining of protected areas imposes certain restrictions on recreation, especially unorganized one. In this connection it is necessary to study the allowable loads on recreational landscape in urbanized territories, taking into account the status of protected area. There were taken four protected territories in Samara – limnological complexes as objects of study: park "Voronezhskiye ozera", the Botanical Garden, the "Sukhoy" pond, the pond in Aerodromnaya Str. Recreational flows

Эта схема подразумевает, что природные и культурные комплексы могут быть управляемы непосредственно. Ранее нами [5] была предложена схема системы «Городской водный объект» (рис. 2).

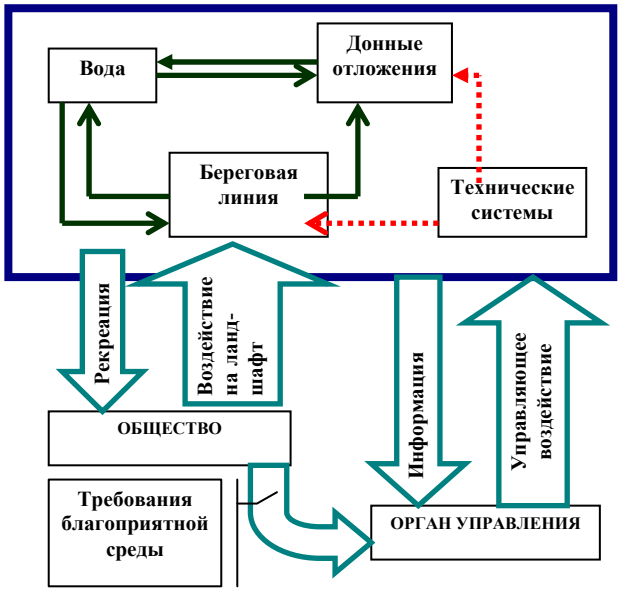

Рис. 2. *Схема системы «Городской водный объект»*

Схема 2 демонстрирует, что свойства подсистемы «Вода» изменяются в результате взаимодействия с подсистемами «Донные отложения» и «Береговая линия» и практически не управляются напрямую «Техническими системами». Все это позволяет говорить о сложном, многоплановом характере взаимодействий рекреантов и рекреационного объекта.

В работах последних лет городские рекреационные объекты, в том числе имеющие статус особо охраняемых природных территорий, зачастую исследуются по компонентам природной среды [6]. Так, в [7] была исследована устойчивость почвенно-растительного покрова рекреационных объектов в условиях урбанизированных территорий. Объектами исследования становятся не только парки и особо охраняемые территории, но и городские районы, состояние и особенности их зеленых насаждений [8]. Особый интерес представляют водные объекты городских рекреационных объектов, включение водоема в город-

were analyzed, as well as the actual state of recreational facilities. To assess the possible recreational load the gravity model was applied, and the calculation results showed that the maximum number of visitors is expected in the park "Voronezhskiye Ozera" and the minimum - at the "Sukhoy" pond and the pond in Aerodromnaya Str. Recreational loads also have been measured, that varied over a wide range (5-98 persons/ha). For the objects in study there was proposed a scorecard of recreational load. It includes indicators of load on the water body (the integral of ecological status index) and on the territory (the share of trampled soil, number of fireplaces, a variety of recreational pursuits). By using the magnitude of the correlation coefficient between the recreation load and the number of fireplaces there was estimated the informational content of number of fireplaces as an indirect indicator of recreational load. The analysis of the number and spatial distribution of fireplaces was proposed to use for identification of existing functional zoning of the facility, which will help to develop planning decisions when restoring the object. Using integral ecological status index showed that the surveyed objects may have two states - a relative prosperity zone and ecological crisis zone. Development of environmental measures for limnological complexes in urban areas requires the development of new, more informative approaches to assessing the status of water bodies.

Key words:
recreational load, protected areas, urban water body, recreational facility.

Об авторе:

Шабанова *Анна Всеволодовна – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры природоохранного и гидротехнического строительства, Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Российская Федерация, 4430001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, moineau@yandex.ru*

Shabanova *Anna Vsevolodovna – Candidate of Chemistry, Docent, Docent of Nature Oriented and Hydrotechnical Construction Department, Samara State University of Architecture and Civil Engineering. Russian Federation, 4430001, Samara, 194, Molodogvardeyskaya St.,*

скую среду приводит к изменению его питания [9] и видового разнообразия [10].

Для эффективной работы орган управления должен получать своевременную, достоверную и объективную информацию о состоянии рекреационной системы, в том числе природных и культурных комплексов. В связи с эти возникает вопрос о выборе системы показателей (индикаторов).

Важнейшим показателем, характеризующим воздействие на рекреационный объект, является рекреационная нагрузка — количество посетителей в пересчете на 1 га, находящихся одновременно на объекте в жаркие воскресные дни. Многие из памятников природы Самары представляют собой парки или располагаются на территориях парков, поэтому мы сопоставили значения допустимых рекреационных нагрузок для парков. В [11] указывается величина 50 чел./га, в СНиП 2-07.01.89 — 100, а в [12] — 100…150 чел./га. Таким образом, сравнение фактических нагрузок с допустимыми является недостаточным для оценки состояния объекта и принятия решений в области управления рекреационным природопользованием.

Рекреационные нагрузки оценивают также по стадии дигрессии [13], но этот показатель применим для лесных насаждений. Для нелесных площадей определение стадии дигрессии может выполняться по коэффициенту рекреации, который представляет собой долю переуплотненной и вытоптанной почвы.

Целью настоящей работы является определение набора показателей, характеризующих рекреационные нагрузки на городские рекреационные объекты.

2. Объекты исследования. Водоем всегда привлекает значительное количество рекреантов. Рекреационные объекты, расположенные на территории города и включающие в себя пруды — памятники природы, характеризуются максимальными рекреационным нагрузкам, а управление рекреационными потоками зачастую не осуществляется. Одна из причин этого — неопределенность статуса таких объектов. По данным, приводимым в [2], только для 33 % редких

и охраняемых гидробиоценозов Самары есть решения об охране (рис. 3). Остальные, в основном это лимнологические комплексы, используются для рекреационных целей без каких-либо ограничений, что ведет к снижению их ценности как рекреационных объектов [14]. Разработка подходов к оценке и нормированию рекреационных нагрузок для таких объектов является неотъемлемой частью эффективной системы управления городскими рекреационными объектами, имеющими статус особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

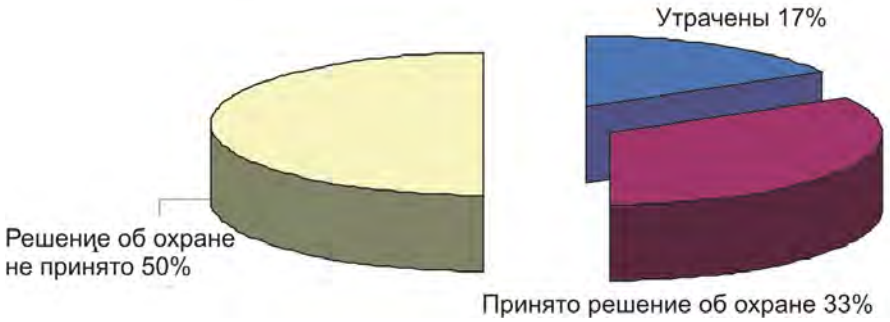

Рис. 3. *Статус редких и охраняемых гидробиоценозов города Самары*

В качестве объектов исследования нами были выбраны три ООПТ — парк «Воронежские озера», Ботанический сад, пруд Сухой и пруд на ул. Аэродромной. Основные их характеристики приводятся в табл. 1.

Таблица 1. *Общие сведения о некоторых особо охраняемых природных территориях Самары*

Объект	Статус, предмет охраны, режим охраны	Площадь, га	Водные объекты (пруды/родники)
Парк «Воронежские озера»	Предмет охраны: лимнологический природный комплекс. Памятник природы. Уровень охраны: районный. Решение об охране: РИК № 373 от 02.10.1991.	13	3/-
Ботанический сад	Предмет охраны: обширные коллекции интродуцентов, пруды. Памятник природы. Уровень охраны: районный. Решение об охране: РИК № 248 от 25.10.1977; ОИК № 201 от 14.06.1989	34	2/1
Пруд Сухой	Предмет охраны: лимнологический природный комплекс. Памятник природы. Уровень охраны: районный. Решение об охране: не принято	Менее 1	1/-

Окончание табл. 1

Пруд на ул. Аэродромной	Предмет охраны: лимнологический природный комплекс. Памятник природы. Уровень охраны: районный. Решение об охране: не принято	Менее 1	1/1

Все рассматриваемые объекты включают в себя пруды (табл. 2).

Таблица 2. *Морфометрические показатели прудов*

	Длина, м	Средняя ширина, м	Средняя глубина, м	Литература
Парк «Воронежские озера»:				
№ 1	100	30	1,6	
№ 2	120	60	1,0	
№ 3	140	40	2,0	[15]
Ботанический сад:				
Верхний	50	40	1,5	
Нижний	150	40	2,0	[15]
Пруд Сухой	60	25	2,0	[2]
Пруд на ул. Аэродромной	25	20	0,6	[2]

На территории *парка «Воронежские озера»* (рис. 4) имеются три пруда овражного происхождения. Они были созданы в конце XIX в. для полива садов [16]. Пруды питаются за счет атмосферных осадков и мощных родников.

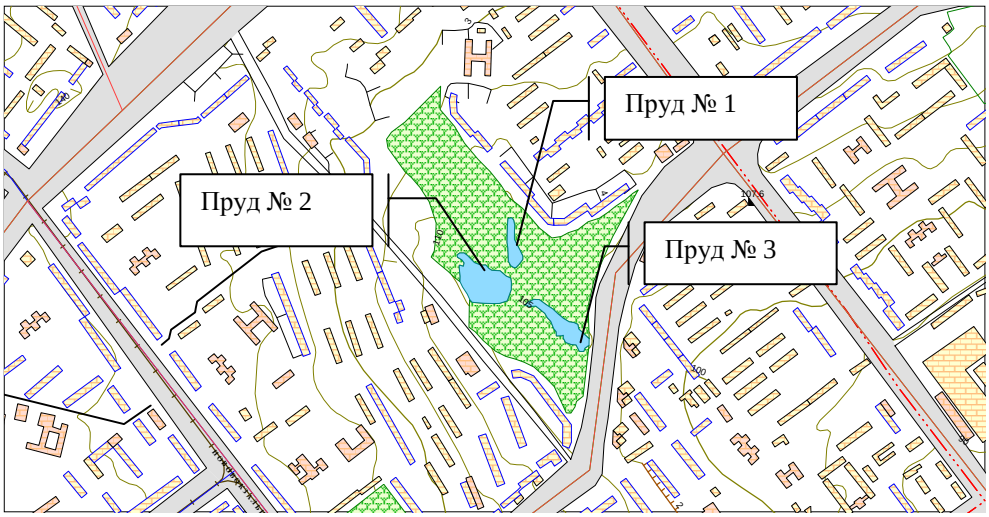

Рис. 4. *Парк «Воронежские озера»*

В настоящее время парк «Воронежские озера» является зоной рекреации для жителей нескольких прилегающих микрорайонов. В результате создания рекреационного объекта в городскую среду оказался включенным фрагмент типичного для Самарской области ландшафта, представляющий собой познавательную и историко-культурную ценность.

Ботанический сад был образован 1 августа 1932 г. [17], на его территории есть целый комплекс природных объектов, 14 разновидностей почв, родники и два пруда (рис. 5), созданные в конце XIX в. [2]. Пруды питаются за счет атмосферных осадков и грунтовых вод.

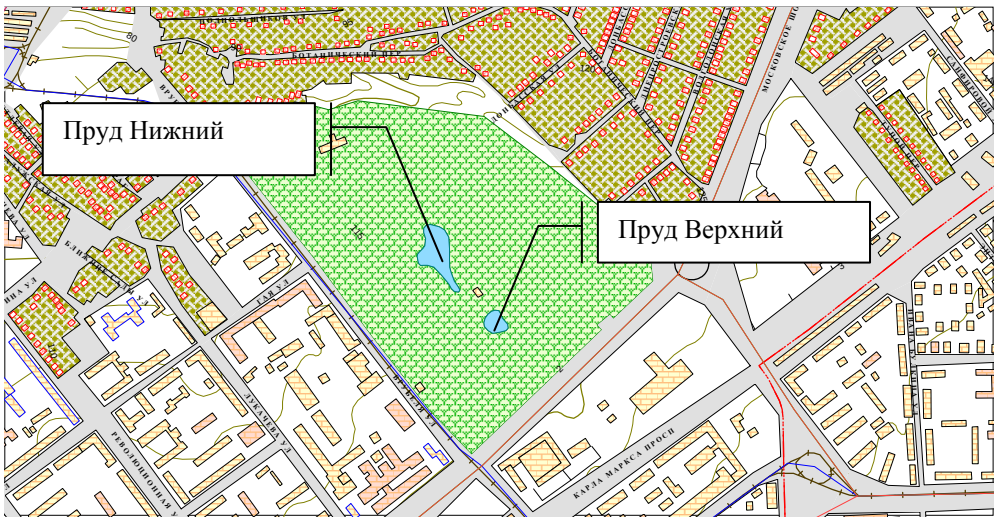

Рис. 5. *Ботанический сад*

Пруд Сухой (рис. 6) расположен недалеко от Поволжской государственной социально-гуманитарной академии по улице Антонова-Овсеенко, 26.

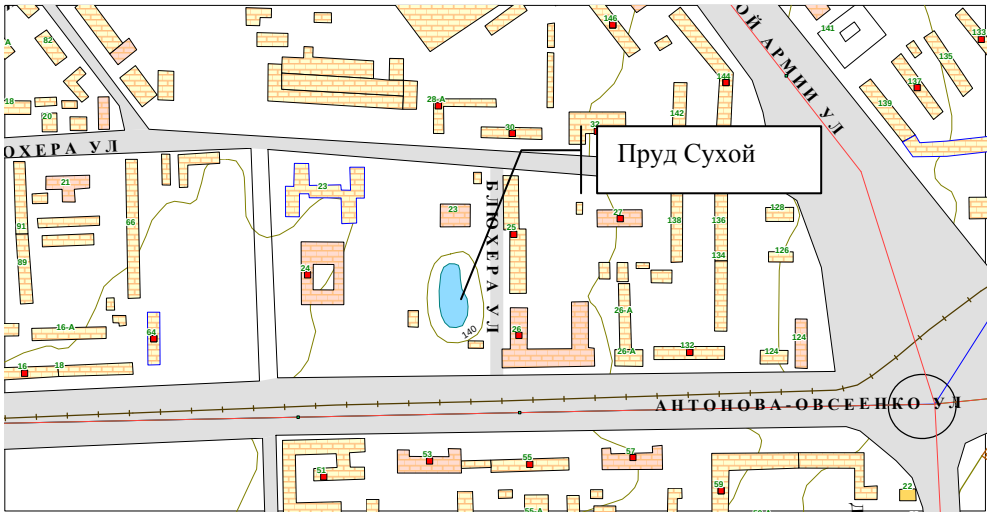

Рис. 6. *Пруд Сухой*

Это копаный пруд конца XIX в. Питается только за счет атмосферных осадков, поскольку произошло заиление родников [2]. Колебания уровня воды до 170 см за сезон, в засушливые годы пруд полностью пересыхает.

Пруд на ул. Аэродромной (рис. 7) располагается среди жилых домов в границах улиц Аэродромная — Партизанская — Промышленности — Авроры.

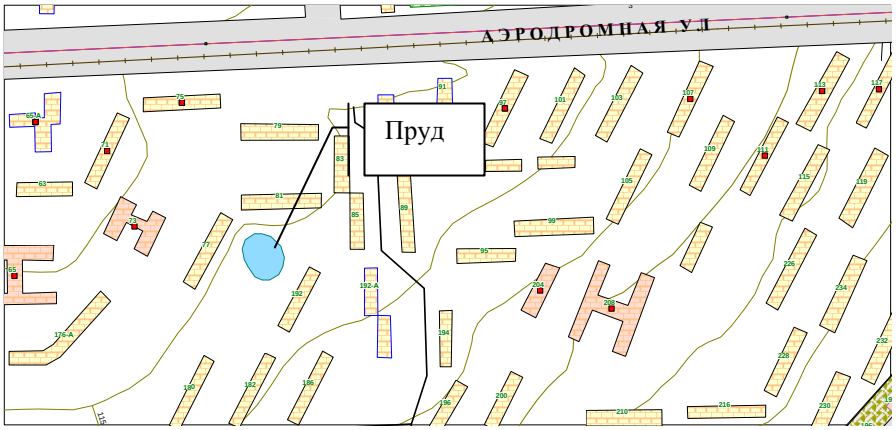

***Рис. 7.** Пруд на ул. Аэродромной*

Это довольно редкий для Самары комплекс «пруд — родник», имеющий неофициальное название «Родничок надежды». Пруд копаный, вероятно, как и большинство самарских прудов, организован в конце XIX — начале XX веков. Питается за счет атмосферных осадков [2]. Местные жители охотно используют воду из родника.

3. Результаты и их обсуждение. Все рассматриваемые объекты пользуются большой популярностью у местных жителей. Мы оценили вероятное число посетителей с помощью гравитационной модели, приведенной в [18]:

$$V_{ij} = K \frac{P_i^p C_j^c}{D_{ij}^d} D_{ij}^{n \ln \frac{D_{ij}}{m}},$$

где V_{ij} — вероятное количество посетителей рекреационного объекта; P_i — людность населенного пункта; D_{ij} — расстояние от места проживания до рекреационного объекта; C_j — емкость объекта. Согласно рекомендациям [18], были приняты следующие значения эмпирических коэффициентов: $K = 0{,}00111$, $p = 1$, $c = 1$, $d = 3{,}8$, $m = 1{,}25$, $n = 2$. Принятые нами значения и результаты расчетов сведены в табл. 3.

***Таблица 3.** К определению вероятного числа посетителей рекреационных объектов*

	Парк «Воронежские озера»	Ботанический сад	Пруд на ул. Аэродромной	Пруд Сухой
Площадь территории, доступной для рекреантов, га	10,36	21	0,5	0,5
Режим использования	Лесопарковый	Лесопарковый	Парковый	Парковый

Окончание табл. 2

	Парк «Воронежские озера»	Ботанический сад	Пруд на ул. Аэродромной	Пруд Сухой
Допустимые нагрузки, чел./га	50	50	100	100
Емкость, чел.	518	1050	50	50
Людность района (микрорайона), тыс. чел.	267	119	72	19
Расстояние от места проживания до рекреационного объекта, км*	2	2	1	1
Вероятное число посетителей, тыс. чел.	40,7	19	4	1,5

*Принято 2 км для более популярных крупных объектов, 1 км — для внутриквартальных рекреационных объектов.

Таким образом, мы вправе ожидать максимальный поток рекреантов в парке «Воронежские озера», и минимальный — на внутриквартальных рекреационных объектах (пруды Сухой и на ул. Аэродромной).

Для оценки состояния объектов исследования мы использовали величину рекреационной нагрузки и ряд признаков, характеризующих качество воды водных объектов. Сопоставление рекреационных нагрузок дало следующее.

Воронежские озера. По нашим данным в выходные дни (июль) средняя рекреационная нагрузка составляла 11 чел./га (от 1 до 32 в различных зонах), в будни — 12 (от 4 до 34 в различных зонах).

Ботанический сад. Проводится ежегодно до 300 групповых экскурсий по оранжерее и дендрарию (около 10 тыс. человек — по оранжерее и 1,5 тыс. — по дендрарию). Всего же Ботанический сад посещает до 100 тыс. чел. в год [17]. Рекреационная нагрузка составляет (с учетом того, что с ноября по апрель, а также в выходные дни сад закрыт для посещений) 98 чел./га.

Пруд Сухой. По нашим оценкам нагрузка составляет 6…8 чел./га.

Пруд на ул. Аэродромной. Рекреационная нагрузка составляет от 5 до 10 чел./га. Особенностью этого объекта является его преимущественно транзитный характер использования.

Ранжируя объекты по величине рекреационных нагрузок, можно составить следующий ряд:

Ботанический сад > Воронежские озера > пруд на ул. Аэродромной > пруд Сухой.

В [2] состояние Ботанического сада оценивается как эталонное, а остальные объекты образуют такой ряд:

Ботанический сад, пруд на ул. Аэродромной > пруд Сухой > Воронежские озера.

Таким образом, связь между величиной рекреационной нагрузки и состоянием объекта оказалась неоднозначной. Отличное состояние Ботанического сада можно объяснить системой инженерных мероприятий по защите ландшафта, соответствующих нагрузкам для парка (100…150 чел./га), и эффективным управлением потоками рекреантов.

Биоиндикационные показатели используются для оценки состояния рекреационных ландшафтов, но, как было показано в [15], структура сообществ городских прудов в большей степени определяется физико-химическими характеристиками, чем антропогенным воздействием, в первую очередь связанным с рекреационной деятельностью.

В связи с тем, что связь «воздействие — эффект» у многих из рассмотренных показателей неоднозначна, мы предложили иной набор показателей и апробировали его на объектах исследования.

Для характеристики рекреационной нагрузки на территорию:

доля вытоптанной (переуплотненной) почвы;

количество кострищ;

количество (разнообразие) рекреационных занятий, реализуемых на объекте;

для характеристики рекреационной нагрузки на водный объект — интегральный индекс экологического состояния (ИИЭС).

При этом исходили из следующих требований к показателям рекреационных нагрузок: информативность, простота определения.

Полученный набор показателей мы применили к объектам исследования.

Доля вытоптанной и переуплотненной почвы. Этот показатель близок к коэффициенту рекреационной дигрессии, который используется для оценки состояния лесов рекреационного назначения. Как было показано в работе [19], этот процесс особенно выражен на тропинках и на расстоянии до двух метров от них. По доле переуплотненной почвы рассматриваемые объекты распределились так:

Воронежские озера > Ботанический сад > пруд Сухой, пруд на ул. Аэродромной.

По доле асфальта:

пруд Сухой, пруд на ул. Аэродромной > Ботанический сад > Воронежские озера.

Следовательно, данный показатель зависит в первую очередь от способности асфальтированной дорожно-тропиночной сети обеспечивать доступ к аттрактивным объектам, и в меньшей мере — от рекреационных нагрузок. Это делает благоустройство и, в частности, организацию дорожно-тропиночной сети важным инструментом защиты почвенно-растительного покрова. Но это неизбежно сказывается на облике рекреационного ландшафта.

Кострища

Воронежские озера. Обнаружено 212 кострищ. Они окаймляют три водоема. Интересно, что их количество растет (в апреле мы обнаружили 194 шт., в июле — 212), и администрация не предпринимает никаких мер по их ликвидации.

Ботанический сад. Обнаружено 2—3 кострища. Можно предположить, что они используются для сжигания растительных остатков администрацией сада. Расположены вдали от популярных мест, в том числе от озер.

Пруд Сухой. По периметру пруда обнаружено 6 кострищ.

Таким образом, по количеству кострищ:

Ботанический сад < пруд Сухой < Воронежские озера.

Чтобы оценить возможность использования количества кострищ в качестве индикатора рекреационной нагрузки, мы нашли коэффициент корреляции между этими двумя величинами на примере более многочисленной выборки рекреационных объектов Самары. Коэффициент корреляции составил 0,969. Таким образом, количество кострищ как функцию эффективности системы управления рекреационным объектом и разнообразия рекреационных занятий следует признать информативным показателем. Кроме самого количества кострищ, важен характер их распределения по территориям рекреационного объекта. Он позволяет выявить сложившееся функциональное зонирование, определить зоны пикников и, в зависимости от концепции управления данным объектом, ликвидировать их или благоустраивать соответствующую зону.

Количество (разнообразие) рекреационных занятий. Рассматриваемые нами рекреационные объекты не могут характеризоваться широким спектром рекреационных занятий хотя бы в силу своей небольшой площади [20]. Тем не менее, даже и здесь был выявлен ряд интересных особенностей, связанных как с самими объектами, так и с рекреантами. Нашими обследованиями летом 2009 г. было показано, что самый широкой набор рекреационных занятий (6 видов) реализуется в парке «Воронежские озера», в то время как в Ботаническом саду — всего 2. Ряд получается следующим:

Ботанический сад < пруд Сухой < Воронежские озера.

Парк «Воронежские озера» дает возможности для всех видов рекреации: активной, пассивной и скрытой. Занятия, связанные с активной рекреацией, территориально приурочены к оборудованной на территории парка спортивной площадке (волейбол, скейт, гимнастика и др.). Пассивная рекреация (солнечные ванны, пикники с костром) привязана в основном к берегам прудов. Занятия из группы скрытой рекреации (прогулки, пленэр, кормление уток и голубей) в меньшей степени связаны с конкретными зонами. Интересно, что ряд рекреационных занятий, несмотря на свою распространенность, относится к запрещенным. В первую очередь это рыбалка и пикники с кострами, наносящие ущерб памятникам природы. Разнообразие рекреационных занятий способствует росту рекреационной нагрузки и ухудшению состояния объекта.

Различно соотношение транзитной и собственно рекреационной функций для рассматриваемых объектов исследования. Так, в случае пруда на ул. Аэродромной и пара «Воронежские озера» доля транзитной составляющей — 50 % и более. Это объясняется наличием асфальтированных дорожек, обеспечивающих движение потоков через квартал, в который включен рекреационный объект, а также отсутствием объектов благоустройства (скамеек), которые обеспечивали бы условия для пребывания рекреантов.

Качество воды. Оценка качества воды городских водоемов представляет определенные методические сложности: здесь неприменимы нормы ни для объектов питьевого водоснабжения[1], ни для зон организованной рекреации[2]. Поскольку неотъемлемой частью всех рассматриваемых рекреационных объектов являются пруды, необходимо учитывать и их состояние.

В качестве меры мы выбрали индекс интегрального экологического состояния (ИИЭС), исходные данные — по [11]. Для прудов Ботанического сада ИИЭС составил 3,0 (Нижний) и 3,1 (Верхний), что соответствует зоне относительного экологического благополучия. Для «Воронежских озер» ИИЭС=2,9 (зона экологического кризиса). Оценки такого рода не позволяют ранжировать городские водоемы по их экологическому состоянию, что говорит о необходимости разработки подхода, адаптированного к условиям урбанизированных территорий.

4. Выводы. В [21] для обозначения права горожан на благоприятную работу использован емкий термин «экологическая справедливость». Одним из путей достижения экологической справедливости является сохранение достаточного количества особо охраняемых территорий в городе.

В настоящей работе была сделана попытка применить существующие показатели рекреационной нагрузки к ряду особо охраняемых территорий Самары и оценить информативность этих показателей. Были сформулированы требования к показателям рекреационной нагрузки и предложен их состав, характеризующий нагрузки на собственно территорию и водные объекты. В рамках предлагаемого подхода проанализированы рекреационные нагрузки и состояние рассматриваемых особо охраняемых природных территорий города Самары.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Реестр особо охраняемых природных территорий регионального значения Самарской области / Н. В. Власова, И. В. Дюжаева, Д. А. Коржев, О. А. Кузовенко, А. С. Паженков, И. Э. Смелянский, Т. А. Трофимова, И. В. Шаронова. Самара: Экотон, 2010. 259 с.

2. Голубая книга Самарской области: Редкие и охраняемые гидробиоценозы / под ред. Г. С. Розенберга и С. В. Саксонова. Самара: СамНЦ РАН, 2007. 200 с.

3. *Шабанова А. В.* Разработка концепции природопользования на внутриквартальных рекреационных объектах // Вопросы туризмоведения. 2012. № 3. С. 133—139.

4. *Угольницкий Г. А.* Управление эколого-экономическими системами. М.: Вузовская книга, 1999. 132 с.

5. *Шабанова А. В.* Трансформация водоемов в условиях хозяйственно-преобразованных и урбанизированных территорий // Организация территории: статика, динамика, управление : тез. VII Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, ноябрь 2010 г., Уфа. С. 192—194.

[1] ГН 2.1.5.1315-03. Предельно допустимые концентрации (ПДК) химических веществ в воде водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования.

[2] (ГОСТ 17.1.5.02—80. Охрана природы. Гидросфера. Гигиенические требования к зонам рекреации водных объектов.

6. *Желтобрюхов В. Ф., Колодницкая Н. В., Лобачева Г. К.* Оценка состояния окружающей среды урбанизированных территорий и обеспечение экологически безопасных условий проживания населения // Социология города. 2011. № 3. С. 22—36.

7. *Littlemore J., Barker S.* The ecological response of forest ground flora and soils to experimental trampling in British urban woodlands // Urban ecosystems. 2001. Vol. 5. № 4. P. 257—276.

8. *Altay V., Ozyigit I. I., Yarci C.* Urban flora and ecological characteristics of the Kartal district (Istanbul): a contribution to urban ecology in Turkey // Science research and essays. 2010. Vol. 5. № 2. P. 183—200.

9. *Newman R. L.* The urban lakes of New York City. City University of New York, 2001.

10. *Rubbo M. J.* The influence of natural and human-induced environmental changes on the community composition of temporary ponds. Pennsylvania State University, 2004.

11. Благоустройство лесопарков: Обзор / Г. М. Гаврилов. М.: ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1975. 48 с.

12. *Машинский В. Л.* Зеленый фонд — составная часть природы. Градостроительное проектирование земель зеленого фонда городских поселений. Ч. 2. природный комплекс и зеленый фонд города. М.: Компания Спутник+, 2005. 192 с.

13. *Генсирук С. А., Нижник М. С., Возняк Р. Р.* Рекреационное использование лесов. Киев: Урожай, 1987. 247 с.

14. *Шабанова А. В.* Особенности сохранения лимнологических природных комплексов, имеющих рекреационное значение, в условиях урбанизированных территорий // Настоящее и будущее урбанизации: экологические вызовы: материалы конф. (21 марта 2012 г., Санкт-Петербург). СПб., 2012. С. 129—132.

15. *Синицкий А. В., Захаров Е. В., Герасимов Ю. Л.* Современное экологическое состояние некоторых прудов г. Самары // Вестник СамГУ. Естественнонаучная серия. 2003. Второй спецвыпуск. С. 192—208.

16. *Schabanowa A. W.* Der historishe Aspekt der Bildung des Systems der stadtlichen Teiche in Samara // 8th International Scientific Conference “European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches”: Papers of the 8th International Scientific Conference. 2014, Stuttgart, Germany. P. 19—22.

17. *Розно С. А., Матвеев Н. М., Кавеленова Л. М.* История создания и основные направления работы Ботанического сада Самарского государственного университета // Самарская Лука: Бюлл. 2007. Т. 16. № 1-12(19-20). С. 13—20.

18. *Саранча М. А.* К изотропным моделям туристско-рекреационных миграций // Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Науки о земле. 2009. Вып. 1. С. 137—142.

19. *Решетников Ю. С., Терешкин А. В.* Влияние рекреационных нагрузок на характеристики почвы рекреационных объектов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 4 (78). С. 57—59.

20. *Шабанова А. В.* Исследование структуры рекреационных потоков и функционального зонирования территории парка «Воронежские озера» // Актуальные проблемы охраны природы, окружающей природной среды и рационального природопользования: I Междун. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2010. С. 223—225.

21. *Сидоренко В. Ф., Аброськина Н. В., Сидоренко И. В.* Экологическое строительство как фактор обеспечения экологической справедливости // Социология города. 2012. № 4. С. 64—70.

REFERENCES

1. Vlasova N. V., Dyuzhaeva I. V., Korzhev D. A., Kuzovenko O. A., Pazhenkov A. S., Smelyanskii I. E., Trofimova T. A., Sharonova I. V. *Reestr osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii regional'nogo znacheniya Samarskoi oblasti* [Register of Specially Protected Areas of Regional Significance in Samara Oblast]′. Samara, Ekoton Publ., 2010. 259 p. (In Russ.).

2. Rozenberg G. S. and Saksonov S. V., ed. *Golubaya kniga Samarskoi oblasti: Redkie i okhranyaemye gidrobiotsenozy* [Blue Book of Samara Oblast: Rare and Protected Hydrobiocenos]. Samara, SamNTS RAN Publ., 2007. 200 p. (In Russ.).

3. Shabanova A. V. Development of Conception of Management of Natural Resources in Indoor Recreational Objects. *Voprosy turizmovedeniya* [Issues of Tourism], 2012, no. 3, pp. 133—139. (In Russ.).

4. Ugol′nitskii G. A. *Upravlenie ekologo-ekonomicheskimi sistemami* [Management of Ecological and Economic Systems]. Moscow, Vuzovskaya Kniga Publ., 1999. 132 p. (In Russ.).

5. Shabanova A. V. Transformation of Ponds on Economic-Reorganized and Urbanized Territories. *Organizatsiya territorii: statika, dinamika, upravlenie* [Territory Planning: Statics, Dynamics, Management]. Ufa. Pp. 192—194. (In Russ.).

6. Zheltobryukhov V. F., Kolodnitskaya N. V., Lobacheva *G. K.* Environment assessment of urban land and environment safe full boards of people. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 3, pp. 22—36. (In Russ.).

7. Littlemore J., Barker S. The ecological response of forest ground flora and soils to experimental trampling in British urban woodlands. *Urban ecosystems*, 2001, vol. 5, no. 4, pp. 257—276.

8. *Altay V., Ozyigit I. I., Yarci C.* Urban flora and ecological characteristics of the Kartal district (Istanbul): a contribution to urban ecology in Turkey. *Science research and essays*, 2010, vol. 5, no. 2, pp. 183—200.

9. Newman R. L. *The urban lakes of New York City*. City University of New York, 2001.

10. Rubbo M. J. *The influence of natural and human-induced environmental changes on the community composition of temporary ponds*. Pennsylvania State University, 2004.

11. Gavrilov G. M. *Blagoustroistvo lesoparkov: Obzor* [Redevelopment of Forest-parks: Review]. Moscow, TsNTI on Civil Construction and Architecture Publ., 1975. 48 p. (In Russ.).

12. Mashinskii V. L. *Zelenyi fond — sostavnaya chast' prirody. Gradostroitel'noe proektirovanie zemel' zelenogo fonda gorodskikh poselenii. Ch. 2. Prirodnyi kompleks i zelenyi fond goroda* [Green Fund — Component of Nature. Urban Planning Design of Lands of Green Fund of Urban Settlements. Part. 2. Natural Complex and Green Fund of City]. Moscow, Company Sputnik+, 2005. 192 p. (In Russ.).

13. Gensiruk S. A., Nizhnik M. S., Voznyak R. R. *Rekreatsionnoe ispol'zovanie lesov* [Recreational Use of Forests]. Kiev, Urozhay Publ., 1987. 247 p. (In Russ.).

14. Shabanova A. V. Peculiarities of Preservation of Limnological Complexes of Recreational Significance on Urbanized Territories. *Nastoyashchee i budushchee urbanizatsii: ekologicheskie vyzovy* [Present and Future of Urbanization: Environmental Challenges]. Sent-Petersburg, 2012. Pp. 129—132. (In Russ.).

15. Sinitskii A. V., Zakharov E. V., Gerasimov Yu. L. Modern Ecological State of Some Ponds in Samara. *Vestnik SamGU. Estestvennonauchnaya seriya.* [Vestnik of Samara State University. Natural Sciences Series], 2003, Second Special Issue, pp. 192—208. (In Russ.).

16. Schabanowa A. W. Der historishe Aspekt der Bildung des Systems der stadtlichen Teiche in Samara. *8th International Scientific Conference "European Applied Sciences:*

modern approaches in scientific researches": Papers of the 8th International Scientific Conference. 2014, Stuttgart, Germany. Pp. 19—22.

17. Rozno S. A., Matveev N. M., Kavelenova L. M. History of Creation and Main Directions of Work of Botanical Garden of Samara State University. *Samarskaya Luka: Bulletin* [Samarskaya Luka: Byull.], 2007, vol. 16, no. 1-12(19-20), pp. 13—20. (In Russ.).

18. Sarancha M. A. On Isotropic Models of Tourist and Recreational Migration. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Biologiya. Nauki o zemle* [Bulletin of Udmurt University. Biology & Earth Sciences], 2009, iss. 1, pp. 137—142. (In Russ.).

19. Reshetnikov Yu. S., Tereshkin A. V. Effect of recreation load on soil properties of recreation objects. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Altai State Agricultural University], 2011, no. 4 (78), pp. 57—59.

20. Shabanova A. V. Study of the Structure of Recreational Flows and Functional Zoning of the Territory of "Voronezhskie Ozera" Park. *Aktual'nye problemy okhrany prirody, okruzhayushchei prirodnoi sredy i ratsional'nogo prirodopol'zovaniya: I Mezhdun. nauch.-prakt. konf.* [Actual Problems of Protection of Nature, Environment and Rational Management of Natural Resources]. Cheboksary, 2010, pp. 223—225.

21. Sidorenko V. F., Abros′kina N. V., Sidorenko I. V. Ecological construction as a factor of providing environmental justice. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 4, pp. 64—70.

© Шабанова А. В., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: *Шабанова А. В.* Разработка системы показателей рекреационной нагрузки на городские особо охраняемые природные территории на примере лимнологических комплексов города Самары // Социология города. 2014. № 3. С. 17—30.

For citation: Shabanova A. V. Development of a system of indicators of recreational load on urban protected areas on the example of the limnological complexes in the city of Samara. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 17—30. (In Russ.).

УДК 355.233:316

В. В. Орлова,
Д. К. Шестакова

ДОВЕРИЕ КАК БАЗОВЫЙ ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА

Социальный капитал – основной потенциал общества, который невозможен без доверия между людьми, его составляющими. Цель исследования – выявление зависимости между развитием социального капитала у студенческой молодежи и возникновением у них чувства локального патриотизма. Использовался метод группового анкетирования. Выборка гнездовая (студенты 4 курса очной формы обучения), объем выборочной совокупности 241 человек. На основе анализа результатов исследования в среде студентов представлен расчет уровня доверия для таких коэффициентов, как уровень конфиденциально-охранительного доверия (КОД), уровень информационно-инфлюативного доверия (ИИД) и уровень деятельностно-совладающего доверия (ДСД). Результаты исследования показали, что студенты г. Томска обладают средним уровнем доверия, социальный капитал в студенческой среде развит довольно слабо, тем не менее студентам, как томичам, так и приезжим, свойственен интерес к событиям, происходящим в г. Томске, симпатия к городу.

Ключевые слова:
доверие,
социальный капитал,
локальный патриотизм.

V. V. Orlova,
D. K. Shestakova

CONFIDENCE AS A BASIC FACTOR IN THE FORMATION OF LOCAL PATRIOTISM

Social capital is the main potential of the society, which is impossible without trust between people and its components.

Доверие между людьми в различных сообществах отвечает сразу нескольким уровням человеческих потребностей: потребности в безопасности и комфорте, потребности в общении и самоактуализации (согласно пирамиде потребностей А. Маслоу) [1]. Это обусловливается самой природой доверия, институт которого берет начало в бессознательном, на уровне психофизиологических образований — инстинктов. Зачатки доверия протосубъекта А к протосубъекту Б появляются там, где Б вызывает у А своеобразную животную симпатию — торможение одной группы инстинктов, например самосохранения, голода, агрессии, и возбуждение другой группы, например инстинктов продолжения рода, игры, сотрудничества, сострадания [2].

По мнению Дж. Коулмана, если в группе существует высокий уровень доверия между ее членами, она демонстрирует намного более высокий результат, чем группа, где доверия и сплоченности нет [3]. Это связано с тем, что наличие доверия в группе не только дает возможность индивидам институционализировать окружающее пространство, но и уменьшает уровень неопределенности [4].

Несмотря на огромное практическое значение, на протяжении веков доверие как объект философского и научного исследования не привлекало внимания мыслителей и ученых [5]. В современной науке доверие, как правило, изучается с позиции экономики (как необходимое условие успешной кооперации) и с позиции политологии (как важная составляющая гражданского общества, институциональное доверие).

Социальный капитал — это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами. Он может быть воплощен и в мельчайшем базовом социальном коллективе — семье, и в самом большом коллективе из возможных — нации, и во всех коллективах, существующих в промежутке между ними. Социальный капитал отличается от других форм человеческого капитала тем, что обычно он создается и передается посредством культурных механизмов — таких как религия, традиция, обычай. По мнению В. Н. Тарасевича, доверие обретает субстанцию и самость «именно в вербально-генетическом, чув-

The purpose of the study is to identify the dependence between the development of social capital of young students and occurrence of local patriotism. Group questionnaire method was used. Selection is based on cluster samples (students in 4 year, full-time course), the general number of students is 241 people. Based on the analysis of the results of the study among the students the calculation of trust level for such coefficients as the level of confidence and protective trust (CPT), the level of information and influative trust (IIT) and the level of activity and cope trust (ACT) are presented. The results of the study showed that the students of Tomsk possess medium trust level, social capital among students is not developed well, however, the students, both from Tomsk and non-residents, are interested in the events that happen in Tomsk, they like the city.

Key words:
trust,
social capital,
local patriotism.

Об авторах:

Орлова *Вера Вениаминовна – доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40, orlova_vv@mail.ru*

Orlova *Vera Veniaminovna – Doctor of Sociological Science, Professor of Philosophy and Sociology Department, Tomsk University of Management System and Radio Electronics. Russian Federation, 634050, Tomsk, 40, pr. Lenina, orlova_vv@mail.ru*

Шестакова *Дарья Константиновна – студентка, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40*

Shestakova *Dar'ya Konstantinovna – Student, Tomsk University of Management System and Radio Electronics. Russian Federation, 634050, Tomsk, 40, pr. Lenina*

ственно-сознательных началах человеческого духа и адекватных им протоинститутах (традициях, культах, ритуалах, нормах, правилах, обычаях и т. п.)» [2]. Таким образом, доверие развивается в неком трехмерном пространстве, включающем в себя деятельность, сознание и институты, поэтому доверие в современном понимании представляет собой синтез их исторических образований, эволюция которых протекает в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении, что обусловливает их прогрессивное усложнение на каждом последующем этапе. Инстинктивное, протоинституциональное доверие можно охарактеризовать как нерациональное. Современное доверие на определенном этапе переходит на новый уровень, превращаясь в рациональное: рациональные доводы способствуют пониманию и возникновению уверенности.

Цель исследования — выявление зависимости между развитием социального капитала у студенческой молодежи и возникновением у студентов чувства локального патриотизма.

Использовался метод группового анкетирования. Выборка гнездовая (студенты 4-го курса очной формы обучения). Объем выборочной совокупности 241 человек. Исследование состоит из двух частей: I — исследование уровня доверия студентов г. Томска; II — исследование социального капитала и локального патриотизма студентов г. Томска.

Доверие в современном обществе функционирует на нескольких уровнях:

1. Доверие к абстрактной системе (государство), которая создает условия взаимодействия на абстрактном уровне.

2. Межличностное доверие (сетевые структуры взаимодействия).

3. Наличие в обществе общепринятых ценностей, норм, правил, которые обеспечивают реализацию доверия на всех уровнях системы [6].

Иногда, используя, по сути, тот же критерий, выделяют вертикальное доверие (доверие к социальным организациям: правительству, органам правопорядка, профсоюзам) и горизонтальное (доверие к людям).

В работах Ф. Фукуямы в качестве социального капитала трактуются лишь те отношения,

которые реализуются в целях всего общества, а не только корпораций. Взаимосвязи, в том числе корпоративные, могут считаться социальным капиталом, если они не противоречат интересам общества [7, с. 53—54]. В основе такой кооперации индивидов лежит некая контрактная система, договор, который может обеспечить незнакомым людям базу для эффективного сотрудничества. Однако более эффективными оказываются организации и сообщества, в которых взаимодействие индивидов не регламентируется в контрактно-правовой форме. Такие взаимосвязи невозможны без существования некоторой моральной общности, норм и ценностей, разделяемых всеми представителями общества, которые и являются основой их доверия. Это не является отдачей от какого-либо рационального вложения (например, в систему образования), это результат адаптации индивида в определенной общности, усвоение существующих в нем норм. Социальный капитал — не достижение отдельного человека, это приоритет общественных добродетелей над индивидуальными [1].

Чем объясняется большая эффективность такого рода кооперации? Для ответа на этот вопрос можно обратиться к экономической науке, в которой существует термин «операционные издержки». Ими называются расходы, связанные с поиском и выбором партнеров, оформлением и подписанием соглашений, контроль их исполнения. Общества с низким уровнем доверия вынуждены постоянно поддерживать некую формально-правовую базу для обеспечения выполнения обязательств, в то время как общества с высоким уровнем доверия от подобных издержек избавлено. Социальное доверие — это ожидание надежности от других членов общества, которое не связано с определенным поведением в конкретной ситуации. Такой тип социального взаимодействия однозначно характеризуется как положительный, так как базируется на открытости, уверенности в порядочности партнера по общению, его доброжелательности.

«Доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [7, с. 52]. Находясь в обществе с высоким уровнем доверия, по мнению Ф. Фукуямы, человек меньше склонен максимизировать свои личные выгоды, то есть вести себя как «экономический человек», он в большей степени старается проявить себя как член группы, с которой у него выстроены доверительные взаимосвязи, ставит моральные принципы выше экономической выгоды, таким образом, в обществе накапливается социальный капитал. В обществе же с низким уровнем доверия индивиды не склонны накапливать социальный капитал, а тот, что существует, не может конвертироваться в иные формы капитала с максимальной выгодой. Ожидания всегда содержат в себе проекцию предполагаемого результата взаимодействия, его последствий в будущем, а также значения, приписываемые себе и другим участникам взаимодействия. Данные значения возникают в процессе оценки того, какие действия и реакции будут наиболее эффективны и адекватны ситуации [3].

Элемент доверия в любых взаимоотношениях содержит в себе определенные риски. Как уже говорилось выше, в основе доверия лежат действия, основанные на ожиданиях. Б. Барбер считает, что «доверие есть нечто большее, чем созерцательное рассмотрение будущих возможностей. Мы должны

активно вести себя по отношению к будущему, совершая определенное действие, имеющее, по крайней мере, частично неопределенные и непредсказуемые последствия» [8, с. 9]. Так, Н. Луман определяет доверие как «ожидание естественного порядка» [6]. В современном обществе на смену авторитету и традиции приходят иные основания для возникновения доверия — социальные риски и добровольное желание поступать в соответствии с чужими ожиданиями. По мнению Э. Гидденса, это не значит, что современная жизнь превратилась в более рискованную, чем прежде. Современное общество характеризуется высокими темпами развития, непрерывно возникающие возможности не всегда удается проверять в повседневном опыте. Доверие в этом случае выступает в качестве конструктивной реакции на возможные возникновения рисков. Если масштаб предполагаемой опасности представляется большим, нежели степень защищенности, доверие превращается в одну из форм защитной реакции [9]. Иногда в случае принятия решения о доверии возможные негативные последствия могут вовсе игнорироваться. Высокая степень доверия повышает степень ответственности за свои действия и их результат, способствует развитию творческого подхода к межличностному взаимодействию. Доверие действует как механизм активации деятельности в ситуациях, отличающихся повышенной сложностью, для принятия взвешенного самостоятельного решения в рамках определенного культурного стереотипа [10]. Это своего рода прогнозирование, субъективное представление о честности другого, надежда на совпадение ожидания и реального результата. Поэтому доверие выступает в качестве свойства субъекта доверия, того, кто его проявляет, а не объекта, которому оно оказывается [11]. С этой точки зрения доверие можно перепутать с доверчивостью.

Персонифицированное доверие выступает как «источник чувства честности и аутентичности себя самого», через механизм доверия минимизируется угроза «утраты личностного смысла» [12, с. 145—155]. Доверие — это восприятие себя или иного субъекта, его действий в качестве правильных, истинных, продолжительная приверженность этому образу, которая сохраняется до тех пор, пока он не начинает очевидно противоречить действительности. Многократно подтверждаясь в повседневности, такие установки со временем трансформируются в нормы.

Развитие чувства патриотизма и социального капитала в обществе тесно связаны, т. к. основой их формирования является рост доверия в обществе и налаживание социальных связей. Основой для вызревания чувства патриотизма является обретение устойчивой идентичности, которая поддерживается существующим в обществе социальным капиталом: связями, основанными на доверии между индивидами и группами. Сложность изучения данных процессов в российском обществе, по мнению Н. Н. Федотовой и Л. Н. Федотова, заключается в том, что «разрушенная идентичность не способствует формированию социального капитала, а отсутствующий социальный капитал не позволяет утвердиться идентичности» [13].

Особенности адаптации молодежи зависят во многом от специфики той среды, с которой субъект вынужден взаимодействовать, т. к. любой вид социальной адаптации — это процесс взаимодействия личности со средой адаптации, в ходе которого происходит достижение соответствия личностных характеристик требованиям среды [14]. Регион в этом случае рассматривается,

прежде всего, как результат социальной самоорганизации, процесса, относительно автономного от процесса государственного регулирования. Именно в этом качестве, качестве продукта самоорганизации, на первый план выходит единство географической и символической (ментально освоенной) территории [15].

Процесс самоорганизации сообщества и генерирования социального капитала неразрывно связаны. Однако социальный капитал в обществе распределен неравномерно: прослойки глубоко социализированных, самоорганизующихся индивидов могут сосуществовать с очагами крайней атомизации и социальной патологии [16]. Существует две основные причины такого распределения социального капитала:

1) различие позиций групп в социальной иерархии (неравный доступ к ценным общественным ресурсам: деньгам, власти, информации);

2) особенности установления связей с людьми, похожими на индивида по таким характеристикам, как пол, образование, социально-экономический статус, ценности, установки [17].

Успех же социальной адаптации зависит от двух наиболее важных факторов — индивидуальных особенностей личности и особенностей той среды, в которой осуществляется реальный процесс адаптации [18, с. 296]. Поскольку социальная среда является для адаптанта внешним объектом, воздействующим на него, то этот объект представляет собой сложную многофункциональную динамическую систему. Адаптант на новом месте вынужден заново выстраивать социальные связи, наращивая индивидуальный социальный капитал. При определенных условиях развитый социальный капитал может обеспечивать более высокую степень групповой и индивидуальной адаптации [16].

Социальный капитал — это не тот ресурс, которого индивид может лишиться, но он может девальвироваться в новых условиях. Например, при переезде в другой город старые связи, социальный капитал, накопленный по прежнему месту жительства, не исчезают, но могут обесцениться. Это вынуждает индивида наращивать свой социальный капитал, включаясь в новую для него матрицу взаимодействий. Такое поведение соотносится с идеей обобщенного доверия, ожидания надежности других индивидов, которое не связано с прогнозом их поведения в конкретной ситуации. По мнению Б. Ю. Григоренко, доверие в этом отношении — онтологическая установка, формируемая в процессе социализации и выполняющая функцию восстановления интимности жизненного пространства под давлением рисков и опасностей, построение надежных интеракций [11].

Сложившиеся в процессе адаптационного процесса образы восприятия позволяют личности конструировать и модифицировать в своем сознании идеальные модели и образы окружающего мира. Идентичность многосоставна и процессуальна. В контексте современности следует выделять два взаимообусловленных и, в то же время, разнонаправленных идентификационных процесса: глобализации и локализации. Если глобализация усиливает национальный и космополитический типы идентификации, то локализация локальный и этнический типы [15].

Один из наиболее важных источников социального капитала и агентов адаптации в современных обществах — образовательная система. Школы и

вузы не только дают учащимся знания и умения, но и стараются способствовать их социализации в определенных культурных традициях. Образование генерирует социальный капитал различными способами, поскольку студенты приобщаются к социальным нормам своей профессии или специальности, поэтому взрослая часть популяции оказывается лучше социализирована.

В случае отдельных компаний социальный капитал можно культивировать сознательно с помощью прямых инвестиций в образование и обучение корпоративным навыкам, которые являются способом социализации работников компании, при помощи ряда норм, повышающих готовность к сотрудничеству друг с другом и вызывающих чувство групповой идентичности [16]. Всякая идентификация как бы «добавляет» к универсальным, общезначимым критериям истинности, рациональности, полезности, нравственности, эстетичности и пр. иное по своей природе измерение «свойскости». Человек нигде в мире не может держаться каких бы то ни было универсалий, не накладывая на них эмоциональных, личностных, традиционных и прочих рамок идентификации, отождествления с неким «своим» в отличие от «не-своего» [19]. В таком контексте принадлежность к региону как способ самоидентификации открывает перед индивидом возможность рассматривать то место, где он живет, как центр жизненного мира в оппозиции аморфному и безличному пространству. В такой трактовке регион перестает быть просто географическим пространством. В сознании его жителей он приобретает черты символически освоенного, маркированного в определенных границах «своего» места, «родины», «родной земли», объекта патриотических чувств [15]. «Судьба людей, которые не прерывали со своими детскими воспоминаниями и постоянно находились в связи с друзьями своего детства, загадки не составляет. В них медленно и неуклонно вырастает идея о служении той среде, в которой проходила их жизнь <…> Географический кругозор их расширяется до представлений об области, тогда появляется чувство, которое мы можем назвать местным патриотизмом», — писал Г. Н. Потанин еще в начале XIX в. [20]. В этом утверждении явно прослеживается зависимость чувства локальной идентичности и местного патриотизма от наличия у индивида определенных устойчивых социальных связей, что свидетельствует о роли социального капитала в формировании этих чувств. Это необязательно должно быть связано с идентичностью по месту рождения, идентичность может быть связана с иным регионом, который, тем не менее, представляется значимым для индивида [21].

Насколько человеческой личности присущ эгоизм, настолько ей присуща и потребность быть частью того или иного общественного целого. В отсутствие норм и правил, связывающих человека с себе подобными, он испытывает острое беспокойство — состояние, названное Эмилем Дюркгеймом anomie, — и «работа» в нынешнем понимании слова есть то место, где человек, частично или полностью, способен от этого беспокойства избавиться [22].

Эту проблему, заимствуя термин социолога Джеймса Коулмэна, можно назвать проблемой дефицита «социального (общественного) капитала» — способности людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе [3]. Человек оказывается вынужденным в какой-то мере самостоятельно ориентироваться в изменившихся обстоятельствах, определять свое положение, выбирать способ поведения, отношения к происходящему и

т. д. Ему необходимо найти «свою» или «близкую» позицию, группу, символическую структуру. Тем самым социальная идентификация становится проблемой выбора — часто вынужденного, при ограниченных представлениях о содержании выбора и его последствиях [19]. Основанием же для солидарности членов такого сообщества являются особенности индивидуальной биографии жителей региона, их жизненных историй, любви к «малой родине», сходных практик поиска и обретения доступа к ограниченным ресурсам: доходам, образованию, профессиональной карьере [15]. Сходные условия жизни формируют стандартизированные повседневные практики и близкий на уровне предметов освоения обыденной реальности жизненный опыт, который служит условием интеграции, генерирования социального капитала, формирования локальной идентичности и локального патриотизма.

«Преодоление кризиса идентичности посредством развития социального капитала, равно как и взаимообусловленность социального капитала и идентичности, являются ответом на глобальный и региональный вызовы идентичности и устойчивости обществ» [22].

Американский философ Х. Патнем в качестве основного индикатора развития социального капитала выделял включенность людей в различные общественные организации [23].

Предметом исследования является взаимосвязь социального капитала и возникновения чувства локального патриотизма у студентов ТУСУР. Анализ полученных результатов исследования необходимо начать с общих характеристик, а именно с показателей уровня доверия внутри изучаемой группы.

Доверие является базой для развития локального патриотизма и социального капитала. По результатам исследования, в среде студентов ТУСУР уровень доверия находится на устойчивом среднем уровне. Расчет проводился для таких коэффициентов, как уровень конфиденциально-охранительного доверия (КОД), уровень информационно-инфлюативного доверия (ИИД) и уровень деятельностно-совладающего доверия (ДСД). Соотношение коэффициентов КОД, ИИД и ДСД по группе в целом и среди тех, с кем поддерживаются тесные отношения, колеблется незначительно, довольно близко к 1. Это говорит о том, что уровень доверия в отношениях в целом по группе не слишком отличается от уровня доверия тем, с кем поддерживаются тесные отношения (чем сильнее показатель приближается к 1, тем меньше различие) [24]. Иными словами, студенты доверяют людям из своего круга общения в целом так же, как и тем, с кем поддерживают близкие отношения, т. е. данный показатель приближается к общему знаменателю.

Показатели скорректированных групповых коэффициентов КОД и ДСД попадают в интервал средних значений, это говорит о том, что студенты в целом нейтрально оценивают морально-нравственный облик других, их порядочность, способность эффективно вносить вклад в общую работу, возможность сотрудничества при ее выполнении. Кроме того, отсутствует личная закрытость, но и особого стремления открываться другим также нет — сохраняется средний уровень, пусть и устойчивый.

Выше среднего в студенческой среде показатель информационно-инфлюативного доверия (скорректированный коэффициент): тенденция к высокому существует как в близком кругу общения, так и в общем. Это значит, что студенты склонны к позитивной оценке чужого мнения, убежденности в

правоте человека, имеют хороший показатель информационной открытости, т. е. способны воспринимать от других не только информацию, но и влияние. Однако это может быть обусловлено не столько наличием высокого уровня толерантности в студенческой среде, сколько психологическими особенностями возрастной группы: сознание молодого человека обладает особой восприимчивостью, способностью перерабатывать и усваивать большой поток информации. В этот период развиваются критичность мышления, стремление дать собственную оценку разным явлениям, поиск аргументации, оригинального решения, но вместе с тем сохраняется влияние установок и стереотипов предыдущих поколений [25, с. 98].

В целом данные первой части сопоставимы с данными, полученными в ходе второй части исследования: большинству из своего круга общения доверяет 23 %, примерно половине — 31 %, небольшой группе — 22 % и самым близким — 23 % (рис. 1).

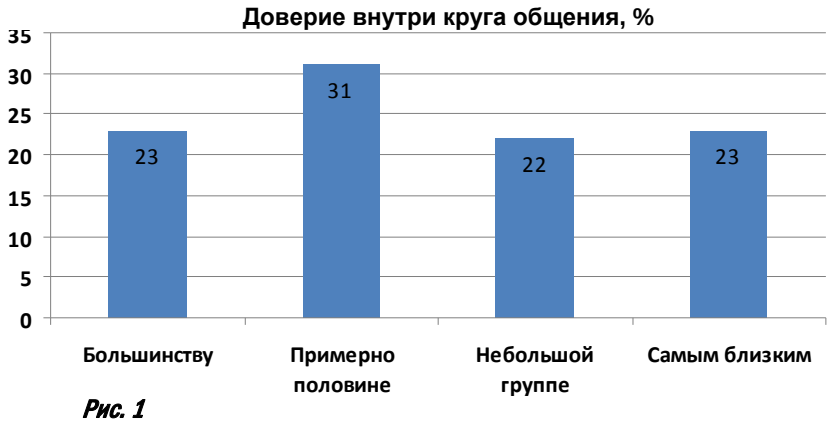

Рис. 1

К большинству могут обратиться за помощью 21 %, примерно к половине представителей своего круга общения — 27 %, к небольшой группе — 28 %, к самым близким — 25 % (рис. 2).

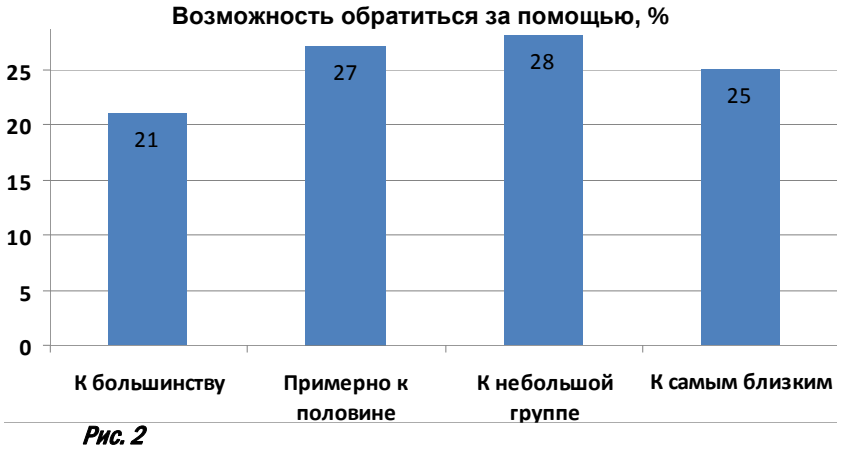

Рис. 2

По результатам второй части исследования обсуждают свои планы со многими из своего круга общения 6 %, примерно с половиной — 36 %, с небольшой группой — 30 %, только с близкими — 29 % (рис. 3).

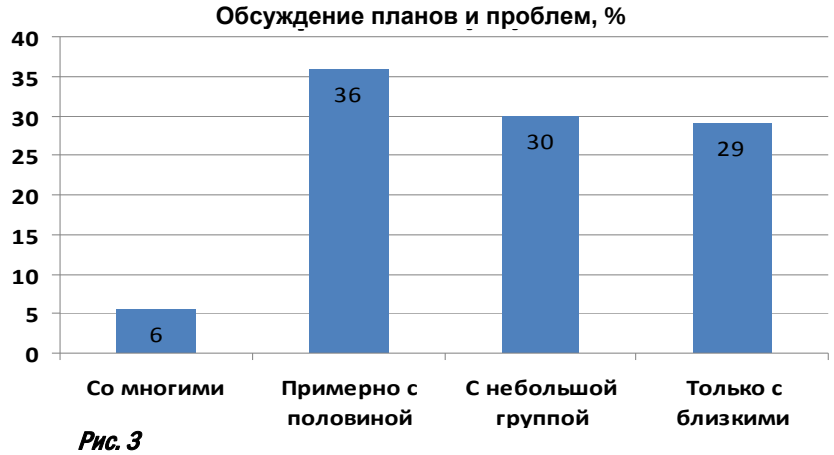

Рис. 3

Таким образом, высокий и выше среднего уровень доверия и ниже среднего и низкий уровень представлены в среде студентов в соотношении примерно 50 на 50. Такое нейтральное положение, с одной стороны, может характеризоваться потенциальной устойчивостью. Но молодежь в сравнении с другими социальными группами обладает наибольшей динамикой [26, с. 74], из-за чего вследствие изменения условий окружающей реальности акцент за достаточно короткий срок может сместиться в любую из сторон. Поэтому необходимо попытаться направить данный процесс в позитивное русло.

О включенности студентов в различные социальные группы можно сказать следующее: около половины студентов оценивают свой круг общения шире среднего: 22 % как «широкий», 20 % как «скорее широкий», 35 % — как «средний» (рис. 4).

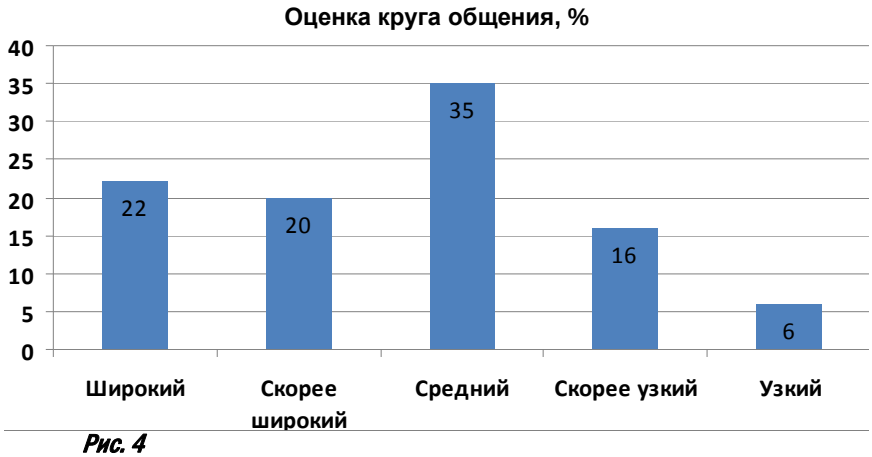

Рис. 4

Необходимо уточнить, что широта круга общения в целом не зависит от того, является ли студент жителем Томска или приезжим (рис. 5).

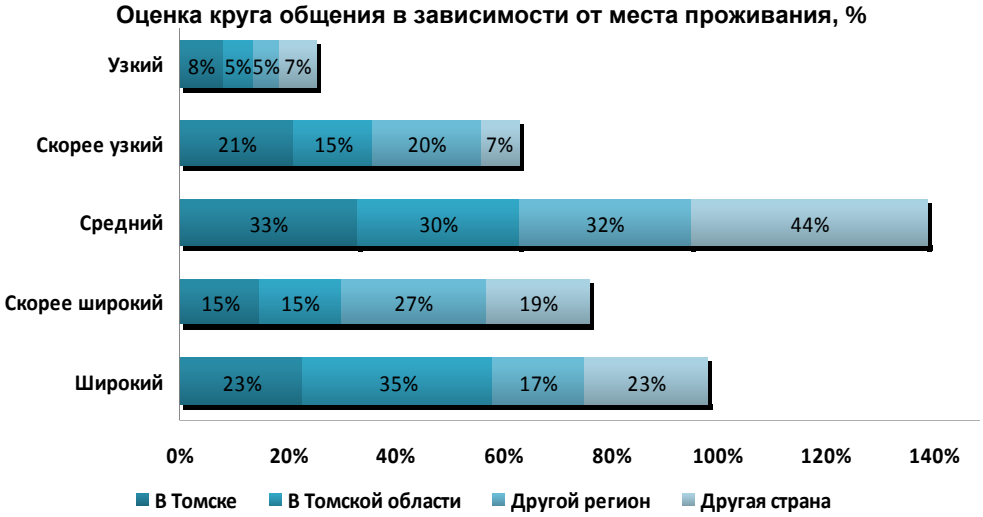

Рис. 5

В первую очередь студенты включают в свой круг общения семью, друзей и одногруппников, далее следуют коллеги по работе и в последнюю очередь — коллеги по каким-либо ассоциациям и объединениям. Подобное распределение приоритетов в общении характерно для молодых людей, на которых в данный период жизни наибольшее влияние оказывают семья и сверстники [16, с. 46]. Кроме того, выборку составили студенты очной формы обучения, для которых трудоустройство сопряжено с трудностями, связанными с совмещением работы и учебных занятий. Однако основным показателем развитого социального капитала является именно включенность в различные сообщества. С этой точки зрения можно сделать вывод, что в студенческой среде социальный капитал не слишком развит. Об этом свидетельствует и крайне низкий показатель доверия объединениям, сетям, ассоциациям: им доверяет всего 4 % опрошенных. Абсолютное большинство в первую очередь доверяет таким группам, как семья и друзья (74 и 77 % соответственно). Большинству и примерно половине при этом склонны доверять студенты с «широким» кругом общения. Самым близким доверяют, как правило, студенты, обладающие узким кругом общения (рис. 6).

Рис. 6

Работа над расширением круга знакомств среди студентов не носит характера активной деятельности. В 60 % случаев все происходит само собой, помимо воли индивида: зачисление в определенную группу, заселение в комнату в общежитии и т. д. 29 % студентов делают это эпизодически, и только 7 % активно и систематически работают над расширением круга знакомств (рис. 7). Небольшим утешением является то, что откровенно пассивную позицию занимает всего 4 % опрошенных.

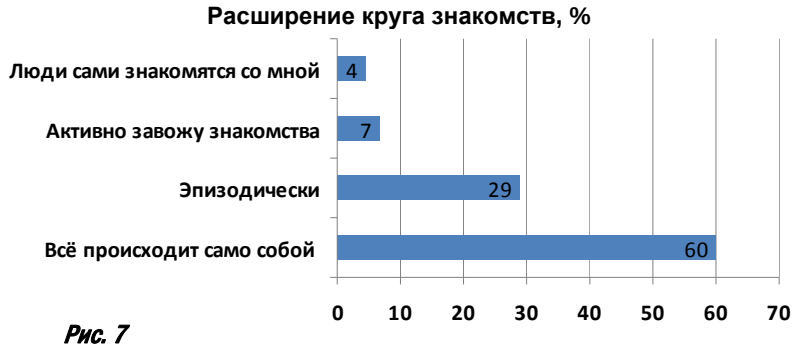

Рис. 7

Несмотря на малую активность в отношении расширения своего круга общения, интенсивность связей внутри него, по мнению самих студентов, довольно высока: 66 % студентов часто встречаются с людьми из своего круга общения и довольно часто сами выступают инициаторами таких встреч (62 % опрошенных).

При этом, по мнению самих же студентов, пространственное распределение их круга общения выглядит следующим образом (рис. 8):

Рис. 8

Из всей совокупности опрошенных только 24 % являются томичами, остальные проживали до поступления в ТУСУР в Томской области (12 %), других регионах Российской Федерации (37 %) или в другой стране (27 %), в основном в Казахстане. Тем не менее, у 76 % значимая часть круга общения находится в непосредственном окружении, у 20 % — в родном городе или регионе. Следует обратить внимание на небольшой процент имеющих круг общения в социальных сетях — всего 4 %. При этом подавляющее большинство испытывает интерес к событиям, происходящим в Томске: 52 % — умеренный и 28 % — безусловный (рис. 9).

Рис. 9

На вопрос «испытываете ли Вы симпатию к г. Томску? Считаете ли Вы его значимым для себя?» однозначно отрицательно ответили всего 2 % опрошенных. С той или иной степенью уверенности г. Томск считает значимым для себя подавляющее большинство опрошенных студентов: «да, конечно» — ответили 42 %, «скорее да» — 45 %. На этом основании можно сделать вывод, что на симпатию г. Томску не оказывает большого влияния тот факт, жил ли студент до поступления в вуз в этом городе или является приезжим. Это подтверждает психологическую пластичность молодежи, ее способность встраиваться в новые системы отношений, а также говорит о важности непосредственного окружения и вовлеченности в социальные связи на новом месте.

Однако всего 16 % однозначно связывают свою дальнейшую жизнь с этим городом, 23 % не исключают такой возможности, маловероятным такое решение считают 43 % опрошенных студентов, и 18 % ответили категорическим отказом (рис. 10).

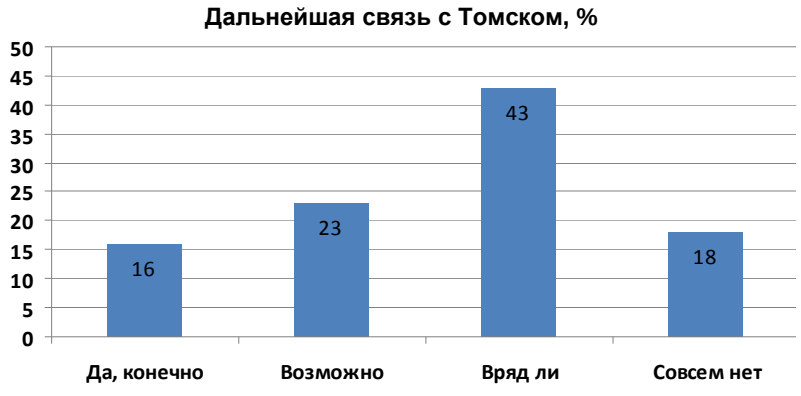

Рис. 10

Из этого следует, что хотя основания для возникновения и существуют, собственно чувство локального патриотизма к г. Томску отсутствует.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что значимым для себя г. Томск считают студенты с преимущественно «широким» и «скорее широким» кругом общения (рис. 11).

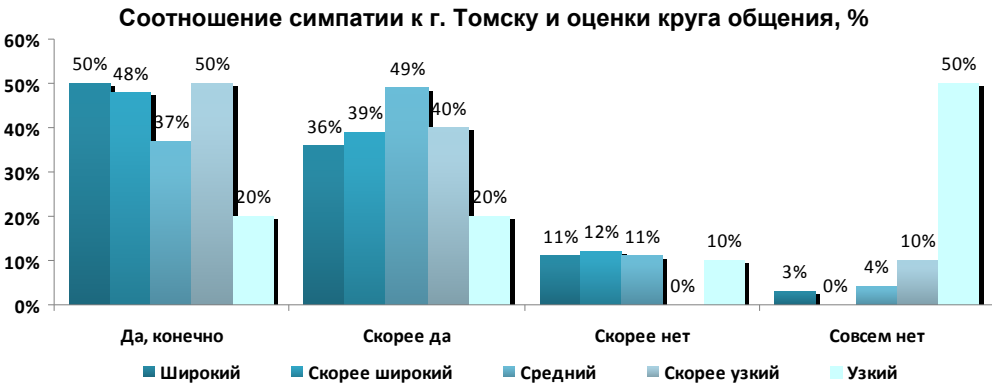

Рис. 11

Также симпатию к г. Томску склонны испытывать студенты с более высоким уровнем доверия: из тех, кто безусловно считают г. Томск значимым для себя, большинству и примерно половине своего круга общения доверяют по 29 %. Кроме того, из тех, кто не испытывает к г. Томску никакой симпатии, 29 % склонны доверять лишь небольшой группе и 75 % — только самым близким (рис. 12), а также могут обратиться за помощью только к небольшой группе 25 % и лишь к самым близким — 50 % (рис. 13).

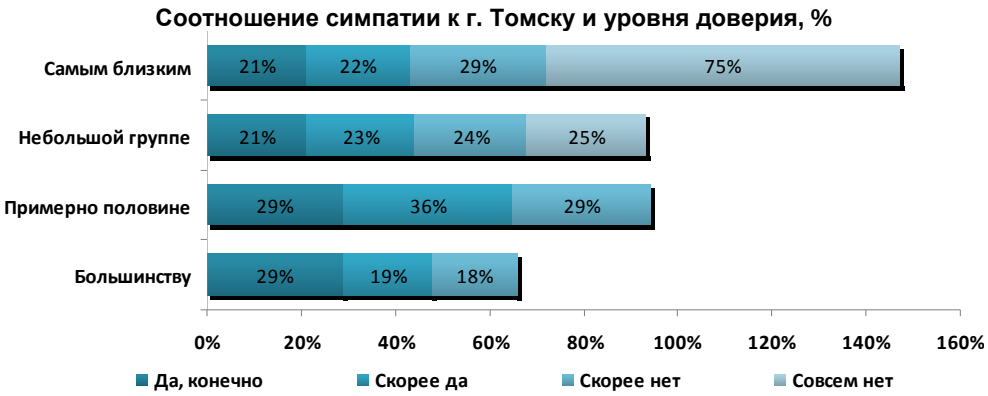

Рис. 12

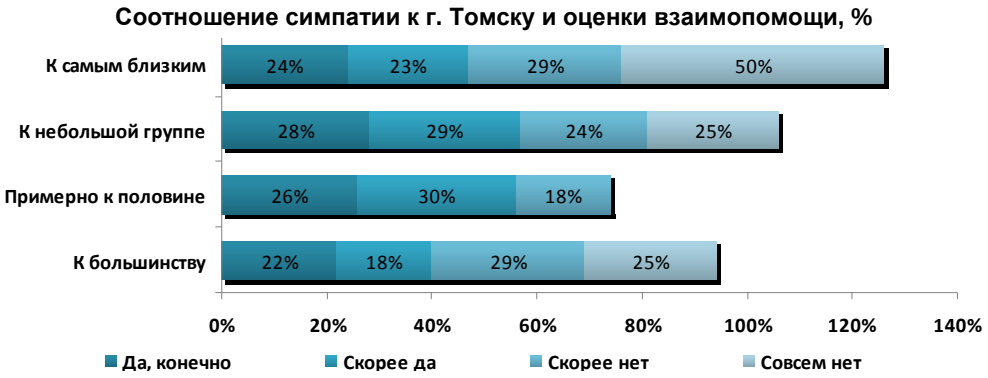

Рис. 13

Особое внимание следует обратить на следующие показатели: из тех, кто обладает широким кругом общения, собираются связать свою дальнейшую жизнь с г. Томском 38 % и не исключают такой возможности 54 %. Из тех студентов, что оценивают свой круг общения как узкий, 35 % считают такое развитие событий маловероятным, 42 % не рассматривают такой вариант (рис. 14).

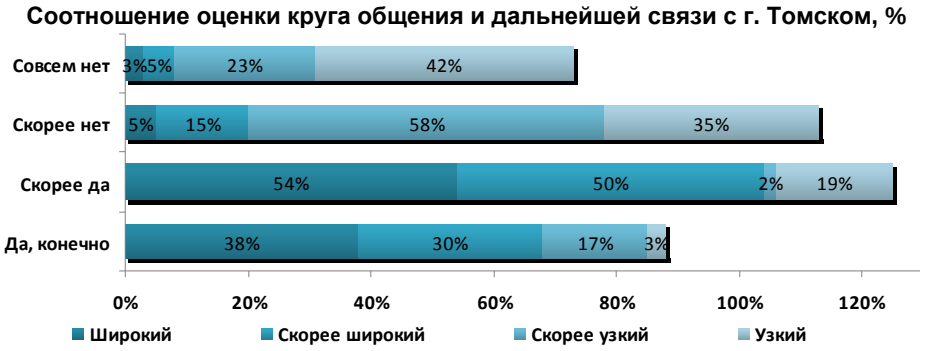

Рис. 14

Таким образом, поставленная цель достигнута. По представленным данным прослеживается явная зависимость между социальным капиталом студентов и чувством патриотизма к г. Томску.

Из полученных результатов можно сделать следующие *выводы*:

1. Основные показатели уровня доверия в среде студентов г. Томска укладываются в интервал средних значений. Показатель ИИД имеет более высокое значение, однако это объясняется особенностями данной возрастной группы.

2. Социальный капитал студентов г. Томска не носит характер развитого, о чем свидетельствует собственная оценка студентов, а также низкий показатель включенности в круг общения различных объединений, ассоциаций и невысокий уровень доверия к ним.

3. Интенсивность социальных связей внутри круга общения студентов можно охарактеризовать как относительно высокую, но вместе с тем позиция студентов г. Томска относительно работы над расширением своего круга знакомств не является достаточно активной.

4. Симпатии к г. Томску, а также интерес к событиям, происходящим в нем, в целом не зависят от региона проживания студента до поступления в томский вуз.

5. Чувство локального патриотизма к г. Томску зависит от личного уровня доверия студентов и уровня развития социального капитала.

Результаты исследования показали, что студенты Томска обладают средним уровнем доверия, социальный капитал в студенческой среде развит довольно слабо, тем не менее студентам, как томичам, так и приезжим, свойственен интерес к событиям, происходящим в Томске, симпатия к нему. Однако собственно чувство локального патриотизма отсутствует: студенты не стремятся связать свою дальнейшую жизнь и карьеру с Томском. Необходимо приложить усилия, чтобы пробудить их чувство патриотизма и заставить работать на благо города и региона, чтобы передовая часть молодежи помогала развивать местную экономику, науку, культуру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Maslow A. H.* Motivation and Personality. N. Y.: Harper & Row, 1954.

2. *Тарасевич В. Н.* Современное доверие: содержание и кризис // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 4. С. 18—26. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-doverie-soderzhanie-i-krizis (дата обращения: 05.05.2014).

3. *Coleman J.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.

4. *Гуджавина Т. А.* Социальное доверие в гражданском обществе // Проблемы развития территории. 2012. Вып. 6(62). С. 115—122. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-doverie-v-grazhdanskom-obschestve (дата обращения: 05.05.2014).

5. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Ю. В. Латов, Г. С. Ромашкин, Н. В. Латова // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. Вып. 1(1). С. 20—35. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-paradoksy-analiza-institutsionalnogo-doveriya-kak-elementa-sotsialnogo-kapitala-sovremennoy-rossii (дата обращения: 05.05.2014).

6. *Luhmann N.* Trust and Power. N.Y.: John Wiley and Sons, 1979. 230 p.

7. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. 730 с.

8. *Barber B.* The logic and limits of trust. New Brunswick N.J.: Rutgers University Press, 1983. 198 p.

9. *Демьяненко А. Н.* Роль доверия в культуре, обществе, праве // Бизнес в законе. 2011. № 1. С. 28—31. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/2-4-rol-doveriya-v-kulture-obschestve-prave (дата обращения: 05.05.2014).

10. *Bachmann R.* Trust, Power and Control in Trans-Organizational Relations // Organization Studies. 2001. Vol. 22. № 2. P. 337—365. doi: 10.1177/0170840601222007.

11. *Григоренко Б. Ю.* Доверие как предмет социологического анализа: социокультурный аспект // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 254—259. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-predmet-sotsiologicheskogo-analiza-sotsiokulturnyy-aspekt (дата обращения: 05.05.2014).

12. *Гидденс Э.* Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 343 с.

13. *Федотова Н. Н., Федотов Л. Н.* Мультикультурализм, политика идентичности и социальный капитал // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 120—125. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/multikulturalizm-politika-identichnosti-i-sotsialnyy-kapital (дата обращения: 24.03.2014).

14. *Грибов В. И.* Особенности адаптации молодежи малого сибирского города к обучению в ВУЗе // Актуальные проблемы науки и образования на рубеже веков: Сборник статей ученых, аспирантов и соискателей ученой степени кандидата и доктора наук. Вып. 2. Тюмень, 2001. С. 18—27.

15. *Ерохина Е. А.* Взаимодействие традиций и новаций в межэтнических региональных сообществах // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2134-erokhina.html (дата обращения: 08.05.2013).

16. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 480 с.

17. *Ищенко И. Г.* Теоретические подходы к формированию понятия социальный капитал // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2006. № 6. С. 28—32. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-formirovaniyu-ponyatiya-sotsialnyy-kapital C.28-32 (дата обращения: 15.11.2013).

18. *Розум С. И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2006. 680 с.

19. *Левада Ю. А.* Координаты человека // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 1(51). URL: http://ecsocman.hse.ru/data/815/989/1219/02levada-7-15.pdf (дата обращения: 06.06.2013).

20. *Потанин Г. Н.* Возрождение России и Министерство народного просвещения // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 300—307. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-rossii-i-ministerstvo-narodnogo-prosvescheniya (дата обращения: 28.03.2014).

21. Буров *А. Н.* Малые города: исторические судьбы и возможные пути развития // Социология города. 2012. № 4. С. 17—28.

22. *Дюркгейм Э.* Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Вып. 2. СПб., 1914. С. 75—81.

23. *Putnam H.* Philosophy as the Education of Grownups: Stanley Cavell and Skepticism // Reading Cavell. London and New York: Routledge, 2006. 272 p.

24. *Сидоренков А. В., Сидоренкова И. И.* Методики изучения доверия в малой группе. Ростов н/Д, 2007. 44 с.

25. *Бестужев-Лада И. В.* Какая ты, молодежь? // Московский рабочий. 1999. 460 с.

26. *Чередниченко Г. А.* Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути. СПб.: РХГИ, 2004. 243 с.

REFERENCES

1. Maslow A. H. *Motivation and Personality*. New York, Harper & Row Publ., 1954.

2. Tarasevich V. N. Modern Trust: Content and Crisis. *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovanii)*, 2011, vol. 3, no. 4, pp. 18—26. (In Russ.).

3. Coleman J. Social and Human Capital. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2001, no. 3, pp. 121—139. (In Russ.).

4. Gudzhavina T. A. Social Trust in Civil Society. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 2012, iss. 6(62). pp. 115—122. (In Russ.).

5. Sasaki M., Davydenko V. A., Latov Yu. V., Romashkin G. S., Latova N. V. Problems and Paradoxes of the Analysis of Institutional Trust as Element of Socila Capital in Modern Russia. *Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovanii)*, 2009, iss. 1(1), pp. 20—35. (In Russ.).

6. Luhmann N. *Trust and Power*. New York, John Wiley and Sons Publ., 1979. 230 p.

7. Fukuyama F. *Doverie. Sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust. Social Virtues and Way to Prosperity]. Moscow, AST Publ.; Ermak Publ., 2004. 730 p. (In Russ.).

8. Barber B. *The logic and limits of trust*. New Brunswick N.J., Rutgers University Press, 1983. 198 p.

9. Dem′yanenko A. N. Role of Trust in Culture, Society, Law. *Biznes v zakone* [Business in Law], 2011, no. 1, pp. 28—31. (In Russ.).

10. Bachmann R. Trust, Power and Control in Trans-Organizational Relations. *Organization Studies*, 2001, vol. 22, no. 2, pp. 337—365. doi: 10.1177/0170840601222007.

11. Grigorenko B. Yu. Trust as a Subject of Sociological Analysis: the Sociocultural Aspect. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2013, no. 1, pp. 254—259. (In Russ.).

12. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of Modernity]. Moscow, Praksis Publ., 2011. 343 p. (In Russ.).

13. Fedotova N. N., Fedotov L. N. Multiculturalism, Policy of Identity and Social Capital. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no. 4, pp. 120—125. (In Russ.).

14. Gribov V. I. Peculiarities of Adaptation of the Youth of a Small Siberian Town to Education in Institute. *Aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya na rubezhe vekov* [Actual

Problems of Science and Education at the Turn of the Century], iss. 2. Tyumen, 2001. Pp. 18—27. (In Russ.).

15. Erokhina E. A. Interaction between Traditions and Innovations in Inter-Ethnic Regional Societies. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tyva], 2010, no. 3. (In Russ.). URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_7/2134-erokhina.html

16. Fukuyama F. *Velikii razryv* [Great Break]. Moscow, AST Publ., 2003. 480 p. (In Russ.).

17. Ishchenko I. G. Theoretical Approaches to Formation of Concept of Social Capital. Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo [Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinskiy Journal], 2006, no. 6, pp. 28—32. (In Russ.).

18. Rozum S. I. *Psikhologiya sotsializatsii i sotsial'noi adaptatsii cheloveka* [Psychology of Socialization and Social Adaptation of a Person]. Sent-Petersburg, 2006. 680 p. (In Russ.).

19. Levada Yu. A. Person's Coordinates. Monitoring obshchestvennogo mneniya [Monitoring of Public Opinion], 2001, no. 1(51). URL: http://ecsocman.hse.ru/data/815/989/1219/02levada-7-15.pdf. (In Russ.).

20. Potanin G. N. Revival of Russia and Ministry of National Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2004, no. 282, pp. 300—302. (In Russ.).

21. Burov A. N. Small towns: historical destinies and possible ways of development. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 4, pp. 17—28. (In Russ.).

22. Dyurkgeym E. Sociology and Cognitive Theory. *Novye idei v sotsiologii* [New Ideas in Sociology], iss. 2. Sent-Petersburg, 1914. Pp. 75—81. (In Russ.).

23. Putnam H. Philosophy as the Education of Grownups: Stanley Cavell and Skepticism. *Reading Cavell*, ed. Alice Crary and Sanford Shieh. London and New York, Routledge, 2006. 272 p.

24. Sidorenkov A. V., Sidorenkova I. I. *Metodiki izucheniya doveriya v maloi gruppe* [Methodology of Study of Trust in a Small Group]. Rostov-on-Don, 2007. 44 p. (In Russ.).

25. Bestuzhev-Lada I. V. What is you like, Youth? *Moskovskii rabochii* [Moscow Worker], 1999. 460 p. (In Russ.).

26. Cherednichenko G. A. *Molodezh' Rossii: sotsial'nye orientatsii i zhiznennye puti* [The Youth of Russia: Social Orientations and Ways of Living]. Sent-Petersburg, RKhGI Publ., 2004. 243 p. (In Russ.).

© Орлова В. В., Шестакова Д. К., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: *Орлова В. В., Шестакова Д. К.* Доверие как базовый фактор становления локального патриотизма // Социология города. 2014. № 3. С. 31—47.

For citation: Orlova V. V., Shestakova D. K. Confidence as a basic factor in the formation of local patriotism. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 31—47. (In Russ.).

УДК 316.4.06

М. М. Старикова

ПРАКТИКИ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ г. КИРОВА)

Рассматриваются основные направления исследований жилищного вопроса в современной социологии. На эмпирическом материале показано, что жилищная проблема в России — исключительно сложная, острая и дорогостоящая с точки зрения ее решения. На примере г. Кирова проанализированы возможности и реальные практики использования и улучшения жилищных условий молодежи, уровень сформированности у нее отношения к собственности как потенциальному источнику инвестиций и доходов. Выявлены предпочтения молодых людей относительно типов жилья.

Ключевые слова:
жилье,
жилищные условия,
ипотечное кредитование,
молодежь,
практики использования
и улучшения жилищных условий.

M. M. Starikova

THE PRACTICE OF SOLVING THE HOUSING PROBLEM IN THE MODERN CITY (BY THE EXAMPLE OF THE TOWN OF KIROV)

In the XXI century under condition of urbanization and promote comfort as life purpose and meaning of its own comfortable and functional accommodation becomes a dream and an important element of the life strategies of the ordinary citizens of our country.

The purpose of the article is to describe the well-established and new socio-economic practices to improve the living conditions in the Russian city, to

Жилье — одна из витальных потребностей человека. Ее удовлетворение является, помимо прочего, маркером социального статуса, амбиций, качества жизни. В XX и XXI веках собственное комфортное и функциональное жилье стало объектом мечтаний и стремлений рядовых граждан нашей страны. Усиление потребности в жилье можно связать с ростом рождаемости, рекламой комфорта как жизненной цели и смысла, процессами урбанизации и ветшания застройки советского периода. Меняются и социальные практики улучшения жилищных условий: все активнее внедряются различные кредитные схемы приобретения жилья, реализуются новые государственные программы обеспечения жильем отдельных категорий граждан, жилье выступает сопутствующим мотивом рождения второго ребенка в семье…

Жилищная проблема стоит перед 60 % российских семей[1]. Каким образом сегодня можно улучшить свои жилищные условия, насколько официальные возможности совпадают с реальной практикой жилищного обустройства людей? Где и как реально живут россияне, какие грани жилищного вопроса сегодня больше всего их волнуют? Насколько остро стоят проблемы жилья у различных категорий населения, например молодежи, молодых семей, жителей «хрущевок» и домов сталинской постройки, коммунальных квартир, арендаторов жилья? Как живут семьи, взявшие ипотеку?

Данная статья является поиском ответов на эти вопросы и представляет собой начальный этап исследования этой проблематики.

Цель исследования состоит в том, чтобы охарактеризовать социально-экономические практики использования и улучшения жилищных условий в российских семьях, оценить их распространенность, обозначить круг актуальных проблем в жилищной сфере, выявить различия в восприятии сложившейся ситуации с жильем между различными категориями населения.

Предлагаемая статья строится следующим образом. Сначала мы представим краткий обзор

[1] Федеральная целевая программа «Жилище» на 2011—2015 годы. Паспорт программы. Постановление правительства РФ № 1050 от 17.12.2010. URL: http://base.garant.ru/12182235/.

assess their prevalence, identify strategies to improve the living conditions of the youth.

The main methods of the study were secondary data analysis of domestic and foreign sociological research of the housing sector and focus groups on the problem under study with young people.

For example, Kirov analyzed the possibilities and the actual practices of use and improvement of the housing conditions of young people, shows the differences in relation to the property as a source of investment and income. It was identified what types of housing young people prefer.

The survey results indicate that graduates are actively interested in improving their housing conditions, but they plan more than they act. Positive practices in the use and improvement of living conditions of young people is the high level of responsibility for the existing property, a large supply of life energy for the realization of high geographical mobility in search of the comforts of life, the desire to expand the infrastructure of the suburbs at the expense of individual housing construction.

Key words:
housing,
housing conditions,
mortgage credit,
young people,
practices to rational utilization
and improvement
of housing conditions.

Об авторе:

***Старикова** Мария Михайловна – кандидат социологических наук, Вятский государственный университет (ВятГУ).*
Российская Федерация, 610000, Кировская обл., г. Киров, ул. Московская, 36,
maria_kuzmina82@mail.ru

***Starikova** Mariya Mikhailovna – Candidate of Social Science, Vyatka State University.*
Russian Federation, 610000, Kirov Oblast, Kirov, 36, Moskovskaya St.,
maria_kuzmina82@mail.ru

исследований, посвященных жилищным проблемам, и анализ количественных эмпирических данных. Затем мы рассмотрим данные авторского исследования представлений молодежи о жилищной сфере и возникающих в ней проблемах, определим факторы, влияющие на жилищные планы молодых граждан.

Истоки исследований жилищного вопроса можно найти в работах Ф. Энгельса и М. Вебера, социологии города в чикагской школе. Однако сфера жилищных отношений не имеет специальной теоретической концептуализации в социологии. Проведенный автором обзор основных рецензируемых периодических изданий по социологии и материалов крупных научных конференций свидетельствует, что жилищный вопрос изучается сравнительно мало в соотношении с другими социальными проблемами.

Социологические исследования, связанные с жилищным вопросом, можно сгруппировать по основным направлениям: наибольшее внимание исследователей уделяется рынку жилья, жилищной обеспеченности и жилищной политике [1—9], жилищный вопрос изучается в рамках здоровьесохраняющего и репродуктивного поведения людей [10—13], много внимания уделяется проблемам жилищной стратификации и инфраструктуры [14—17], общему отношению к собственности у россиян [18—20], активно изучается удовлетворенность граждан коммунальными услугами [21—24], пока немногочисленны исследования ипотечного кредитования как способа решения жилищного вопроса[2] [18, 25—28].

Проблема обеспеченности населения жильем традиционно изучается статистикой, по данным которой в России на одного человека приходится в среднем 23,4 м^2 жилой площади[3]. После тесноты коммуналок советского периода этот показатель кажется вполне радужным, однако в сравнении с тем же показателем в других странах мира

[2] Reforming America's Housing Finance Market. A Report to Congress. The department of the Treasury. U.S. department of HUD. February 2011. URL: http://www.treasury.gov/initiatives/documents/reforming%20america's%20housing%20finance%20market.pdf.

[3] Федеральная служба государственной статистики. Основные показатели жилищных условий населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/jilf/jkh39.htm.

мы живем значительно теснее, несмотря на обширную территорию страны: в США этот показатель равен 70 м^2, в Великобритании — 62 м^2, в Германии — 50 м^2, в Китае — 27 м^2 [1, с. 3].

Помимо общей обеспеченности квадратными метрами, крайне важно учитывать качество и функциональность жилой площади. Просторный дом в сельской местности по удобствам и близости к инфраструктуре гораздо менее привлекателен для большинства россиян, чем небольшая квартира в развитом городском центре. Однако и в городах, как отмечают исследователи, «структура жилищного фонда России — это воплощение физической тесноты и психологической разобщенности людей, отчужденности и безответственности к своему окружению. Вынужденное тесное проживание деформирует естественные формы бытия» [1, с. 4].

В настоящее время в современных городах большое количество различных барьеров указывает на неблагоприятное состояние общества, всеобщее недоверие и ожидание угрозы и нападения [16, с. 51].

В. Глазычев отмечает: «...неравноценный доступ жителей города к инфраструктуре и преимуществам инженерного благоустройства резко обостряет вопросы социального неравенства» [29, с. 6]. Такие ограничения обычно выражаются в дистанциях, опосредованных временем и стоимостью транспортных услуг, в закрытых охраняемых дворовых территориях, борьбе за парковочные места. Справедливо говорить о формировании жилищной стратификации как составляющей социально-экономического расслоения населения, еще не получившей особого внимания со стороны исследователей.

«Государственная жилищная статистика ориентирована скорее на характеристику жилищного фонда, чем на представление сведений о жилищных условиях населения. Она, как и прежде, оперирует показателями, основанными на уравнительных принципах, почти не отражая явлений неравенства. О чем можно судить по средней для города величине площади жилья, будто бы приходящейся на каждого жителя? Не зная, например, какая часть населения живет в коммунальных квартирах, и чему равен этот показатель для нее?» [15].

Как показывают результаты исследований под руководством Н. Е. Тихоновой, 15 % населения страны (т. е. около 20 млн человек!) по существу ютятся в жилище, малопригодном для жизни. Если попытаться оценить долю россиян, жилье которых соответствует общепринятым в российском обществе критериям «нормы», т. е. является отдельным, имеет все коммунальные удобства и обеспечивает не менее 18 м^2 на человека (от качества этого жилья мы сейчас отвлекаемся, т. е. это может быть и разваливающаяся пятиэтажка в райцентре, где ни о какой программе сноса ветхого жилья речь не идет), то оказывается, что *в таких относительно благополучных жилищных условиях проживают чуть больше четверти россиян* (!). Стоит ли удивляться, что при растущих ценах спрос на новое жилье по всей стране только увеличивается [3].

Одно из самых масштабных и комплексных исследований собственности и жилищных условий россиян было проведено почти десятилетие назад ведущими сотрудниками РАН, его результаты отражены в аналитическом докладе «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность» [18]. В исследовании подробно проанализировано, насколько удовлетворяли на тот мо-

мент наших сограждан их жилищные условия, каковы были перспективы их улучшения. По данным этого исследования, «за последние 3 года каждый десятый россиянин смог улучшить свои жилищные условия, причем только половина из них сделала это за счет строительства или покупки жилья на собственные средства. Всего по России вне зависимости от оценки своих жилищных условий 40 % выражают потребность в покупке квартиры, 15 % — в приобретении коттеджа с условиями круглогодичного проживания. Основная масса желающих приобрести квартиру принадлежит к слоям населения с низкими и средними доходами. Это говорит о том, что спрос на квартиры в большинстве своем является неплатежеспособным. Наибольший же спрос на квартиру предъявляют арендаторы жилья, для которых ее приобретение — это не только необходимость, но, зачастую, и экономически оправданный шаг» [18, с. 102]. Представляется актуальным повторное исследование изученных десятилетие назад проблем, сравнительный анализ данных, выявление произошедших изменений в практиках использования и способах улучшения жилищных условий.

Судя по темпам и объемам жилищного строительства в российских городах, можно предположить очень высокую активность населения в сфере приобретения новой жилой недвижимости. Однако в отсутствие государственного регулирования цен на недвижимость наметился дисбаланс между объемом вводимого на рынок нового престижного жилья с завышенным уровнем цен и реальными низкими денежными доходами и покупательной способностью населения. Поэтому имеет смысл определить наиболее перспективные внерыночные формы улучшения и расширения жилищных условий.

С каждым годом ветшают и падают в цене квартиры в «хрущевках» и домах сталинской застройки. Большинство таких домов были рассчитаны на 25 лет, «хрущевки» «несносимых серий» имели ресурс несколько больший — 50 лет. В настоящее время срок эксплуатации этих зданий превысил допустимые нормы, они перестали отвечать современным нормативным требованиям по тепло-, гидро-, шумоизоляции, здания ветшают. Вопрос сохранения и обновления жилищного фонда был вынесен в отдельную подпрограмму «Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда». В июне 2005 г. Департамент внешних связей Счетной палаты РФ объявил о срыве реализации данной подпрограммы. Процент реализации задуманного составил 26,4 % от заданий подпрограммы, лишь 47,3 тыс. человек (33,7 %) были переселены. Все это происходило на фоне превышения расходования средств федерального бюджета, предусмотренного подпрограммой, в 22 и 19 раз [2, с. 46].

Вновь запускаемые государством программы капитального ремонта и расселения жителей этой массовой застройки, за исключением столицы, на сегодняшний день не привели к ожидаемому результату в силу их высокой стоимости и нежелания (отсутствия возможностей) у большинства жильцов таких домов софинансировать проекты реконструкции и расселения.

Таким образом, жилищная проблема — действительно исключительно сложная, острая и дорогостоящая с точки зрения ее решения. «При этом социальное недовольство, которое фиксируется в отношении россиян к проблемам в жилищной сфере, во многом формируется за счет разрыва между все возрастающими расходами, которые люди несут по оплате жилья и коммунальных услуг, и их качеством» [3].

В некоторых регионах страны исследования выявляют позитивную динамику решения жилищного вопроса. Так, по данным опросов М. А. Гуревич и Т. Ю. Радиловской, в Челябинске среди молодых семей в 2005 г. по сравнению с 1999 г. более чем в 3,5 раза уменьшилось количество снимающих жилплощадь, в 1,5 раза — проживающих в общежитии и столько же живущих совместно с родителями и родственниками. Однако возможность получения бесплатного муниципального жилья в 2005 г. (4 %) по сравнению с 1999 г. (27 %) сократилась почти в 7 раз. Несмотря на то что среди горожан 48 % не удовлетворены своим жильем, планируют его улучшить лишь 28 % респондентов, 70,5 % ответили «Не планирую решать жилищный вопрос» [12].

По данным проведенного в 2011—2012 гг. под рук. И. М. Шнейдерман исследования «Жилищная политика в России: состояние, возможности, перспективы» в Московской области «семьи планировали следующие способы улучшения жилищных условий: довольно большая группа — 18 % — все еще надеялась получить жилье по очереди или в связи со сносом дома. Треть респондентов предполагала купить или построить новое жилье, и 41 % опрошенных собирались как-то улучшить свое положение по-другому. Каждое десятое домохозяйство уже участвовало в жилищном строительстве (в том числе, долевом) на момент опроса» [4].

Актуально изучить, как «по-другому» планируют улучшить свое жилищное положение россияне, насколько сформировано отношение к располагаемой собственности как потенциальному источнику инвестиций и доходов.

В сознание наших граждан уже прочно вошло понятие ипотеки как заманчивый способ расширения/улучшения жилищных условий. Ожидается, что получение для этой цели кредита превратится в «стандартный процесс». Однако отношение к ипотечному кредитованию крайне противоречивое со сдвигом в сторону негативного. Причина такого отношения — риски ипотеки несоизмеримы с достигнутыми благодаря ей удобствами. Даже в позиционирующих себя как гарант стабильности для граждан США «сложилась ситуация, когда банки не доверяют клиентам, корпоративным заемщикам, другим банкам. Клиенты также не доверяют банкам. Состоятельные люди с подозрением относятся к инвестиционным консультантам и менеджерам. Немногие доверяют мерам правительства по преодолению экономических трудностей» [25, с. 60]. Миллионы семей убедились на личном опыте в том, что, становясь собственником жилья, «можно потерять деньги и нажить себе стресс». Неслучайно в заголовках статей ряда СМИ американская мечта о собственном жилье стала сравниваться с «кошмаром» [30].

Как показало исследование жилищной обеспеченности в России, проведенное под руководством Н. Е. Тихновой в 2007 г., «лишь треть россиян имеет какие-то сбережения и не более 6 % — достаточные сбережения для внесения первого взноса за “ипотечную” квартиру. У последних жилищный вопрос практически решен.

Чтобы “влезть в долговую кабалу” на много лет (а именно так воспринимают ипотеку россияне), обрекая себя на значительные жертвы с точки зрения текущего потребления, нужно быть активно неудовлетворенным своими жилищными условиями… Здесь существует другая острота — осознание жилищной проблемы как реально стоящей, злободневной и безотлагательной. Однако она не воспринимается и не осознается с такой остротой: всего 15 % респондентов охарактеризовали ситуацию с жильем как актуальную проблему.

Сдерживает развитие ипотеки и тот факт, что 27 % россиян и так уже имеют различного рода невыплаченные кредиты в банках, долги, и дополнительные кредиты они просто не в состоянии отдавать…» [3].

Автору данной статьи не удалось познакомиться ни с одним комплексным социологическим исследованием последних 5 лет, которое было бы всецело посвящено анализу практик использования и улучшения жилищных условий россиян, их планов и перспектив решения жилищного вопроса, выяснению, какой смысл вкладывают наши сограждане в понятие «*улучшение* жилищных условий».

С целью выяснения этих вопросов и мониторинга жилищных проблем, рассмотренных в 2005 г. в исследовании «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность» [18], в июне 2014 г. мы провели пилотажное социологическое исследование «Современные практики использования и улучшения жилищных условий молодежи» на примере Кировской области. На базе научной социологической лаборатории «СОЦ-И-УМ» ФГБОУ ВПО «ВятГУ» проведена серия фокус-групп (N=3) с молодежью 19—22 лет (студенты старших кусов вузов). В каждой фокус-группе присутствовало от 8 до 11 человек, соотношение юношей и девушек 40 к 60 %[4].

Мы решили первоначально исследовать жилищный вопрос в представлениях молодежи, поскольку эта социальная общность находится в переходной ситуации «вылетающих из гнезда птенцов» и часто имеет специфический опыт проживания в съемном жилье, ее отношение к жилищным проблемам только формируется и больше подвержено влиянию усредненного общественного мнения. В то же время это одна из наиболее социально активных демографических групп, и ее планы на будущее, в том числе жилищное, очень интересны для изучения. Затем мы планируем углубить исследование использованием других методов сбора и обработки данных и сравнительным анализом в разрезе изучения других демографических/социальных общностей.

Кировская область является одним из дотационных регионов, соответственно и жилищные условия населения и рынок недвижимости ожидаемо не могут быть вполне благоприятными. Однако, по данным пресс-релизов, областные власти активно работают над улучшением жилищных условий граждан. «В Кировской области за январь — май текущего года введено 172,6 тыс. кв. м жилья, что на 55 % выше аналогичного периода прошлого года. Кроме того, в I квартале 2014 года наблюдается снижение цены 1 кв. м жилья. В регионе принят и действует закон “О бесплатном предоставлении гражданам, имеющим трех и более детей, земельных участков на территории Кировской области”. По состоянию на 1 июня текущего года в области состоят на учете порядка 7,62 тыс. многодетных семей, имеющих право на бесплатное получение земельного участка, из которых около 4,92 тыс. семей уже выразили желание реализовать свое право, подав соответствующее заявление. В настоящее время удовлетворено более 2,9 тыс. заявлений, или 60 % от потребности… Следующей мерой в решении вопроса улучшения жилищ-

[4] Студенты рекрутировались по принципу случайной выборки, с соблюдением квот по полу, требования, чтобы респонденты были не знакомы между собой и учились на последнем или предпоследнем курсе. В исследовании участвовали студенты 4 кировских вузов.

ных условий является разработка специальных программ ипотечного кредитования отдельных категорий граждан (молодых семей, работников бюджетных организаций) и обеспечение мер господдержки в этой сфере.

Для ликвидации аварийного жилищного фонда в области утвержден план мероприятий (“Дорожная карта”) по переселению граждан из аварийного жилья, а также региональная адресная программа “Переселение граждан, проживающих на территории Кировской области, из аварийного жилищного фонда”, рассчитанная на 2013—2017 годы. В соответствии с этим документом в течение 5 лет на переселение граждан будет направлено 2,2 млрд рублей, в том числе 1,5 млрд рублей из средств федерального Фонда содействия развитию ЖКХ. В итоге планируется переселить более 5,94 тыс. граждан и ликвидировать 88,2 тыс. кв. м аварийного жилья»[5].

В силу сложившихся противоречий между показателями ввода жилья и реальной покупательной способностью россиян представляется актуальным изучить практическое поведение людей, которые, несмотря на безденежье, тем или иным путем решают свои жилищные проблемы. Для изучения представлений, планов и повседневных поведенческих практик в сфере использования и улучшения жилищных условий, на наш взгляд, на первом этапе больше подходит качественный социологический метод фокус-групп, поскольку он позволяет выявить контекст ответов и генерировать идеи в ходе обсуждения, хотя и не дает их количественной оценки.

При разработке гайда фокус-группового исследования мы ставили перед собой следующие задачи:

1. Дать оценку существующих жилищных условий с позиции молодежи.

2. Определить, какой смысл вкладывают молодые граждане в понятие «*улучшение* жилищных условий», что необходимо им в плане жилищных условий для ощущения комфортной жизни.

3. Выявить предпочтения в отношении типов жилищ (квартиры или индивидуального дома).

4. Определить основные пути и способы улучшения жилищных условий, которые доступны молодым людям, а также возможные денежные источники, которые могут быть и были ими задействованы для покупки или строительства своего жилья.

5. Выяснить, насколько сформировано у молодежи отношение к располагаемой собственности как потенциальному источнику инвестиций и доходов.

6. Обсудить наиболее перспективные внерыночные формы улучшения и расширения жилищных условий.

Жилье как ориентация экономического поведения является простейшей формой диспозиций. Габитус как система диспозиций, согласно Бурдье, становится генератором практик, когда он находит пространство возможностей для реализации заложенной в нем естественной склонности сберегать, инвестировать, предрасположенности к расчету [31]. Результаты корреляционного анализа проведенного Е. Л. Могильчак исследования указывают, что на ориентацию студентов относительно собственности оказывают влияние прежде всего уровень жизни семьи родителей и успеваемость. С повышением уровня

[5] Бизнес новости. ру. URL: http://www.bn.ru/kirovskaya-oblast/news/2014/07/01/179525.html.

жизни растет ориентация на насильственные способы защиты домашней собственности, достигая максимума в самой обеспеченной категории [32, с. 92].

Важно отметить, что в начале всех дискуссий на вопрос модератора «Как Вы думаете, какие проблемы волнуют людей в нашей области и нашем городе?» студенты стабильно очерчивали примерно одинаковый круг проблем: жилье, жилищные проблемы, медицинские услуги, транспорт, работа… Хотя вопрос задавался о жителях всей области, респонденты в силу психологических закономерностей преимущественно называли круг своих проблем. Жилье называлось в первую очередь, что свидетельствует об остроте этой проблемы для выпускников вузов, особенно тех, кто приехал из районов и живет в общежитии /съемном жилье.

Респонденты нашего исследования по наличию собственного жилья разделились на три группы: те, кто живут с родственниками (примерно 40 %), те, кто снимают жилье, в основном комнаты и 1-комнатные квартиры (примерно 30 %), и те, кто живут в общежитии (около 30 %). Только 2 студента из 28 сказали, что живут в собственном жилье. Конечно, жилищное положение студентов обусловлено в основном положением их родителей. Примерно четверть студентов, живущих с родственниками, сказали, что проживают с бабушками и другими родственниками.

В ходе групповой дискуссии мы выяснили, как студенты воспринимают свое жилищное положение. Те, кто живут с родителями, чувствуют себя наиболее комфортно, им не приходится решать жилищные проблемы и часто менять место жительства, чаще всего они имеют собственную комнату, где ощущают себя полноправными хозяевами. Единственный минус их положения, со слов самих респондентов, — постоянный контроль со стороны родственников. Все студенты, живущие с родственниками, высказали намерение в будущем, когда появится собственная семья, имущественно и территориально отделиться от родителей. Причем способы отделения назывались самые разнообразные: от пассивных «мне купят/подарят», «скоро достанется от бабушки», до требующих инициативы и собственных усилий «накоплю, возьму кредит», «удачно выйду замуж», «уеду на север на заработки».

Те, кто снимают жилье или живут в общежитии, имеют другой социальный опыт использования жилищных условий и по-другому относятся к житейским вопросам. Им приходится больше приспосабливаться, проще относиться к неудобствам: *«Где я сейчас живу, точнее, снимаю комнату — старенькую, дряхленькую — бомжи на первом этаже, все такое, очень грязно там, но студенческая жизнь не сахар, вот, а это мой дом в деревне, приватизированный, т. е. уже наш, вот, где живут родители, я туда езжу на лето, там огороды, грядки, природа, хорошо…»* (студент, 4 курс). В описании жилья плохие условия всегда представляются как временные неудобства, четко разграничивается «плохое» съемное и «хорошее» собственное. Студенты согласны терпеть внешние неудобства общих мест, однако компенсируют их хотя бы минимальным уютным собственным пространством, экономической выгодой: *«Филейка, старая трехэтажка, честно говоря, отстойно. Но комната такая уютная, мне нравится. И по оплате сходимся»* (студент, 4 курс).

Неожиданно от студентов было услышать, что им очень важен район проживания в городе, нужно, в первую очередь, чтобы он был тихий и спо-

койный, во-вторых, важна близость к месту учебы и инфраструктура: *«Во-первых, район, где я живу, очень хороший… ну да, там с пробками проблема, но все же там как-то спокойно, мне вот нравится этот район»* (студентка, 4 курс). Казалось бы, студенчество — тот возраст, когда активная жизнь и шумные районы вполне привлекательны. Однако те, кто приезжают на учебу в город из районов и сельской местности, от активного уличного движения даже относительно небольшого города чувствуют дискомфорт и усталость. Поэтому и требования к съемному жилью у них начинаются с тихого и спокойного района.

Те, кто живут в общежитии, оценивают свои жилищные условия исходя из внутреннего комфорта помещений, «адекватности» коменданта, от которого зависят возможности студентов использовать жилищные условия общежития (например, состояние мест общего пользования, время возвращения в общежитие ночью, время посещения душевых, другие правила внутреннего распорядка): *«В третьей общаге мне нравится, и там душ такой, туалеты хорошие, единственное, что кухня, конечно, не всегда»* (студентка, 3 курс). Внутри общежитий бытовые условия также значительно различаются, и, естественно, студенты стремятся их улучшить: *«Я сейчас еще отдельно в блоке, там козырь с балконом, душ свой, там “випка” считается. Дожился до 5-го курса. По всей общаге с 3-го поднялся на 5-й сейчас этаж. Везде пожил»* (студент, 4 курс).

Какие жилищные проблемы актуальны для студентов? Юношеское восприятие очень эмоционально и фокусирует внимание в первую очередь на взаимоотношениях и несправедливости, чем-то, что их эмоционально задевает: *«Ну, для меня главная проблема — это проблема домофона, потому что вот у меня дома есть домофон, которым мы не пользуемся, хоть мы и платим за него... Также не очень-то мне нравится, что мы каждый платим за уборку подъезда, хотя подъезд в ужасном состоянии, там все обшарпанно, там грязно, но вот мы платим, и платим за уборку подъезда неплохо»* (студентка, 4 курс). Как ни странно, молодежь задевает фривольное поведение себе подобных, когда дело касается их собственности: *«Самое большое — это уборка в подъезде, т. к. у нас домофон частенько бывает сломан и молодежь сидит между этажами на площадках, там курят, пьют, потом там после них столько мусора остается, ну хоть уборщица и приходит, она же все равно не успевает убирать, там накапливается мусор, а потом такой запах»* (студентка, 4 курс).

Помимо прочего, часто назывались проблемы капитального ремонта дома, который, по мнению студентов, должна делать ЖКО на средства из квартплаты. В съемных квартирах и комнатах студенты часто сталкиваются с перебоями электричества и водоснабжения, причем коммунальные службы не торопятся их устранять: «*Я начала звонить — и что вы думаете: меня с одного телефона на другой переправляли¸ короче, я так вот звонила, наверное, час. В итоге я дозвонилась до какого-то одного мужчины, он говорит: “Знаете, только на следующее утро, чтобы пробки сделать”. Ну, в общем на следующее утро, вот только в 2 часа дня, к нам пришел техник и сделал»* (студентка, 3 курс). Студенты, живущие с родственниками, также сталкиваются с подобными проблемами, однако для них они оказались менее актуальными, скорее всего в силу того, что решают их родители.

Студенты хорошо умеют считать деньги за потребляемые услуги и в своих оценках воспроизводят общественное мнение на тарифы ЖКХ: *«Там новый дом и там плата вообще за все, ну очень много денег уходило, особенно за свет в коридоре… Там ходишь два раза в день и все равно за это платишь, за то, что он там горит, там бешеные деньги просто мы переплачивали за это, особенно счетчики… ну, это очень неудобно, когда у тебя счетчик дома стоит. Тоже очень много денег уходит»* (студентка, 4 курс).

Проблем с соседями студенты практически не испытывают, они легко мирятся с особенностями быта жителей коммуналки, толерантно воспринимают различные стили жизни, с шутками и легкостью описывают житейские выходки соседей. Гендерных различий в восприятии жилищных проблем нам выявить не удалось.

Мы выяснили, какие действия сейчас предпринимают студенты для улучшения жилищных условий: это как улучшение состояния и функциональности уже имеющегося жилья, так и смена жилья на более удобное и качественное. Для кого-то улучшение связано в первую очередь с расширением площади, для других приоритетным является год постройки дома и его тип, кто-то предпочтет квартиру меньшей площади, но в элитном или субъективно привлекательном районе, а возможно и собственный дом в пригороде. Большинство студентов, живущих в общежитии и съемном жилье, под доступным улучшением понимают косметический ремонт их комнаты, ее утепление, переезд в другой район поближе к месту учебы или занятие более удобной комнаты с меньшим количеством соседей в общежитии. По поводу того, стоит ли за свой счет для себя делать косметический ремонт в съемном жилье, завязывался спор, больше было тех, кто считал, что внешняя уютная обстановка после минимального косметического ремонта важнее, чем относительно небольшие растраты: *«Вот хочу обои поклеить. Не надо жалеть денег на это, даже если не свое, все равно все вернется»; «Не-е, я лучше буду вкладывать в свое, чем…; «А я тоже обои поклеил, самому же жить-то»*.

Как показали рассуждения участников фокус-групп, в период завершения учебы проблема жилья осознается достаточно остро, но собственная инициатива по ее решению у студентов практически отсутствует. Хочется всего и сразу, волшебным способом. Студенты ярко и живо представляют, где и как они хотят жить через 5…10 лет, но что для этого они будут предпринимать, большинство затрудняется сформулировать, что обусловлено, с одной стороны, юношеским романтизмом и максимализмом, а с другой стороны — инфантильностью и недостатком экономико-правовых знаний и жизненного опыта: *«Через 10 лет я буду жить в двух- или трехкомнатной квартире в небольшом городе, разумеется, с мужем»* (студентка, 3 курс). *«Через 10 лет я буду жить в своем большом, просторном деревянном доме в нескольких километрах от города, с мужем и с детьми, конечно, будут свои машины, чтобы не было проблем с транспортом. И, возможно, как альтернатива, чтобы была квартира в городе, которая будет сдаваться, я очень верю, что так будет»*. Характерная черта: студенты из районов не хотят возвращаться назад, а хотят закрепиться в городской черте, но с сохранением привычного уклада жизни в частном доме и близостью к природе: *«Я собрался в деревянном доме жить тоже, хозяйство иметь свое»* (студент, 4 курс). *«Я тоже написал, что у меня будет свой дом в пригороде»* (студент, 4 курс).

Гендерные различия в планах на жилищное будущее проявляются в большем красноречии и детализации образов жилья у девушек.

Характерной чертой планов улучшения жилищных условий молодежи оказалась возможность активно развлекаться, не выходя из дома: *«Ну, я хочу какой-нибудь дом где-нибудь за городом и в общем, так сказать, развлечений там: газон, качели там, фонтанчик, чтобы так красиво все было вокруг и такой уютный, можно даже в принципе двухэтажный, там бассейн, все с развлечениями»* (студентка, 4 курс). *«Я хочу жить в трехкомнатной квартире с евроремонтом, конечно же, в собственности, значит, несколько автомобилей, 2 или 3, коттедж за городом, чтобы удобства и развлечения. Не только приехать в огород, а отдохнуть»* (студент, 4 курс).

В проведенных фокус-группах выделилась и группа молодежи (примерно четверть участников), для которой на ближайшее будущее жилищный вопрос вообще не актуален, его решением они планируют заняться после достижения определенного возраста, а сейчас хотят тратить силы и время на более актуальные цели: «*Что для себя я выделила: не главное там, сколько метров квадратных, главное, чтобы было всем уютно, все были счастливы, не загруженные были в семье, вот, надо накормить, чтобы каждый занимался своим делом, не стремиться к накоплению, а стремиться жить полной жизнью, ездить, путешествовать, ходить в какие-то центры развивающие, заниматься самосовершенствованием»* (студентка, 4 курс).

У местных и приезжих студентов во всех фокус-группах стабильно различались предпочтения в отношении типов жилищ (квартиры или индивидуального дома). Все респонденты указывают, что выбор жилья они начнут с выбора района. Однако городские студенты планируют выбирать район поблизости садиков, магазинов, места работы и центра города и в дальнейшем жить в многоквартирных домах: «*Я вот представляю свою жизнь в городе, в городском домике, чистеньком, с детской площадочкой»* (студентка, 3 курс), а практически все приезжие из сельской местности и малых городов студенты предпочитают обустроиться в ближайшем не шумном пригороде в собственном доме*: «Я хочу жить в своем доме, в деревянном полностью и подальше от людей. Ну, возможно, чтобы недалеко от города, но чтобы там было тихо…»* (студент, 4 курс). Городские многоквартирные дома у молодежи из районов вызывают психологический дискомфорт: *«Там, где я пока живу, на первом этаже, в такой коробке, большой коробке, там много людей, машины кругом…, я в принципе в большом доме не хочу жить»* (студентка, 3 курс).

Однако и в родные поселки, получив образование, молодые специалисты возвращаться не хотят, и одним из весомых мотивов «побега с малой родины» является отсутствие перспектив и работы: *«Я считаю, работы нет, у нас вот в поселке был маслозавод — закрыли, сейчас одни пилорамы остались, людям некуда деваться»* (студент, 4 курс).

Участники фокус-групп определили основные пути и способы улучшения жилищных условий, которые доступны молодым людям. В основном респонденты называли способы, требующие достижения определенного возраста и статуса (женатого/замужней, родителя, члена семьи ветерана, представителя определенной профессии), либо наличия определенного стартового капитала: *«Давайте я начну, вот как Оля сказала, ипотека, потом материн-*

ские капиталы; также можно, наверно, улучшить свое жилье с помощью наследств — бывает, оставляют же. Также сертификаты ветеранам ВОВ, также ветеранам войн в Афганистане, ну это тоже… у кого есть в семье ветераны» (студентка, 4 курс). *«Военным, может, тоже. Учителям, кстати, если учителя, например, приезжают из города в какой-то поселок жить, то им тоже выделяют определенное жилье»* (студент, 4 курс). *«Можно самому построить что-то, вот у меня знакомые строят, вкладывают деньги, за зиму копят, летом делают»* (студент, 4 курс).

Примерно четверть респондентов поддержала идею географической мобильности с целью улучшения жилищных условий, миграционный потенциал молодежи достаточно высокий. Однако стратегии миграции студенты описывали расплывчато: *«Если семья у тебя, 2—3 детей и все такое, молодая семья, то здесь надо, как минимум, двух-трех-, даже двух- мало будет, — трехкомнатную квартиру. А сейчас за 2 миллиона трехкомнатную квартиру не купишь, это точно. Т. е. можно, допустим, пока подождать, переехать в другую страну, если жить на берегу океана, в Перу, там, в принципе, 2 млн рублей стоит каждый коттедж. Он у океана, он однозначно клевый, т. е. туда проще переехать. Ну, допустим, если в Америку переезжаешь, там жить не пустят, если нет стартового капитала, где-нибудь в районе 100 тысяч»* (студент, 4 курс).

Какие денежные источники могут быть и были задействованы молодежью для покупки или строительства своего жилья? Респонденты активно включились в обсуждение и предложили несколько вариантов: *«Кажется, что материнский капитал как-то может помочь весомо»; «Самый реалистичный способ, мне кажется, это накопить денег и вложиться во что-то, хотя бы первоначально»*. Но где заработать столько денег и сразу? *«На вахте, на севере»; «У меня у брата там знакомые жили на севере, купили жилье, еще живут, еще что-то купят»*.

Само собой разговор зашел об ипотечном кредитовании как способе улучшения жилищных условий. Отношение к ней молодежи — однозначно негативное в силу завышенных процентных ставок и низких доходов: *«Ипотека мало помогает, многие берут, подвязывают себя лет на 25, на 30, отдавать по 10 тысяч в месяц от зарплаты в 20 тысяч, да и переплатить еще за такую же квартиру…»* (студент, 4 курс); *«Вот если мы не записывались бы на ипотеку, сделали бы проценты меньше»* (студентка, 3 курс).

Молодежь отпугивает в ипотеке и сам срок такого кредитования, люди не готовы вступать в долговые обязательства на 20—30 лет, а на более короткий срок (ипотечные схемы разрабатываются со сроком от 5 лет) ежемесячный платеж даже за небольшую однокомнатную квартиру составляет неподъемные для рядового работника суммы. В представлении респондентов, за 20—30 лет могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, временно не позволяющие гасить ипотечный кредит, тогда человек теряет ипотечную недвижимость и большую часть выплаченных денег: *«А вот с ипотекой там все пострашнее будет, если ты не заплатил, то у тебя просто заберут и квартиру, и денег тебе не вернут, это надувательство какое-то сплошное»* (студент, 4 курс). Сам факт вступления в долговые ипотечные обязательства изматывает и лишает жизнь радости: *«Я не смогу вот в ипотеку только вкла-*

дывать-вкладывать все эти 25 лет, и ты уже такой зомби заезженный…»; «Зарплату получишь — идешь в банк»; «Я не готова к такому, я хочу жить, получать от этого кайф какой-то хотя бы, а не только в ипотеку все вкладывать».

Сегодня правовые нормы допускают два типа отношения к жилью: как к объекту потребления и как к объекту получения дохода. Идея приобретения жилья как коммерческой собственности среди молодежи пока слабо развита, хотя во 2-й из 3-й фокус-группах прозвучала идея рационального использования ипотеки: покупка квартиры с последующей сдачей этой недвижимости в аренду и погашением ипотечного кредита за счет этих доходов. Примерно через 10—15 лет, по мнению студентов, с ипотекой можно будет расплатиться, и квартира уже будет использоваться для собственного проживания либо приносить доход (доходная недвижимость). Однако соответствующих практик ни у студентов — участников фокус-групп, ни в семьях их родственников нет.

Относиться к частной собственности можно по-разному. Степень освоения студентами отношения к собственности, характерного для эпохи модерна, с присущим ему уважением к закону, восприятием собственности как важнейшего ресурса, а не просто предмета потребления, пока достаточно низкая: *«Мне кажется, пока вот я молодая, например, я могла лучше бы жить в более-менее чем-то приемлемом, но тратить в свое удовольствие деньги, например, съездить куда-нибудь, посмотреть что-нибудь, но развиваться. Как бы не важно, где ты там живешь, ну, конечно не в халупе, но хотя бы вот… Ну, многие так живут в принципе»* (студентка, 3 курс). Формирование модернистского отношения к собственности блокируется главным образом тем, что у молодежи недвижимого имущества практически нет, а у их родителей в массе своей крайне мало, чтобы выделить долю детям. Жилищный и социальный статус родителей сильно сказывается на отношении студентов к планам улучшения жилищных условий и практиках использования существующих: студенты из обеспеченных семей чувствуют большую уверенность и защищенность, среди них больше тех, кто намерен в будущем взять ипотеку (как недостающую часть суммы на собственное жилье), получить наследство, найти высокооплачиваемую работу. Наличие трудового стажа также влияет на имущественные взгляды: работающие студенты строят более реалистичные планы, и именно они наиболее резко высказываются относительно ипотечных кредитов. Работающие студенты осваивают практики пользования кредитами: 40 % либо уже использовали за последние два года, либо собираются использовать кредиты на покупку автомобиля, мобильного телефона, компьютера, бытовой техники, путешествия.

Поскольку денежные средства выпускников вузов достаточно скромные и шансы высоких доходов по окончании вуза невысоки, мы обсудили наиболее перспективные внерыночные формы улучшения и расширения жилищных условий. После раздумий (предлагалось подумать и написать на бумаге, а затем обсудить) участники исследования предложили ряд способов, от вполне реалистичных до комичных: *«Мы уже сделали ванную хорошую, а так я бы косметический ремонт недорогой сделал, а потом уехал бы жить в деревню к родственникам, а от сдачи квартиры получал бы деньги и вкладывал их в новую». «Я бы свой дом строил. За зиму копишь, летом что-нибудь сделал, фундамент, другую зиму опять копишь, потихонечку, года за 3, за 4».*

«Многие удачно выходят замуж». «Если бы от работы дали, я бы поехала в другую страну, замуж… нет, чего мужику в рот все заглядывать? Лучше самой все делать, чтобы он за тебя держался, а не ты за него». «Нашел старую бабулю, ходил за ней, ухаживал, ходил-ходил и выходил бабулю. Кстати, правда, они сами согласны». «Ограбить банк. Я где-то видел очень клевую шутку по поводу банка: зачем мне брать ипотеку и платить ее 25 лет, если я смогу украсть 4 миллиона и сидеть 8?». Никто из живущих в съемном жилье не планирует жить в нем в ближайшие годы, т. е. для них проблема улучшения жилищных условий наиболее острая и реальная (а таких выпускников вузов примерно половина): «*Люди собственники. Когда ты студент, ты как-то не воспринимаешь это всерьез, а когда ты взрослый уже человек, ты уже стоишь на ногах крепко и ты не можешь позволить себе квартиру, свою собственность, свой угол, ты не можешь спокойно жить и знаешь, что это не твое. Да, и это просто по самооценке бьет, если ты всю жизнь живешь на съемной квартире, у русских…*» (студент, 4 курс).

Как показал анализ полученного материала, основная проблема социально-экономических практик россиян с недвижимым имуществом заключается в том, что имущества этого у них очень мало, как мало и опыта и навыков выстраивания рациональных практик его использования. Отдаляет перспективы улучшения жилья и отсутствие у россиян «запаса прочности», поскольку часть населения «не только не имеет сбережений, но при этом имеет задолженности различного характера и объема (доля населения, имеющего те или иные виды долговых обязательств, составляет, по результатам исследования, 32 % всех опрошенных). Таким образом, у подавляющего большинства населения не только нет страхового ресурса в виде сбережений, но их ситуация еще дополнительно отягощается уже имеющимися у них долгами» [18].

Судя по данным настоящего исследования, студенческая молодежь активно заинтересована в улучшении своих жилищных условий, однако предпринимаемые для этого действия минимальны и больше относятся к снимающим жилье выпускникам. Выпускники вузов больше строят планы, чем действуют. Низкая динамичность вполне объяснима. С одной стороны, она отражает слабую мотивацию на затрату собственных усилий в сфере жилья: привычка, что все серьезные проблемы решают родители, еще нет собственной семьи и детей, стимулирующих к жилищной независимости, отсутствие стабильной работы и перспектив высоких доходов, недостаточный жизненный опыт для ведения имущественных дел и множество желаний и стремлений (развлечься, модно одеться, купить новую технику, найти новые или поддерживать существующие дружеские/сексуальные отношения, завершить учебу), отвлекающих внимание от решения жилищных вопросов.

Позитивным моментом в практиках использования и улучшения жилищных условий молодежи является достаточно высокий уровень ответственности за имеющееся имущество, большой запас жизненной энергии для реализации задуманного, высокая территориальная мобильность в поиске жизненных удобств, желание расширять инфраструктуру пригородов за счет индивидуального жилищного строительства.

Предложенный выше анализ жилищного положения и практик улучшения жилищных условий молодежи уязвим для критики. Он дает приближенную оценку в силу особенностей качественного метода фокус-групп, мы не

даем статистическую оценку высказанных мнений, оставляя это на перспективу дальнейших исследований. Однако высказанные идеи и мнения ценны своей новизной и оригинальностью, позволяют дать социологическое описание практик решения жилищных проблем в первом приближении, создают задел для разработки адекватного инструментария дальнейших изысканий улучшения жилищных условий в городах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Беляев М. К., Лысенко А. В.* Развитие малоэтажного домостроения в российских городах // Социология города. 2013. № 2. С. 3—8.

2. *Власенко Л. В.* Социально-экономические аспекты реконструкции и сноса застройки 1950—1960-х гг. // Социология города. 2011. № 3. С. 45—51.

3. *Тихонова Н. Е., Акатнова А. М., Седова Н. Н.* Жилищная обеспеченность и жилищная политика в современной России // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 71—81.

4. *Гузанова А. К.* Жилищные условия и стратегии российских домохозяйств: территориальные и социальные различия // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. URL: http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part19.pdf (дата обращения 31.07.2014).

5. *Горяченко Е. Е., Мосиенко Н. Л., Иванова В. В.* Диагностика социально-экономической ситуации в городской агломерации: предпосылки и барьеры // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. URL: http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part6.pdf (дата обращения: 31.07.2014).

6. *Лазарева Л. Ю., Герасимова Е. В.* Система показателей для отбора и включения жилых домов в адресные программы воспроизводства жилищного фонда // Материалы Одиннадцатого всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». Москва, 13—14 апреля 2010 г. М.: ЦЭМИ РАН, 2010. С. 118—120.

7. *Ноздрина Н. Н., Шнейдерман И. М.* Социально-экономические проблемы обеспечения населения жильем // Народонаселение. 2012. № 3. С. 52—61.

8. *Лучшева В. В.* Исследование взаимосвязи доходов и обеспеченности жильем населения малого города // Научное обозрение: экономика и управление. М.: Наука образования, 2011. С. 109—112.

9. *Лучшева В. В.* Исследование платежеспособного спроса и цен на жилье // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 3(68). С. 62—69.

10. *Барбасов А. А.* Жилищные условия как фактор репродуктивного поведения: дис... канд. социол. наук. М., 2008. 159 с.

11. *Барбасов А. А.* Жилищные условия и демографическое поведение россиян // Государственное управление. Электронный вестник. 2008. Вып. 15. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_15._ijun_2008_g./barbasov.pdf (дата обращения 31.07.2014).

12. *Гуревич М. А., Радиловская Т. Ю.* Жилищный вопрос молодых семей в Челябинске // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 85—89.

13. *Молдокеева Ж. Ф.* Влияние жилищных условий на здоровье // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 120—122.

14. *Станек О., Староста П., Столбов В.* Удовлетворенность местом жительства в малых поселениях: экологический фактор // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 97—105.

15. *Корнев Н. Р.* Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 77—85.

16. *Птичникова Г. А.* «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3. С. 47—54.

17. *Шнейдерман И. М., Тореев В. Б., Ноздрина Н. Н.* Проблемы и перспективы развития жилищной сферы Москвы // Социальная политика для современной России: цели и измерения: материалы науч. конф. памяти А. Ю. Шевякова. М.: Экономическое образование, 2012. С. 122—126.

18. Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность. Аналитический доклад // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 3—18.

19. *Иванов В. Н.* Приватизация: итоги и перспективы (по результатам одного исследования) // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 48—60.

20. *Гунина А. А.* Современные российские рантье: особенности социального состава и образа жизни // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 75—78.

21. *Гиляутдинов А. Р., Муллаянов Р. М.* Метаморфозы реформы ЖКХ // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 50—54.

22. *Ермишина А. В., Клименко Л. В.* Институционализация «эффективного собственника» и самоорганизации жителей в многоквартирном доме // Научные труды ДонНТУ. Серия: Экономическая. Вып. 37-3. URL: http://razdatok.narod.ru/users/pages/s224/p224.pdf (дата обращения: 31.07.2014).

23. *Ларин С. Н.* Пути инновационного развития сферы жилищно-коммунального хозяйства региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 6(237). С. 24—35.

24. *Гришанов В. И., Гузанова А. К.* Региональные и социальные различия в доступности для населения жилищно-коммунальных услуг // Качество и уровень жизни населения в современной России: состояние, тенденции и перспективы: сб. материалов Международной науч.-практ. конф. М.: ИСЭПН РАН, 2012. С. 75—89.

25. *Рассказов С. В.* Жилье как источник ипотечных рисков (опыт США) // Социологические исследования. 2012. № 2. С. 54—62.

26. *Rajan R. G.* Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy. Princeton: Princeton University Press, 2010. 272 p.

27. *Weston L. P.* Your Credit Score, Your Money & What's at Stake: How to Improve the 3-digit Number that Shapes Your Financial Future. New Jersey: F-T Press, 2009. 224 p.

28. *Амелькин С. А.* Расчет равновесия на рынке жилья и ипотечного страхования в малом городе // Материалы Двенадцатого Всероссийского симпозиума «Стратегическое планирование и развитие предприятий». М.: ЦЭМИ, 2011. С. 11—13.

29. *Глазычев В.* Урбанистика. Ч. 2. М.: Европа, 2008. 220 с.

30. *Zuckerman M. B.* The American Dream of Home Ownership Has Become a Nightmare // U.S. News & World Report. September 23, 2010.

31. *Бурдье П.* Интерес социолога // Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 147—155.

32. *Могильчак Е. Л.* Диспозиции студентов относительно собственности // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 92—95.

REFERENCES

1. Belyaev M. K., Lysenko A. V. The development of low-rise buildings in Russian cities. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no. 2, pp. 3—8. (In Russ.).

2. Vlasenko L. V. Social-economic aspects of reconstruction and demolitionen of 1950's and 1960's buildings. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 3, pp. 45—51. (In Russ.).

3. Tikhonova N. E., Akatnova A. M., Sedova N. N. Housing Provision and Housing Policy in Modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 1, pp. 71—81. (In Russ.).

4. Guzanova A. K. Housing Conditions and Strategies of Russian Households: Territorial and Social Differences. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. Moscow, ROS Publ., 2012. URL: http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part19.pdfю (In Russ.).

5. Goryachenko E. E., Mosienko N. L., Ivanova V. V. Diagnostics of Social and Economic Situation in Urban Agglomeration: Preconditions and Barriers. *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]**.** Moscow, ROS Publ., 2012. URL: http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part6.pdf. (In Russ.).

6. Lazareva L. Yu., Gerasimova E. V. Metrics for Selection and Inclusion of Residential Houses into Address Programs of Reproduction of Housing Properties. *Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatii* [Strategic Planning and Development of Enterprises]. Moscow, TsEMI RAN Publ., 2010, pp. 118—120. (In Russ.).

7. Nozdrina N. N., Schneiderman I. M. Socio-economic problems of the population housing provision. *Narodonaselenie* [Population], 2012, no. 3, pp. 52—61. (In Russ.).

8. Luchsheva V. V. Research of Interconnection between Income and Housing per capita of the Population in Small Towns. *Nauchnoe obozrenie: ekonomika i upravlenie* [Scientific Review: Economics and Management]. Moscow, Nauka obrazovaniye Publ., 2011, pp. 109—112. (In Russ.).

9. Luchsheva V. V. Study of Solvent Demand and Prices for Accommodation. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Vestnik of Russian Humanitarian Scientific Fund Journal], 2012, no. 3, pp. 62—69. (In Russ.).

10. Barbasov A. A. *Zhilishchnye usloviya kak faktor reproduktivnogo povedeniya* [Housing Conditions as Factor of Reproductive Behavior]. Dis. cand. soc. sci. Moscow, 2008. 159 p. (In Russ.).

11. Barbasov A. A. Housing Conditions and Demographic Behavior of the Russians. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [State Government. Electronic Journal], 2008, iss. 15. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_15._ijun_2008_g./barbasov.pdf. (In Russ.).

12. Gurevich M. A., Radilovckaya T. Yu. Housing issues in Chelabinsk young families. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 8, pp. 85—89. (In Russ.).

13. Moldokeeva Zh. F. Influence of Housing Conditions on Health. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2004, no. 10, pp. 120—122. (In Russ.).

14. Stanek O., Starosta P., Stolbov V. Satisfaction with place of residence in small settlements: ecological factor. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 7, pp. 97—105. (In Russ.).

15. Kornev N. R. Housing stratification in the St.-Petersburg downtown. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no. 6, pp. 77—85. (In Russ.).

16. Ptichnikova G. A. “Unfair city”: urban space as a reflection of public relations. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 3, pp. 47—54. (In Russ.).

17. Shneiderman I. M., Toreev V. B., Nozdrina N. N. Problems and Perspectives of Development of Housing Sphere in Moscow. *Sotsial'naya politika dlya sovremennoi Rossii: tseli i izmereniya* [Social Policy for Modern Russia: Aims and Estimations]. Moscow, Economic Education, 2012. Pp. 122—126. (In Russ.).

18. Property in Russians’ lives: reality and myths. Analitycal report. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2005, no. 11, pp. 3—18. (In Russ.).

19. Ivanov V. N. Privatization: Results and Perspectives (on the basis of the results of one research). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 6, pp. 48—60. (In Russ.).

20. Gunina A. A. Modern Russian Rent-Seeker: Peculiarities of Social Structure and Lifestyle. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 11, pp. 75—78. (In Russ.).

21. Gilyautdinov A. R., Mullayanov R. M. Metamorphosis of Housing Reforms *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 11, pp. 50—54. (In Russ.).

22. Ermishina A. V., Klimenko L. V. Institutionalization of "Effective Owner" and Self-Organization of Residents in Blocks of Flats. *Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: Ekonomicheskaya* [Scientific works of DonNTU. Series: Economic], iss. 37-3. URL: http://razdatok.narod.ru/users/pages/s224/p224.pdf. (In Russ.).

23. Larin S. N. Ways of Innovative Development of Housing and Utility Sector of the Region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2012, no. 6(237), pp. 24—35. (In Russ.).

24. Grishanov V. I., Guzanova A. K. Regional and Social Differences in Availability of Housing and Utility Services for the Population. *Kachestvo i uroven' zhizni naseleniya v sovremennoi Rossii: sostoyanie, tendentsii i perspektivy* [Quality and Level of Life of the Population in Modern Russia: State, Tendencies and Perspectives]. Moscow, ISEPN RAN Publ., 2012. Pp. 75—89. (In Russ.).

25. Rasskazov S. V. Housing as Source of Mortgage Risk (Experience of the USA). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 2, pp. 54—62. (In Russ.).

26. Rajan R. G. *Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy*. Princeton, Princeton University Press, 2010. 272 p.

27. Weston L. P. *Your Credit Score, Your Money & What's at Stake: How to Improve the 3-digit Number that Shapes Your Financial Future.* New Jersey, F-T Press, 2009. 224 p.

28. Amelkin S. A. Calculation of Balance in the Housing Market and Mortgage Insurance in a Small Town. *Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatii* [Strategic Planning and Development of Enterprises]. Moscow, TSEMI Publ., 2011. Pp. 11—13. (In Russ.).

29. Glazychev V. *Urbanistika. Ch. 2* [Urban Planning. Part 2]. P. 2. Moscow, Europa Publ., 2008. 220 p. (In Russ.).

30. Zuckerman M. B. The American Dream of Home Ownership Has Become a Nightmare. *U.S. News & World Report*, september 23, 2010.

31. Burde P. Sociologist's Interest. *Nachala* [Principles]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994, pp. 147—155. (In Russ.).

32. Mogil′chak E. L. Students' dispositions towards property. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 2, pp. 92—95. (In Russ.).

© Старикова М. М., 2014

Поступила в редакцию в сентябре 2014 г.

Ссылка для цитирования: *Старикова М. М.* Практики решения жилищного вопроса в современном городе (на примере г. Кирова) // Социология города. 2014. № 3. С. 48—65.

For citation: Starikova M. M. The practice of solving the housing problem in the modern city (by the example of the town of Kirov). *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 48—65. (In Russ.).

УДК 618.316.334.56

А. С. Бондаренко,
О. А. Чеботарева

ГОРОЖАНЕ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПОТРЕБИТЕЛИ УСЛУГ СЕКСУАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ

Сексуальная медицина сформировалась как особое направление на Западе в начале XX в. Ее предметом являлись и являются нарушения в сексуальной сфере, вызванные разными причинами: соматическими, психологическими, социальными. Но если на Западе она оформилась в отдельное теоретико-практическое направление, то в России представлена в дискретном виде — как составная часть других медицинских специальностей (урология, гинекология, андрология, эндокринология, психиатрия и психотерапия, пластическая хирургия). Как отдельное направление сексуальная медицина существует только в виде частной практики, под разными названиями и только в крупных городах. Это объясняется тем, что именно здесь сосредоточено наибольшее число потребителей ее услуг.

Поскольку все услуги сексуальной медицины являются платными, опасность коммерциализации этой сферы медицинской, а зачастую и парамедицинской деятельности определяется нерегулируемым спросом и отсутствием критериев оценки результатов именно как медико-сексологических. С тех пор как Россия вошла в состав 14 европейских стран, присоединившихся к ежегодной инициативе Европейского общества сексуальной медицины и Европейской ассоциации сексуальных расстройств по проведению акции ESAE в рамках образовательной программы «Сексуальное здоровье общества-2004», уже нельзя отрицать факт существования сексуальной медицины в нашей стране. Но насколько значителен социальный заказ на нее и насколько информированы о ее возможностях горожане? Чтобы ответить на эти вопросы, авторы провели социологическое исследование в модельном регионе — городе Волгограде, который представляет собой типичный пример развития сети услуг сексуальной медицины в нашей стране. Оказалось, что потребность городских жителей в услугах

Определить параметры группы потребителей услуг сексуальной медицины достаточно сложно, поскольку как отдельная отрасль медицины она пока в нашей стране не получила официального признания. Но можно считать такими потребителями пациентов урологических, гинекологических, психотерапевтических кабинетов или считать, что их нет вообще. Поэтому корректно будет поставить вопрос иначе: существуют ли у молодого поколения горожан проблемы, которые им в будущем поможет решить сексуальная медицина? С этой точки зрения мы и подходили к организации исследования.

Уже сегодня в городской молодежной среде сексуальные отношения до брака стали нормой. Значительная часть студентов, например, положительно относится к внебрачным отношениям, случайному сексу или сексуальным отношениям помимо постоянного партнерства, а также к гомосексуальным отношениям [1, с. 85]. При этом многие органические и функциональные заболевания репродуктивной системы (в т. ч. связанные с сексуальным поведением) начинаются в подростковом возрасте и негативно влияют на течение будущих беременностей, родов, здоровье потомства, возможность отцовства, на сексуальные возможности человека в целом. Например, ранняя сексуальная активность способствует росту гинекологической заболеваемости девушек-подростков. По данным НИИ им. Н. А. Семашко, 40…50 % девушек-подростков начинают половую жизнь в среднем в 15,5 лет +2,4 года. Они, безусловно, пополняют группу риска и не только по заболеваниям, передаваемым половым путем, но и по возникновению патологии репродуктивной системы в будущем [2, с. 137]. По данным социологических опросов, 39 % опрошенных девушек 17 лет не отрицали своих интимных отношений с мужчинами [3]. Отметим в целом и увеличение у подростков числа заболеваний, передающихся половым путем [4].

Для России обычным явлением становится также юное материнство: каждый десятый ребенок рождается у матери моложе 20 лет; ежегодно около 1,5 тыс. детей рождаются у 15-летних матерей, 9 тыс. — у 16-летних и 30 тыс. — у 17-летних. Увеличение числа патологических родов связано, конечно, с беременностями девушек-

сексуальной медицины не удовлетворена в основном из-за их собственной неинформированности в данном вопросе. Анализ здоровья и установок на его сохранение у молодежи показал перспективы роста числа пациентов этой отрасли медицины в крупных городах в ближайшие годы.

Ключевые слова:
сексуальная медицина,
сексуальные отношения,
жители крупного города,
потребители услуг сексуальной медицины,
молодежь,
гендерные отличия.

A. S. Bondarenko,
O. A. Chebotareva

CITIZENS AS PROSPECTIVE AND REAL CONSUMERS OF SEXUAL MEDICINE SERVICES

Sexual medicine was formed as a special direction in the West in the early twentieth century. Its subject was and is disturbances in the sexual sphere, caused by different factors: physical, psychological, social. But, in the West it has become a separate theoretical and practical direction, then in Russia it is presented in discrete form – as a part of other medical specialties (urology, gynecology, andrology, endocrinology, psychiatry and psychotherapy, plastic surgery). Sexual medicine exists as a separate direction in the private practice, under different names and in large cities only. This is because here is concentrated the largest number of consumers of its services.

Since all services of sexual medicine are paid, the danger of commercialization of this sector medical and often paramedical, activities determined by unregulated demand and the lack of criteria for evaluation of results as health-sexual. Since Russia joined the 14 European countries that joined the annual initiative of the European society of sexual medicine and the European Association of sexual disorders for the shares ESAE in the framework of the educational program "Sexual Health Society 2004" it is already impossible to deny the existence of sexual medicine in our country. But how big is social order for our country? And how can citizens be informed about its capabilities? To answer these questions, the authors conducted a sociological survey in the model region –

подростков, с их неподготовленностью к сексуальным отношениям и семейной жизни, ростом сверхранних и внебрачных рождений детей, увеличением числа абортов в возрасте до 19 лет, неумением молодых людей использовать контрацептивные средства. Беременность и роды в подростковом возрасте зачастую протекают с осложнениями из-за наличия соматических заболеваний у юных матерей, физиологической несформированности их организма и отсутствия социальной защищенности.

Процесс развития репродуктивной функции у молодых людей в современных социально-экономических условиях осложняется также снижением уровня психосоматического здоровья выпускников общеобразовательных учреждений [3] и снижением эффективности системы диспансеризации подростков в последние годы. Еще одной существенной причиной, на наш взгляд, является несвоевременное формирование у молодежи соответствующих ценностей и установок на здоровый образ жизни [4, 5]. Заметим, что состояние репродуктивной функции человека оказывает значительное влияние и на его социализацию по половому признаку, развитие его как личности, способность создать семью и, следовательно, на современную демографическую ситуацию в крупном городе.

Сегодня во многих странах ставится вопрос, как относиться к проблеме подросткового секса: считать ли половую жизнь подростков нормой или нет. Эту проблему приходится решать всем лицам, занимающимся проблемами полового воспитания и сексуального образования молодежи. Например, сегодня в странах Европы и США 40…50 % подростков начинают половую жизнь в возрасте до 17 лет [6]. Специалисты из американской общественной организации «Адвокаты молодежи» и Университета Северной Каролины изучали во Франции, Германии и Голландии социологические и культурные факторы, влияющие на сексуальное поведение городских подростков. Некоторые данные оказались неожиданными. Б. Хуберман, посвятившая более 30 лет изучению подобных вопросов в США, отметила, что, несмотря на либеральное отношение к сексу в Европе, подростки здесь начинают жить половой жизнью на год или даже на два позже, чем в

Volgograd, which is a typical example of network's development of services for sexual medicine in our country. It turned out that the need of urban residents in the service of sexual medicine is not satisfied, mainly because of their own lack of awareness. Analysis of health and facilities for its preservation among young people showed the prospects for growth in the number of patients in this sphere of medicine in major cities in the coming years.

Key words:
sexual medicine,
sexual relations,
residents of large cities,
consumers of services
of sexual medicine,
youth,
gender differences.

Об авторах:

***Бондаренко** Анна Сергеевна – зам. главного врача по поликлинической работе, Городская больница № 1 г. Сочи. Российская Федерация, 354000, г. Сочи, ул. Конституции, 24, nanised@mail.ru*

***Bondarenko** Anna Sergeevna – Deputy Chief Doctor in ambulatory work, Municipal Hospital #1. Sochi. Russian Federation, 354000, Sochi, 24, Konstitutsii St., nanised@mail.ru*

***Чеботарева** Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолгГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1 chebotarevavolgmed@yandex.ru*

***Chebotareva** Ol'ga Aleksandrovna – Candidate of Social Science, Docent of Philosophy, Bioethics and Law Department with Sociology of Medicine Course, Volgograd State Medical University. Russian Federation, 400131, Volgograd, 1, the Square of Fallen in Battle, chebotarevavolgmed@yandex.ru*

США [7]. В городской среде США подростки становятся сексуально активными в среднем в 16 лет, а в Голландии — почти в 18. Во Франции на 1000 девушек в возрасте от 15 до 19 лет приходится 9 родов, в Германии — 13, в Голландии (сексуально раскрепощенной стране) — всего 7, в то время как в США — 54,7.

Мы проводили опрос учащихся колледжей Волгограда с целью выявить их отношение к созданию семьи и собственному репродуктивному здоровью. Это позволило бы судить, в какой степени им могут понадобиться в будущем услуги сексуальной медицины. Объект исследования составили 360 чел.: из них лица женского пола — 302 чел. (89 %), мужского пола — 58 чел. (11 %). В исследовании приняли участие учащиеся выпускных классов общеобразовательных учреждений, профессионально-технических училищ, студенты колледжей и техникумов Волгограда. Из них 66 % — учащиеся школ и профессионально-технических училищ, 34 % — студенты колледжей, техникумов. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 14…16 лет — 44,4 %; 17…18 лет — 41,1 %; 19…20 лет — 11,7 %; 21…25 лет — 2,8 %. Предмет исследования — степень сформированности мотивации молодых людей на создание семьи и собственное репродуктивное здоровье. Параметры исследования — уровень рефлексии молодых людей в отношении создания семьи как общечеловеческой ценности и значимости репродуктивного здоровья партнеров. В качестве инструментария исследования использована анкета, включающая вопросы по проблемам семьи и репродуктивного здоровья. С помощью анкеты мы предполагали получить ответы на следующие вопросы: отношение городской молодежи к созданию семьи, к собственному здоровью; информированность молодых людей о воспалительных заболеваниях органов половой системы и влиянии их на репродуктивную функцию человека.

На вопрос «считаете ли вы вступление в брак обязательным условием для воспитания детей?» положительно ответили 67,2 % опрошенных, отрицательно — 18 %; 10 % респондентов не думали об этом. Можно заключить, что больше половины учащейся молодежи отдает предпочтение

юридически оформленному браку, а не «гражданскому. Более половины респондентов (56 %) хотели бы иметь двух детей; 30 % — одного ребенка; 3 % считают, что дети вообще не нужны; 6 % хотят иметь троих и более детей. Как представляется, настрой на малодетную семью, способствующий ухудшению демографической ситуации, объясняется, с одной стороны, нестабильным социально-экономическим положением семей в стране, а с другой — несформированной подсистемой образования будущих родителей в системах общего и профессионального образования.

В качестве безусловного приоритета в ряду жизненных ценностей респонденты назвали возможность иметь счастливую семью (56 % случаев), что мало отличается от полученных ранее данных проведенного Академией профессионального образования Всероссийского социологического исследования современных учащихся (системы начального профессионального образования): дружную крепкую семью хотят иметь 53,4 % респондентов [8, с. 27].

Среди жизненных ценностей респонденты назвали: здоровье (52 %), деньги (32 %), детей (30 %), карьеру (22 %), супруга (20 %), любимую профессию (16 %), образование (15 %). Наименее значимыми ценностями оказались: секс (11 %), общественное признание (1,7 %), приобщение к культуре (1 %). Итак, учащиеся и студенты более ориентированы на такие общечеловеческие ценности, как семья, здоровье, образование, финансовое благополучие, т. е. наблюдается связь с индивидуальными потребностями.

По мнению опрошенных, компонентами, составляющими основу брака, являются: любовь (отметили 80 % респондентов), уважение друг к другу (57 %), финансовое состояние (29 %), физическое здоровье партнеров (19 %), их психическое здоровье (16 %), хорошее положение в обществе (7 %), религиозные убеждения (2,5 %). Думается, речь идет о новом, более сформированном и ответственном подходе к созданию семьи. В то же время данные свидетельствуют, что у респондентов не развита потребность в физическом и психическом здоровье партнера, т. е. нет ответственности за репродуктивное здоровье как будущего супруга, так и будущего родителя.

Практически все респонденты (82 %) неадекватно оценивают состояние собственного здоровья, определяя его как удовлетворительное на основании самочувствия, что противоречит медицинским показателям комплексных исследований состояния их здоровья. Меньшая часть опрошенных (12 %) оценивает состояние своего здоровья как неудовлетворительное, ссылаясь на то, что просыпаются с плохим настроением, что у них присутствует раздражительность, а 37 % респондентов вообще не хотят просыпаться по утрам и вставать с постели. С хорошим настроением просыпаются 39 % опрошенных. Эту группу составляют, как правило, учащиеся, которые работают с компьютером, смотрят телевизор, посещают спортивные секции, клубы и т. д.

Среди причин, вызывающих ухудшение здоровья, учащиеся и студенты единодушно назвали «плохую экологию» города, а также хронические болезни, курение, нерациональное питание и большую учебную нагрузку. Все эти факторы типичны для жизни в большом городе.

Анализ ответов на вопросы, касающиеся репродуктивного здоровья и влияния на него воспалительных заболеваний, позволяет сделать вывод, что современные молодые люди знания в этой сфере получают в основном цивилизованным путем: от медицинских работников и учителей (37 %), из специ-

альной литературы (30 %). Каждый четвертый респондент дополнительно получает их от родителей, 9 % — от друзей, каждый восьмой подобных знаний не получал нигде, и практически все респонденты сослались на интернет-материалы, но их влияние в данном исследовании определить было трудно, так как требовался контент-анализ просматриваемых респондентами сайтов, а их они назвать не смогли.

О применении контрацепции респонденты сообщили следующее: 37 % используют презервативы, 14 % используют иногда, 9 % иногда не используют, 5,5 % не используют никогда. При этом следует учесть, что четверть опрошенных не имела интимных отношений. Таким образом, представляется, что, несмотря на доступность презервативов, понимание значимости их в профилактике заболеваний, передающихся половым путем, у большей части учащейся молодежи крупного промышленного города не сформировано, не выработан механизм самосохранительного поведения при вступлении в сексуальные отношения. Медикаментозные контрацептивы используют 17 % респондентов, не используют 62 % (и в данном случае следует учитывать ответы тех опрошенных, которые не живут половой жизнью и поэтому не пользуются контрацептивами). При личной беседе часто выясняется, что медикаментозные контрацептивы молодые люди начинают использовать после прохождения курсов полового воспитания, сексуального образования, акушерства и гинекологии, когда наступает понимание фармакологического действия пероральных контрацептивов на репродуктивную функцию. Полученные данные подтверждают, что в России пока не только не сформировано грамотное отношение к использованию медикаментозных контрацептивов, но и ничего не предпринимается в данном направлении.

Респонденты дифференцируют заболевания, передающиеся половым путем, по видам возбудителей. О вирусных инфекциях, передающихся половым путем, знают 56 % опрошенных; 35 % знают, но не обо всех. Самостоятельно ими называются такие заболевания, как СПИД, гепатит В, герпес, сифилис, гонорея, хламидиоз, уреоплазмоз.

Рождение и воспитание детей многие (46 %) считают ответственным решением в жизни, без этого не может быть создана полноценная семья (38 %). Четверть респондентов (24 %) относят рождение и воспитание детей к основной цели в жизни, а 1,6 % опрошенных считают, что это необязательное условие для семейной жизни, 1 % полагает, что рождение детей не всегда должно быть связано с их воспитанием, что свидетельствует об отсутствии у части респондентов социальной ориентации на семью и детей.

Основные сведения по вопросам сексуальной культуры дети и подростки должны получать, в первую очередь, в семье от родителей. Специализированные центры планирования семьи, которые существуют во всех крупных городах, ведут не столько просветительскую, сколько медико-социальную деятельность в конкретном клиническом случае. Таким образом, в ближайшем будущем мы получим поколение трудоспособного возраста, которое не обладает системными знаниями в сексуальной сфере, но обладает низким уровнем здоровья. Это поколение, испытывающее большие нервно-психические перегрузки. Но это люди, которые хотят вести нормальную половую жизнь, создавать семьи и рожать детей. Очевидно, что услуги сексуальной медицины будут ими востребованы в большей степени, чем нынеш-

ним поколением. Но как раз нынешнее поколение потребителей услуг сексуальной медицины и формирует отношение к ней у своих детей. Поэтому целесообразно выяснить позицию тех, кто может рассматриваться как пациент врача-сексолога. Мы выбрали пациентов с соответствующими нозологиями по медицинским картам амбулаторных больных урологического, гинекологического и психотерапевтического профиля. Данные опроса этих пациентов показали следующее (табл. 1).

***Таблица 1.** Отношение мужчин и женщин к сексуальной терапии*

Вопросы и варианты ответов	Мужчины (%, *n* = 48)	Женщины (%, *n* = 52)
1. С чем ассоциируется у Вас понятие «сексуальная терапия»?		
с сексопатологией	27,09	34,62
с психотерапией	18,76	30,76
с урологией	41,67	15,39
с гинекологией	0	19,23
это самостоятельное направление в медицине	4,17	0
затрудняюсь ответить	8,34	0
2. Женское бесплодие обычно лечат гинекологи, а кто должен лечить мужское бесплодие?		
уролог	43,75	23,08
терапевт	0	11,54
хирург	0	1,92
сексопатолог	12,5	23,08
психотерапевт	10,45	19,23
андролог	6,25	9,61
зависит от причины бесплодия	16,66	11,54
затрудняюсь ответить	10,42	0
3. Должен ли мужчина быть участником процесса лечения бесплодия у его партнерши?		
да, обязательно	66,67	11,54
да, если это необходимо по мнению врача	16,67	19,23
нет, это может отрицательно сказаться на совместной жизни	8,34	40,38
нет, это слишком интимный вопрос	4,17	28,85
затруднюсь ответить	4,17	0
4. Должна ли женщина участвовать в процессе лечения бесплодия у своего партнера?		
да, обязательно	12,5	61,54
да, по необходимости	8,34	30,76
нет, она может разочароваться в партнере	29,16	3,85
нет, это должно оставаться врачебной тайной	41,66	0
затрудняюсь ответить	8,34	3,85

Как видно из таблицы, позиции мужчин и женщин по поводу сексуальной терапии сходятся лишь в одном: и те, и другие плохо информированы о ее сущности и возможностях. Тем не менее женщины более подготовлены как пациенты к сексотерапевтической практике. Несмотря на то что основными потребителями услуг сексуальной медицины вообще являются мужчины, женщины, обладая опытом общения с врачами-гинекологами, свободнее

ориентируются в проблеме и испытывают меньшее напряжение при ее обсуждении. Это было подтверждено в проведенных на том же массиве выборки интервью. Таким образом, в семье именно женщина может более успешно формировать представления детей о сексуальном здоровье, о тех мерах, которые помогут им не нуждаться в будущем в помощи врачей-сексологов. Но все равно нынешний уровень культуры сексуального здоровья и потребления услуг сексуальной терапии очень низок среди взрослых горожан. Косвенно это подтвердили данные, полученные нами при анализе ответов на вопрос об участии партнера в сексуальной терапии по поводу бесплодия. Здесь наблюдаются противоположные установки в зависимости от гендерной принадлежности (табл. 2).

Таблица 2. *Отношение к участию мужчины в лечении бесплодия у его партнерши*

	Да, вседа	Да, иногда	Нет, не желательно	Нет, категорически	Не знаю
Мужчины	66,67	16,67	8,34	4,17	4,17
Женщины	11,54	19,23	40,38	28,85	0

Женщины более конформистски настроены, близки позиции только в той части, где допускается участие по медицинской необходимости. А вот на участие женщин в лечении мужчин взгляды распределились иначе (табл. 3).

Таблица 3. *Отношение к участию женщины в лечении бесплодия у ее партнера*

	Да, всегда	Да, иногда	Нет, нежелательно	Нет, категорически	Не знаю
Мужчины	12,5	8,34	29,16	41,66	8,34
Женщины	61,54	30,76	3,85	0	3,85

Гендерные диспропорции в отношении к таким распространенным процедурам, как лечение бесплодия, и распределение ответов свидетельствует о плохой осведомленности респондентов. И в этом взрослые реальные пациенты практически не отличаются от пациентов потенциальных — своих детей. Получается, что жизнь в большом городе является фактором риска в сфере сексуального здоровья и, следовательно, фактором расширения сети учреждений сексуальной медицины. Но, в то же время, урбанизация не влечет повышения информированности горожан в данной сфере и не способствует повышению культуры потребления услуг сексуальной медицины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П.* Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83—87.

2. *Аксенов В. В., Седова Н. Н.* Социальные перспективы сексуальной медицины в России. М.: Триумф, 2009. 212 с.

3. *Резер Т. М.* Абитуриент 2001: состояние физического и психического здоровья // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 118—122.

4. *Селиванова З. К.* Смысложизненные ориентации подростков // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 87—92.

5. *Резер Т. М.* Профессиональное воспитание будущего специалиста // Врач. 2001. № 9. С. 45.

6. *Сметанин В. Н.* Медико-социальные подходы к организации полового воспитания подростков // Экономика здравоохранения. 2000. № 7. С. 34.

7. *Ковалева М. Д., Мальцева Н. Л., Засядкина Е. В.* Этические проблемы охраны здоровья женщин // Биоэтика. 2012. № 1. С. 56—57.

8. *Смирнов И. П., Ткаченко Е. В.* Современный учащийся НПО: Всероссийское социологическое исследование. М.: Изд. центр АПО, 2002. 46 с.

REFERENCES

1. Denisenko M. B., Dalla Zuanna G. Russian youth sexual behavior, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001. no. 2, pp. 83—87. (In Russ.).

2. Aksenov V. V., Sedova N. N. *Sotsial'nye perspektivy seksual'noi meditsiny v Rossii* [Social Perspectives of Sexual Medicine in Russia]. Moscow, Triumph Publ., 2009. 212 p. (In Russ.).

3. Rezer T. M. School-leaver of 2001: physical and mental health. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 11, pp. 118—122. (In Russ.).

4. Selivanova Z. K. Adolescents' life meaning orientations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2001, no. 2, pp. 87—92. (In Russ.).

5. Rezer T. M. Professional Education of Prospective Specialists. *Vrach* [Doctor], 2001, no. 9, p. 45. (In Russ.).

6. Smetanin V. N. Medical and Social Approaches to the Organization of Sex Education of Teenagers. *Ekonomika zdravookhraneniya* [Health Economics], 2000, no. 7. p. 34. (In Russ.).

7. Kovaleva M. D., Mal′tseva N. L., Zasyadkina E. V. Ethical problems of health protection of women. *Bioetika* [Bioethics], 2012, no. 1, pp. 56—57. (In Russ.).

8. Smirnov I. P., Tkachenko E. V. *Sovremennyi uchashchiisya NPO: Vserossiiskoe sotsiologicheskoe issledovanie* [Modern student of Initial Professional Education: All-Russian Sociological Research]. Moscow, Publishing Center APO, 2002. 46 p. (In Russ.).

© Бондаренко А. С., Чеботарева О. А., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: *Бондаренко А. С., Чеботарева О. А.* Горожане как потенциальные и реальные потребители услуг сексуальной медицины // Социология города. 2014. № 3. С. 66—73.

For citation: Bondarenko A. S., Chebotareva O. A. Citizens as prospective and real consumers of sexual medicine services. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 66—73. (In Russ.).

УДК 325.111

Д. А. Кураков,
Н. Л. Мальцева

ГИПОДИНАМИЯ — РЕЗУЛЬТАТ УРБАНИЗАЦИИ ИЛИ ЛЕНИ? (По материалам медико-социологического исследования)

Гиподинамия является распространенным явлением в современном обществе. Снижение физической активности наблюдается, преимущественно, в городах. Его следствием могут быть самые различные заболевания. Особенно опасно снижение физической активности для сердечно-сосудистой системы и для обмена веществ в организме. Существует устойчивое мнение о детерминации гиподинамии факторами урбанизации. В статье показано, что такие факторы существуют, но они связаны, как правило, с рабочим временем жителей города. В свободное время есть все возможности для повышения физической активности. Однако привыкнув считать гиподинамию неизбежным следствием городской жизни, горожане не стремятся проявлять физическую активность. Авторы статьи провели исследование, которое показало недостаточную информированность населения в вопросах использования различных средств и методов физической активности для борьбы с гиподинамией. Одной из основных причин этого является неудовлетворительная работа агентов социализации, призванных формировать соответствующие установки. Главными агентами здесь выступают медицинские работники, но их влияние на профилактику гиподинамии отмечает лишь 1/6 населения.

Среди современных «болезней цивилизации» одной из самых распространеных является гиподинамия. О ней много пишут и говорят[1], но в большинстве случаев сообщения лишь повторяют одну и ту же информацию, которая кратко отражена в Википедии: «**Гиподинами́я** (пониженная подвижность, от греч. ὑπό — «под» и δύνάμις — «сила») — это нарушение функций организма (опорно-двигательного аппарата, кровообращения, дыхания, пищеварения) при ограничении двигательной активности, снижении силы сокращения мышц. Распространенность гиподинамии возрастает в связи с урбанизацией, автоматизацией и механизацией труда, увеличением роли средств коммуникации»[2]. Нужно сказать, что и автоматизация, и механизация труда, и рост роли средств коммуникации наиболее активно выражены именно в городах, поэтому урбанизация является главной причиной гиподинамии.

Негативное влияние гиподинамии на здоровье хорошо известно. Это и ослабление сердечно-сосудистой системы, и снижение кровоснабжения тканей организма, атеросклероз и, наконец, такая актуальная проблема, как ожирение [1]. Медицинские работники постоянно имеют дело с пациентами, чьи болезни вызваны исключительно малоподвижным образом жизни. Но сами пациенты, понимая это, ссылаются как раз на те факторы урбанизации, которые лежат в основе болезни. Это позволяет им чувствовать себя жертвами, а не виновниками происходящего. Насколько оправдана такая позиция? Действительно ли нельзя противостоять негативному влиянию современных урбанизационных процессов? Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели медико-социологическое исследование в г. Волгограде. Его целью было выяснить степень распространенности и причины низкой физической активности жителей крупного промышленного города.

[1] Гиподинамия. URL: http://www.hudoba.ru/articles.php?articleId=325; Гиподинамия. URL: http://www.okbody.ru/content/15-stat-i/255-gipodinamiya.html; Гиподинамия: симптомы, лечение. URL: http://www.sweli.ru/zdorove/meditsina/kardiologiya/gipodinamiya-simptomy-lechenie.html; Гиподинамия — болезнь 21 века. Орел. 2011. URL: http://57.rospotrebnadzor.ru:81/zd0303.pdf; Гиподинамия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%.

[2] Гиподинамия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%.

Ключевые слова:
гиподинамия,
урбанизация,
физическая активность,
городские жители,
медицинские работники,
агенты социализации.

D. A. Kurakov,
N. L. Mal'tseva

PHYSICAL INACTIVITY IS A RESULT OF URBANIZATION OR LAZINESS? (Materials of medico-sociological study)

Physical inactivity is one of the most widespread phenomena in the modern society. Decreased physical activity is observed mainly in cities. Its consequence can be the most various diseases. Especially dangerous is the reduction of physical activity for cardiovascular and metabolism in the body. There is a strong opinion about determination of inactivity factors of urbanization. The article shows that these factors exist, but they are connected mainly with the working time of residents. And there are all possibilities for increasing physical activity in free time. However, accustomed to consider physical inactivity as inevitable consequence of city life, the citizens do not want it to be. The authors conducted a study that showed a lack of awareness of the population in the use of various means and methods of physical activity in leisure time. One of the main reasons why citizens do not try to overcome their laziness, is unsatisfactory work of agents of socialization, called to form the appropriate settings. The main agents here are health care workers, but their impact on the prevention of inactivity notes only 1/6 of the population.

Key words:
physical inactivity,
urbanization,
physical activity,
urban residents,
health care providers,
agents of socialization.

Исследование проводилось в июне — июле 2014 г. на территории Волгограда в контексте мониторинга целевых показателей государственной программы «Развитие здравоохранения Волгограда на 2014—2016 годы и на период до 2020 года», утвержденной постановлением Правительства Волгограда от 25 ноября 2013 г. № 666-п.

Анкетирование проводилось по фрагменту стандартизированного опросника ВОЗ 2004 г. специалистами кабинетов медицинской профилактики, другими медицинскими работниками лечебно-профилактических учреждений здравоохранения Волгограда. Общий объем выборочной совокупности 2 781 человек. Подлежали опросу лица, постоянно проживающие на территории Волгограда, получатели медицинской помощи, а также допускалось анкетирование медицинских работников. Ввод данных осуществляли специалисты отдела мониторинга факторов риска неинфекционных заболеваний ГКУЗ «ВОЦМП».

Статистическая обработка проводилась с помощью пакетов прикладных программ Microsoft Office Excel. Величина статистической погрешности не превышает допустимую и не может существенно влиять на достоверность проведенного социологического исследования.

Результаты статистической обработки анкет изложены в виде таблиц, дающих возможность количественной и качественной характеристики выборочной совокупности и анализа данных.

Распределение респондентов по возрасту было относительно равномерным: примерно 1/4 составляют возрастные категории «от 46 до 60» и «от 36 до 45», 1/5 — «от 26 до 35». Количество респондентов остальных возрастных групп меньше: 15 % «от 60 и старше» и 13 % — «от 18 до 25 лет» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по возрасту

Возрастная группа, лет	Число респондентов, чел.	Распределение, %
От 18 до 25	358	12,9
От 26 до 35	594	21,4
От 36 до 45	683	24,6
От 46 до 60	743	26,7
От 60 и старше	403	14,5
Всего	2781	100

Об авторах:

Кураков Дмитрий Александрович –
начальник Отдела демографической политики Министерства здравоохранения Волгоградской области. Российская Федерация, 400001, г. Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, 16, dkur@volganet.ru

***Kurakov** Dmitrii Aleksandrovich – Head of the Department on Demographic Policy of the Ministry of Healthcare in Volgograd Oblast. Russian Federation, 400001, Volgograd, 16, Raboche-Krestyanskaya St., dkur@volganet.ru*

Мальцева Наталия Львовна –
доктор философских наук, профессор кафедры философии, биоэтики и права с курсом социологии медицины, Волгоградский государственный медицинский университет (ВолгГМУ). Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, пл. Павших Борцов, 1, smdissovet@lenta.ru

***Mal'seva** Nataliya L'ovna – Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy, Bioethics and Law Department with Sociology in Medicine course, Volgograd State Medical University. Russian Federation, 400131, Volgograd, 1, Square of Fallen Soldiers, smdissovet@lenta.ru*

Среди респондентов женщин было опрошено в два раза больше, чем мужчин. Такое распределение соответствует распределению пациентов на приеме в городских поликлиниках, поэтому мы предпочли руководствоваться именно этим критерием (табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов по полу

Пол	Мужской	Женский	Всего
Число респондентов, чел.	833	1948	2781
Распределение, %	30,0	70,0	100

Таким образом, в данном социологическом исследовании основную массу респондентов составили как раз лица, чьи заболевания так или иначе связаны с гиподинамией, а именно женщины в возрасте от 46 до 60 лет.

Несмотря на то, что все опрошенные являлись актуальными потребителями медицинской помощи, состояние своего здоровья они оценили достаточно высоко. Так, около 50 % респондентов считают свое здоровье удовлетворительным. Очень хорошее и хорошее здоровье у 35,2 % респондентов. Плохое здоровье у каждого десятого опрошенного, 7 % респондентов затруднились ответить (табл. 3).

Таблица 3

Сведения об оценке респондентами состояния своего здоровья

Что бы Вы сказали о своем здоровье?	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Очень хорошее	142	5,1
Хорошее	836	30,1
Удовлетворительное	1334	48,0
Плохое	273	9,8
Затрудняюсь ответить	196	7,0
Всего	2781	100

Достоверные сведения о состоянии здоровья населения могут быть получены лишь при достаточно полном и квалифицированном медицинском обследовании (к примеру, во время диспансеризации). Но как раз при диспансеризации внимание причинам нарушений в состоянии здоровья уделяется мало, т. к. ее цель — описать само это состояние и, в лучшем случае, дать рекомендации

по дальнейшему наблюдению у того или иного специалиста. А в нашем исследовании как раз важно было выяснить, существуют ли причины для снижения физической активности как причины заболеваний у респондентов (табл. 4).

Таблица 4

Сведения об уровне физической активности во время работы

Уровень физической активности во время работы	Число респондентов, чел.	Распределение, %
В основном сижу	862	**31,0**
В основном стою и хожу	891	32,0
Поднимаю и переношу небольшие тяжести	352	12,7
Занимаюсь тяжелой физической работой	192	6,9
Я не работаю	335	**12,0**
Затрудняюсь ответить	149	5,4
Всего	2781	100

Оказалось, что число физически неактивных и имеющих низкий уровень активности во время работы лиц (в основном сидят на работе или не работают) составляет 43 %. Имеющие средний уровень активности (эти люди в основном стоят и ходят на работе, а также переносят небольшие тяжести) — 45 %. Занимаются тяжелой физической работой и имеют высокий уровень активности около 7 % опрошенных. Затруднились с ответом 5 %.

В принципе, такое распределение рабочей физической нагрузки соответствует стандартам крупного промышленного города с его «нефизиологичной» инфраструктурой, где развита торговля, банковская сфера, сфера услуг, а непосредственное производство если и присутствует (не вынесено за пределы мегаполиса), то в высокотехнологичном виде. Все это говорит о том, что существуют реальные факторы урбанизации, вызывающие гиподинамию, против которых человек не в состоянии бороться.

Но, кроме работы, есть еще и личное время, когда эти факторы действовать, казалось бы, перестают. Как используют его те, кто осознает гиподинамию как возможную причину ухудшения здоровья? Ведь достаточно увеличить физические нагрузки в свободное время — и негативный эффект малоподвижной работы снизится! Для этого и надо-то просто больше ходить пешком. Но как раз этого наши респонденты, как оказалось, не делают (табл. 5).

Таблица 5

Сведения о времени ходьбы в свободное от работы время в день, включая ходьбу до места работы

Время, проходимое пешком, включая ходьбу до места работы	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Менее 30 мин	754	**27,1**
От 30 до 60 мин	1122	**40,3**
Более 60 мин	905	32,5
Всего	2781	100

Из таблицы видно, что каждый четвертый исследуемый ходит пешком в день менее 30 мин, каждый третий более часа, основная масса, около 40 %, ходят от 30 до 60 минут. Знакомство с результатами опроса показало, что горожане вообще стремятся избегать физических нагрузок (табл. 6).

Таблица 6

Сведения о частоте физической нагрузки в свободное от работы время

Частота физической нагрузки не менее 20–30 мин такая, чтобы появилась небольшая одышка или выступил пот	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Да, 5 и более дней в неделю	463	16,6
Да, от 1 до 4 дней в неделю	858	30,9
Нет, не занимаюсь физической активностью	1460	**52,5**
Всего	2781	100

Более половины опрошенных признаются, что они не дают себе физической нагрузки. Около 30 % имеют физическую нагрузку от 1 до 4 раз в неделю, и только каждый шестой, около 17 % респондентов, уделяет ей внимание 5 и более дней в неделю.

Категории взрослого населения Волгограда, имеющие низкую физическую активность:

- лица, которые не работают или в основном сидят на работе — 43,0 %;
- лица, которые ходят пешком в день менее 60 мин — 67,4 %;
- лица, которые вообще не занимаются физической активностью в свободное от работы время — 52,5 %.

Таким образом, распространенность низкой физической активности среди взрослого населения Волгограда по результатам анкетирования составляет 54,3 %. Более того, оставшееся от работы и сна время многие волгоградцы проводят… сидя (табл. 7).

Таблица 7

Сведения о времени, проводимом респондентами вне работы сидя (за последнюю неделю в будний день)

Средний показатель	7,5 ч
Затруднились ответить	1599 чел. — 57,5 %

Время, проводимое в сидячем положении, составляет в среднем 7,5 ч, что является очень высоким показателем. Действительно, 8 ч длится рабочий день, 8 ч люди тратят на сон, а все остальное время, за исключением какого-то получаса, они сидят: в машине, в общественном транспорте, за столом, перед телевизором на диване, в зале кинотеатра, хорошо еще, если в парке на скамейке.

Почему так происходит? Возможно, горожане все-таки плохо информированы о том, какой вред приносит сидячий образ жизни? Специально ведь этим мало кто интересуется. Должны быть агенты влияния, которые формировали бы установку на физическую активность. Мы поинтересовались у респондентов этим вопросом (табл. 8).

Таблица 8

Популярность источников информирования населения о физической активности

Источники информирования населения о пользе физических нагрузок	Число респондентов, чел.	Распределение, %
Врач и другие медицинские работники	484	**17,4**
Члены семьи, друзья	520	18,7
Другие	47	1,7
Никто	1471	52,9
Затрудняюсь ответить	301	10,8

Более чем половине (53 %) респондентов никто не советовал увеличить свою физическую активность. Только каждый шестой опрошенный смог вспомнить рекомендации врача и других медицинских работников на эту тему. Более высокую активность в этом вопросе проявили члены семьи и друзья опрошенных. В категории «Другие» исследуемые чаще всего отмечают телевидение, Интернет и работодателя. Затруднились с ответом около 10 % респондентов.

Мы интересовались конкретными рекомендациями по поводу повышения физической активности, но мало кто из респондентов мог вспомнить что-то, кроме «надо заниматься спортом» и «надо больше ходить».

Мы привели здесь самые показательные фрагменты данных, полученных в результате исследования. Но уже по ним можно судить о степени распространенности среди взрослого населения Волгограда низкой физической активности. В целом же исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Распространенность низкой физической активности (включая физически неактивных лиц) среди взрослого населения Волгограда по результатам анкетирования составляет **54,3 %**, при этом:

43,0 % совсем не работают или в основном на работе сидят;

67,4 % ходят пешком менее 30 мин, а также от 30 до 60 мин в день;

52,5 % не имеют физической активности в свободное от работы время.

2. Проведенное исследование позволило определить целевой показатель реализации «Программы развития здравоохранения Волгограда до 2020 года»: Подпрограмма I «Профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. Формирование эффективной системы организации медицинской помощи».

№ п/п	Целевой показатель	Ед. измер.	Значения целевых показателей на 2014 г.	
			Ожидаемое	Фактическое
23.	Распространенность низкой физической активности среди взрослого населения	%	39,5	**54,3**

Фактическая распространенность низкой физической активности среди взрослого населения Волгограда почти на 15 % превышает ожидаемую.

3. Абсолютное большинство опрошенных, почти 80 %, считают свое здоровье удовлетворительным, хорошим или очень хорошим, несмотря на низкую физическую активность, но, в то же время, все они на момент исследования являлись актуальными потребителями медицинских услуг. Это значит, что полученная самооценка здоровья не соответствует его реальному состоянию.

4. Среднее время, проводимое исследуемыми вне работы сидя, составляет 7,5 ч, это высокий показатель, который подтверждает необходимость увеличения физической активности.

5. Деятельность работников учреждений здравоохранения по пропаганде двигательной активности следует признать малоэффективной из-за низкой популярности данного источника знаний.

6. С целью анализа исполнения мероприятий «Программы развития здравоохранения Волгограда до 2020 года» представляет интерес сравнение уровней распространенности низкой физической активности среди взрослого населения и выявление динамики за прошедший год.

Динамика показателей медико-социальных исследований распространенности низкой физической активности среди взрослого населения Волгограда за 2013 и 2014 годы:

№ пп	Сравниваемые показатели	Исследования, годы	
		2013	2014
23.	Распространенность низкой физической активности среди взрослого населения	49,1	54,3

За прошедший год наблюдался рост распространенности низкой физической активности среди взрослого населения Волгограда на 5,2 %.

6. Социологическое исследование показало, что какими значительными ни были бы факторы урбанизации, провоцирующие гиподинамию, их значение можно объективно оценить только тогда, когда личное стремление к физически активному образу жизни станет нормой для городских жителей [2]. А пока с равной вероятностью можно сказать, что причиной гиподинамии в крупном промышленном городе может быть как феномен урбанизации, так и обычная человеческая слабость. Научного термина для нее пока не придумали, но она хорошо известна под названием «лень».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 *Губанова Е. И., Севастьянова Н. В., Коцеруба Т. А.* Социальный портрет горожанки, страдающей первичным ожирением // Социология города. 2013. № 2. С. 51—57.

2 *Фидиркин А. В.* О какой медицине, каких отношениях «врач — пациент» мечтаем? // Биоэтика. 2009. № 2. С. 55—58.

REFERENCES

1. Gubanova E. I., Sevast′yanova N. V., Kotseruba T. A. Social portrait of a townswoman, suffering from primary obesity. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2013, no 2, pp. 51—57.

2. Fidirkin A. V. Of what medicine, what attitudes “doctor — patient” is it dreamed? *Bioetika* [Bioethics], 2009, no. 2, pp. 55—58.

© Кураков Д. А., Мальцева Н. Л., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: *Кураков Д. А., Мальцева Н. Л.* Гиподинамия — результат урбанизации или лени? (По материалам медико-социологического исследования) // Социология города. 2014. № 3. С. 74—81.

For citation: Kurakov D. A., Mal′tseva N. L. Physical inactivity is a result of urbanization or laziness? (Materials of medico-sociological study). *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 74—81. (In Russ.).

УДК 328.185:316.334.56

М. Н. Назаров,
А. В. Одинцов,
Е. В. Карчагин

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И КОРРУПЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ГОРОЖАН

Приводятся результаты анализа взаимосвязи между категориями «социальный порядок», «коррупция» и «справедливость». Авторы опираются на функционально-феноменологическое направление в изучении коррупции, которое базируется на том, что коррупция как всякое социальное явление является носителем специфических функций. Справедливость при этом является характеристикой, свидетельствующей о наличии некоего легитимного в общественном мнении социального порядка. Если некое явление считается справедливым, то оно признается соответствующим принятому и одобряемому порядку. Восприятие коррупции в общественном мнении зависит от множества факторов, не имеющих непосредственного отношения к опыту переживания коррупции: большинство респондентов не имеют опыта коррупционных сделок, не имеют реальных сведений о тех сообществах, которые сами полагают коррумпированными. Основываясь исключительно на количественных исследованиях, невозможно корректно установить причины существования коррупции и ее социальные функции. Проведенное в 2013 г. в Волгограде качественное социологическое исследование показало, что анализ коррупции с позиции справедливости является продуктивным с методологической точки зрения. В частности, восприятие социального порядка и его референтов существенным образом отличается у различных социально-профессиональных групп. Коррупционная сделка, по мнению большинства опрошенных, оправданна в том случае, если она повышает уверенность в благоприят-

От классических исследований социума научное сообщество и политическая элита ожидают реализации функции, которая была заложена в социологическую науку при ее основании, — диагностики. При этом предполагается, что социологическое исследование должно содержать в себе описание желательного состояния объекта исследования, анализ текущего состояния объекта исследования, а также предлагать механизмы, действие которых позволит привести объект исследования к желательному состоянию. Регулярно публикуемые СМИ результаты социологических изысканий по тем или иным проблемам действительно свидетельствуют о широко распространенной и развитой практике применения социологии как средства сбора информации о текущем состоянии общества. Но то, каким российское общество должно быть на самом деле, старательно умалчивается, что, однако, вполне резонно для страны, пережившей распад «большой идеологии» СССР. С другой стороны, также упускается из виду то, что исследующая общество наука обладает собственными механизмами разграничения нормального и патологичного. К сожалению, большая часть исследователей пренебрегает научными условиями определения социальной нормы, допуская в анализ широко распространенные в обществе или отдельных социально-профессиональных группах стереотипы[1].

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, непосредственно связано с изучением такого феномена, как коррупция. Его целью является апробация применимости взаимосвязи между категориями «социальный порядок» и «справедливость» в исследовании социальных феноменов.

Коррупция была выбрана предметом исследования в силу того, что при ее анализе нередко используется исключительно правовой подход, предполагающий, что коррупция — это лишь некий вид, пускай и особый, преступного деяния. Собственно, большинство исследователей

[1] Позитивно то, что в настоящий момент практики от социологии начинают активно противостоять вольной трансляции стереотипных суждений о российском обществе [Россия удивляет: статистика и социология против мифов и вымысла. URL: http://russia-review.ru/ (дата обращения: 22.06.2014)].

ном исходе дела. Безусловно оправданными для респондентов являются сделки, которые касаются здоровья близких (в особенности детей). «Взятка» и «благодарность» различаются по основанию инициатора. Если на необходимость дополнительного вознаграждения намекает врач, то это идентифицируется респондентами как «взятка». В случае, если клиент учреждения здравоохранения сам является инициатором сделки, то она понимается как «благодарность». Респонденты склонны негативно относиться к ситуации, в которой коррупционер пытается оправдаться ссылкой на личные обстоятельства. Связь законности и справедливости у респондентов является устойчивой.

Ключевые слова: справедливость, социальный порядок, коррупция, общественное мнение, горожане.

M. N. Nazarov,
A. V. Odintsov,
E. V. Karchagin

SOCIAL ORDER, JUSTICE AND CORRUPTION IN PUBLIC OPINION OF THE CITY-DWELLERS

The article presents the results of analysis of the relationship between "social order", "corruption" and "justice". The authors rely on a phenomenological functional approach in the study of corruption, which is because corruption is a social phenomenon with specific functions. In this case, justice is a characteristic, indicating in a public opinion legitimacy of the current social order. If a certain phenomenon is considered fair and just, then it is considered an appropriate to adopted and approved order. Perception of corruption in public opinion depends on many factors, which not directly relate to real experience of corruption – the majority of respondents have no experience of corrupt transactions, have no real information about those communities, that are believed to be corrupt. Based solely on quantitative studies, it is impossible to establish correctly the reasons of the existence of corruption and its social functions. A qualitative sociological study conducted in 2013 in Volgograd showed that analysis of corruption through the notion of justice is methodologically productive.

коррупции реализуют свои научные проекты именно в условиях данного подхода [1; 2, с. 26—27]. В рамках данного подхода упор делается на то, что сама этимология слова «коррупция» связана с представлениями о разрушении системы, ее «растлении» и «порче». Сама коррупция при этом понимается как макроявление, как «симптом, что что-то пошло не так в государственном управлении» [3, p. 9], либо как нечто, что противостоит. То есть коррупция в правовом подходе априорно считается негативным явлением, тем, что разрушает порядок. По этой же причине ряд исследователей пытаются избегать употребления термина «коррупция», заменяя его другими, например, в данный момент многие ведущие исследователи данного феномена склонны использовать такие аналоги, как «блат», «мздоимство», «лихоимство», «взяточничество», «административная рента», «кормления». Другие склонны различать коррупцию как противоправное, нелегитимное действие и некоторые более легитимные формы неинституционального взаимодействия сродни тому же «взяточничеству», «теневому рынку» и так далее. На самом деле предметом своих исследований они ставят именно коррупцию как социальный феномен. При этом совершенно упускается тот факт, что коррупция является социальной практикой и регулярно воспроизводимым явлением в обществе. Конечно, утверждать, что коррупция является позитивным явлением, столь же непродуктивно, как и безосновательно. Необходимо научно поставить вопрос, который старательно обходит большинство современных нам исследований коррупции: насколько и как в действительности этот феномен связан с социальным «порядком», с социальной нормой?

Таким образом, коррупция может восприниматься как социальная болезнь, как сбой механизмов государственного управления и поддержания социального порядка лишь в тех случаях, если мы четко может определить тип общества. Если общество является модернистским, либеральным, ориентированным на европейские ценности, то традиционное понимание коррупции оправдано, если же оно оказывается «квазисовременным» [4, 5] или «сословным» [6], то говорить о том, что кумовство, блат, коррупция в нем являются социальным злом, некорректно.

The perception of the social order and its referents varies significantly in different socio-professional groups. Corrupt bargain, according to most respondents, is justified in the case, if it increases the confidence in a favorable outcome. Certainly justified for the respondents are transactions that relate to the health of relatives (particularly children). "Bribe" and "gratitude" differ on the base of initiator. If doctor suggests the need for additional remuneration, respondents identify it as a "bribe". If the client himself is the initiator of the transaction, it is understood as "gratitude." Respondents tended to have a negative attitude to the situation in which a corruptor attempts to justify with reference to personal circumstances. The relationship of legality and justice is stable.

Key words:
justice,
social order,
corruption,
public opinion,
city-dwellers.

Об авторах:

Назаров *Максим Николаевич – кандидат физико-математических наук, доцент, проректор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1, nazarovmn@rane.ru*

Nazarov *Maksim Nikolaevich – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Provost, Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration (RANEPA). Russian Federation, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82, build 1, nazarovmn@rane.ru*

Одинцов *Александр Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1, yugrasil@yandex.ru*

Для преодоления упущений нормативно-правового подхода к оценке коррупции формируется другой подход к изучению данного социального явления, который мы предлагаем именовать функционально-феноменологическим. Феноменологическое направление описывает коррупцию как отдельную социальную практику, что роднит его с дюркгеймовским идеалом социологизма — изучением общества как группы социальных фактов. Функциональное (или структурно-функциональное) направление стремится исследовать любое социальное явление через его положение в обществе (принадлежность к тому или иному социальному институту, подсистеме или системе), а также определить его функции в рамках функционирования общества как целостности. Тем самым функционально-феноменологическое направление в изучении коррупции базируется на том, что коррупция как всякое социальное явление является носителем специфических функций.

Показательным в рамках данного подхода является то, что два основных представителя отечественной социологии В. Федоров (ВЦИОМ) и А. Ослон (ФОМ), придерживаются мнения, что роль коррупции в современной российской действительности и тем более в 90-е годы не может быть однозначно оценена как деструктивная. Так, А. Ослон пишет: «Россия впервые в своей истории столкнулась с этой проблемой, и наш язык даже не приспособлен к ее адекватному описанию: в будничной речи мы чаще всего обозначаем сложный социально-культурный комплекс, о котором идет речь, просто коррупцией» [7, с. 15]. Именно по этой причине в рамках функционально-феноменологического подхода коррупция либо отграничивается от ряда социальных явлений (таких как блат, кумовство, протекционизм, мздоимство и т. д.), либо тесно смыкается с иными категориями анализа общества, отношение к которым не столь однозначно негативное.

Ключевыми вопросами при оценке большинства социально значимых явлений в современной России с объективно присущими им социальными функциями должны быть:

1. С какими критериями необходимо подходить к оценке российского общества (как к постсовременному/современному/квазисовременному

Odintsov *Aleksandr Vladimirovich – Candidate of Social Science, Docent of Philosophy and Sociology Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public administration (RANEPA). Russian Federation, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82, build 1, yugrasil@yandex.ru*

Карчагин *Евгений Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолгГАСУ). Российская Федерация, 400074, г. Волгоград, ул. Академическая, 1, evgenkar@yandex.ru*

Karchagin *Evgenii Vladimirovich – Candidate of Philosophy, Docent of Philosophy, Sociology and Psychology Department, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering (VSUACE). Russian Federation, 400074, Volgograd, 1, Academicheskaya St., evgenkar@yandex.ru*

или иному типу общества)?

2. Каким является социальный порядок, транслируемый в современной российской действительности?

3. Что позволяет общественному мнению (а следовательно, представителям отдельных социально-профессиональных групп) классифицировать то или иное явление соответствующим или несоответствующим социальному порядку?

И в отношении непосредственно коррупции:

4. Каково место коррупции в социальном порядке, является она антагонистом, неотъемлемой частью или побочным продуктом воспроизводимого социального порядка?

Для достижения наилучшего результата при работе с категориями общественного мнения мы считаем целесообразным применить подход Л. Болтански и Л. Тевено, представляющий пример успешной попытки избежать недостатков построения сугубо теоретических конструкций и позволяющий интерпретировать эмпирические данные.

Согласно теории Л. Болтански и Л. Тевено [8], в рамках обыденных социальных практик индивиды периодически сталкиваются с ситуацией «оправдания», в которой они участвуют в особой дискурсивной процедуре подтверждения соответствия особому социальному порядку. При этом необходимость такой процедуры выражается как ощущение несправедливости происходящего. На основании методик такого «оправдания», их специфических черт Л. Болтански и Л. Тевено приходят к мнению о существовании в рамках социальной структуры различных пластов социального порядка, для которых свойственна собственная аргументация, собственное представление о порядке как таковом.

В рамках исследования коррупции ключевым пунктом их методологии является то, что изучение несправедливости, а также тех способов, которые являются, по мнению людей, легитимными для восстановления справедливости, позволит понять роль и место коррупции в социальном порядке и получить базовые представления о самом этом порядке.

Под *социальным порядком* в рамках данного исследования понимается *совокупность воспроизводимых норм, социальных практик, определяющих отношение между индивидами, социальными группами в процессе функционирования общества в целом и его отдельных подсистем.*

В контексте проведенного исследования справедливость является характеристикой, свидетельствующей о наличии некоего легитимного в общественном мнении социального порядка. То есть если некое явление считается справедливым, то оно признается соответствующим принятому (одобряемому) порядку. Если оно полагается несправедливым, то оно, напротив, является противоречащим этому порядку. Таким образом, в контексте данного исследования *справедливость представляется своеобразным индикатором того, является ли феномен коррупции элементом порядка или нет*.

Надо сказать, что в социологии справедливость чаще всего выступает как имплицитный, а не эксплицитный объект изучения: «…большая часть социологической дискуссии о справедливости встроена в теории неравенства. <…> Доминантная проблематика справедливости в социологии — взаимодействие неравенства и чувства, которое поддерживает или подрывает его» [9, p. 118]. Социологи тем самым интересуются не столько объективной стратификацией, сколько убеждениями и чувствами, которые обосновывают или критикуют наличные неравенства.

Различия в восприятии справедливости кроются в его зависимости от контекста применения. Можно разделить сферу применения справедливости на «деловую», «межличностную» и «социальную» [10, с. 46—47]. Таким образом, при анализе социальной действительности с использованием категории справедливости необходимо принимать во внимание контекст, в котором она существует в современной нам ситуации.

В 2012 г. Институтом социологии Российской академии наук при поддержке фонда Ф. Эберта было проведено социологическое исследование «О чем мечтают россияне…», в рамках которого изучались в том числе и представления российского общества о справедливости. В ходе анализа исследователи вполне обоснованно пришли к убеждению, что справедливость является одним из ключевых представлений (установок) в рамках функционирования социокультурной модели России. Статус ее как социальной ценности продолжает оставаться крайне высоким даже в пореформенной России. «При выборе лозунгов, которые в наибольшей степени выражали бы личную мечту россиян об этом будущем, основную поддержку получили: социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах. Именно эти составляющие модели общества были поддержаны практически половиной населения» [11, с. 31].

Отчасти базируясь на факте существования этих установок в российском обществе, некторые исследователи полагают невозможным анализировать российское общество как капиталистическое, современное, индивидуалистическое. Напротив, предполагается, что, так как большинство россиян придерживаются коллективистских (то есть традиционных, а не индивидуалистических) ценностей, то и общество следует понимать как премодернистское или квазимодернистское. Однако это не совсем так. Можно говорить лишь о некотором смешении двух моделей социального порядка: коллективистской (социалистической, традиционной, общинной) и индивидуалист-

ской (капиталистической, индустриальной, классовой), то есть о своеобразном смешении двух моделей общества. Из этого следует и специфическая стратификация в современной России, и особая, присущая ей самоидентификация отдельных социальных групп.

Такое смешение в рамках российского общества было отмечено С. Кордонским: «Вместо политики есть разного рода административные рынки, на которых распределяются ресурсы, а функции права в каком-то смысле выполняет воля суверена, “порядок управления” ресурсами, сословная мораль и разнообразные “кодексы чести”» [6, с. 34]. Нет фактического деления на богатых и бедных, есть более или менее обеспеченные ресурсами сословия.

Схожей позиции придерживаются О. И. Шкаратан и Г. А. Ястребов, которые считают, что «…в современной России сложился своеобразный тип социальной стратификации, который представляет собой переплетение попрежнему доминирующей сословной иерархии, определяемой рангами во властной структуре, и элементов классовой дифференциации, задаваемой владением собственностью и различиями по месту на рынке труда» [12, с. 8].

По этой причине в рамках исследования необходимо учитывать сложности самоидентификации россиян в рамках такого комплексного социального порядка. Необходимо принимать во внимание и то, что с точки зрения классовой принадлежности проблемы идентификации в современной России очевидны.

В ходе независимых и неоднократных исследований, направленных на изучение коррупции, было установлено, что отношение к коррупции как феномену общественного мнения имеет ряд специфических черт для социологического анализа.

Во-первых, специфичность социального феномена «коррупция» как негативного общественного явления состоит в том, что гораздо чаще общественное внимание социума концентрируется именно на нем, а не на социально одобряемом поведении чиновника — должном исполнении им своих обязанностей. Категории бюрократии, чиновничества часто автоматически ассоциируются в массовом сознании с коррупцией.

Во-вторых, далеко не все проявления коррупции, в особенности бытовой, квалифицируются населением в качестве таковой. Обязательные «благодарности» врачам и «подарки» школьным педагогам оцениваются как нормальный опыт социального обмена в рамках неформальных социальных связей (дружбы, взаимопомощи). В ходе качественных социологических исследований, проводимых в 2011—2013 годах, было отмечено, что при рассмотрении коррупционного факта как внешнего для близкого социального окружения либо как факта вымогательства у его члена респондент склонен оценивать его отрицательно. Если же коррупционер сам является членом социального окружения респондента (членом его семьи, другом, представителем той же социально-профессиональной группы и т. п.), то его поведение чаще оценивается положительно — как следствие некоего «социального зла» или попытка преодолеть социальный «беспорядок». По этой причине и работники медицины как носители специфической информации о здоровье, и работники образования, в особенности школьного и дошкольного, которые в силу работы с детьми становятся специфически доверенными лицами, получают особый статус, во многом легитимирующий их коррупционное поведение в глазах респондентов.

В-третьих, социальные ожидания граждан России в отношении институтов государственной власти традиционно значительно ниже, чем в отношении отдельного человека. Достаточно высока склонность респондентов оправдывать поведение отдельного коррупционера некими личными обстоятельствами и обвинять в коррумпированности органы власти и местного самоуправления. Широко распространено мнение о культурной, общественной традиции мздоимства в России, о его системном характере, что является основанием для оправдания коррупционного поведения. Благодаря уверенности в институциональности коррупции как явления, всякое действие государственных и муниципальных органов, направленное на борьбу с ее проявлениями, рассматривается большинством населения весьма скептически.

В-четвертых, специфика формирования социальных идентичностей, которая во многом зиждется на разграничении группы («Мы») и внешнего ее окружения («не-Мы»)[2]. Данное обстоятельство подталкивает рядовых граждан четко разделять основное население России и бюрократию. Таким образом, если мотивы к даче взятки «обычного» гражданина еще могут оцениваться большинством как приемлемые, то мотивация чиновника почти всегда оценивается как преступная. Особенно это заметно в исследовании бюрократии, проведенном Институтом социологии РАН [13, с. 32—33].

В данном исследовании утверждается, что значительная часть (76,2 %) опрошенных придерживается мнения, что «российские чиновники — это особое сословие, объединенное общими интересами и особым образом жизни». Противоположного мнения («российские чиновники находятся в том же положении, что и все, кто находится на службе у государства — военные, врачи, учителя и т. п.») придерживается более половины от числа опрошенных чиновников — 58,8 %. Анализируя полученные Институтом социологии РАН результаты исследования по данному вопросу, необходимо принять во внимание ограниченность социологической методики при его снятии. Очевидно, что респондент был вынужден выбирать из весьма узкого круга вариантов ответа. С другой стороны, результат опроса весьма четко показывает механизм поддержания идентичности респондентов при попытке дать объяснение деятельности бюрократии. В рамках формирования идентичностей закономерным и базовым этапом ее построения является различение «не-Мы», то есть попытка жестко отделить себя от иной социальной общности, которая начинает характеризоваться как чуждая. Само предположение о том, что чиновничество может являться частью общества («в том же положении, что и все»), противоречит установкам значительной части населения.

Крайне вероятным является то, что респонденты будут склонны отрицать любые внутренние мотивы государственного служащего (или представителя специфических социальных сфер и подсистем, таких как высшее образование, здравоохранение, правоохранительные органы, преступный мир). То есть мнения о возможных и социально легитимных «оправданиях» коррупционной деятельности будут крайне ограниченны, а по большей части отрицаться («это не оправдание», «он знал, куда идет»).

[2]Подробно данный феномен описывается в концепциях, рассматривающих формирование и функционирование диаспор и иных локальных сообществ.

При анализе коррупции также следует учитывать, что общественное мнение нередко условно делят на два большие сегмента: это устойчивые представления и общественное внимание — более склонное к изменчивости под влиянием СМИ, тех или иных актуальных на данный момент событий. Внимание общества к коррупции часто зависит от антикоррупционных кампаний в органах власти, а также от их освещения в СМИ, что может ошибочно регистрироваться как отношение населения к коррупции в целом и некорректно интерпретироваться как общественные установки в ходе массовых опросов.

В 2010—2013 годах на территории Волгоградской области по заказу исполнительной власти региона проводились комплексные социологические исследования на тему «Оценка восприятия населением проявлений коррупции в органах власти и органах местного самоуправления на территории Волгоградской области».

В результате анализа результатов указанных исследований был определен ряд особенностей изучения коррупции количественными опросами.

1. Так как коррупция для большинства респондентов не является нормой обыденных социальных практик и встречается им достаточно редко, то отношение к ней определяется существенным воздействием информационных поводов и СМИ. Показательными являются данные опросов, проводимых в рамках избирательных кампаний. Согласно данным опроса общественного мнения в г. Волгограде, который был проведен перед выборами депутатов городского собрания в 2013 г., коррупция среди проблем, волнующих горожан, стояла на первом месте. Однако в рамках крупных опросов, которые проводились вне рамок избирательных кампаний, внимание к коррупции не так высоко.

2. Коррупция как темы, важная для общественного мнения, является более значимой в крупных городах. Ее значимость для малых населенных пунктов мала. Но благодаря превалированию неформальных коммуникаций в малых населенных пунктах при появлении информационного повода (факта коррупции) негативные оценки коррупции в общественном мнении усиливаются существеннее, чем в крупных городах.

3. Половозрастные характеристики респондентов не оказывают существенного влияния на восприятие коррупции в рамках применения массового стандартизованного интервьюирования.

4. Оценки состояния коррупции респондентами строятся, как правило, не на собственном опыте, а на трансляции социальных стереотипов, моделей восприятия, распространенных в обществе на данный момент. Если респондент встречался с проявлением коррупции, непосредственно давал взятку, его оценки распространенности коррупции, как правило, являются менее радикальными.

5. Чем более далеким для непосредственного обыденного опыта является уровень власти, тем менее коррумпированным он считается. Так, федеральное правительство менее коррумпировано, чем правительство субъекта Федерации, а оно, в свою очередь, менее коррумпировано, чем органы местного самоуправления.

6. Наиболее коррумпированной в общественном мнении считается деятельность правоохранительных органов и органов представительной власти.

Однако чем более закрытой является социальная группа силового сообщества, чем реже его представители встречаются с респондентам, тем в общественном мнении они менее коррумпированы. Так, наиболее коррумпированы сотрудники служб дорожной безопасности, достаточно коррумпированы сотрудники полиции и наименее коррумпированы сотрудники спецслужб (ФСБ, ФСО и прочие органы национальной безопасности).

7. Отдельные виды взяточничества не идентифицируются респондентами как факты коррупции, то есть их можно считать элементами обыденности в отдельных сферах. Значительная часть респондентов, которые отмечали, что им приходилось сталкиваться с «дополнительными платежами» в сфере здравоохранения, не отметили, что они не попадали в коррупционную ситуацию.

8. Коррупция является институализированным явлением при предоставлении ряда отдельных услуг государственными и муниципальными органами и учреждениями. Знанием о ней, по мнению значительной части респондентов, потребитель коррупционных услуг располагает еще до начала переговоров с коррупционером. При этом эффективность коррупционных услуг остается достаточно высокой, а значит в значительной мере востребованной для решения проблем населением.

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что восприятие коррупции в общественном мнении зависит от множества факторов, не имеющих непосредственного отношения к опыту переживания коррупции, — большинство респондентов не имеют опыта коррупционных сделок, не имеют реальных сведений о тех сообществах, которые сами полагают коррумпированными. Основываясь исключительно на количественных массовых исследованиях, невозможно корректно установить объективные причины существования коррупции и ее социальные функции.

Важно понимать, что большие количественные исследования оставляют за рамками причины, которые побуждают индивидов к использованию коррупции. Кроме того, ряд международных исследователей справедливо полагает, что эти исследования рассматривают коррупцию лишь на макроуровне, в то время как лишь ограниченное количество исследований выявляет детерминанты коррупции на индивидуальном уровне [14]. По этой причине и для повышения объективности исследований в 2013 г. нами была проведена апробация новой качественной методологии исследования коррупции через применение категорий «социальный порядок» и «справедливость».

Эмпирические данные исследования собирались в Волгоградской области в период август — октябрь 2013 г. Исследуемая совокупность — население Волгоградской области в возрасте от 18 лет и старше.

Предмет исследования — основные закономерности восприятия коррупции как социального явления и ее соотношение с такими категориями, как «социальный порядок» и «справедливость» в обыденном восприятии.

Метод исследования — качественное социологическое исследование в виде глубинного интервьюирования по полуформализованному инструментарию (гайду).

Общий объем исследуемой совокупности составил 50 человек. При этом первые 3 интервью проводились с целью апробации инструментария. Таким образом, объем исследуемой совокупности с использованием рабочего инструментария составил 47 человек.

В силу того, что исследование было направлено на определение основных закономерностей и проверку базовых гипотез исследования, исследуемая совокупность формировалась для того, чтобы получить наиболее показательные результаты. Квотирование осуществлялось по двум базовым критериям: половозрастным характеристикам и сфере профессиональной деятельности респондентов.

Для исследования были выбраны три возрастные группы. Базовой и самой большой группой являлись респонденты в возрасте 30—45 лет как представители наиболее социально-экономически активного населения, которое вместе с тем является и носителем доминирующих на данный момент в обществе ценностей. Вторая по объему группа респондентов — 18—24 года — выбрана по причине того, что она является следующим (в социологическом смысле) поколением, которое должно в перспективе 10—15 лет сменить доминирующее на данный момент. Третья группа респондентов — от 60 лет и старше. Эта группа выбрана по той причине, что в данный момент именно ее ценности являются социально одобряемыми, их придерживаются прочие социальные группы в рамках социально одобряемого поведения. Кроме того, данная группа является активным ретранслятором своих ценностей.

Квотирование по сферам профессиональной деятельности осуществлялось в основном для проверки гипотезы о наличии существенных различий в восприятии социальной справедливости различными социально-профессиональными группами. Основными группами, в рамках которых осуществлялось квотирование, являлись:

Образовательная сфера. Опрашиваемые принадлежали к системе предоставления услуг среднего общего, среднего профессионального и высшего образования населению, а также к числу студентов педагогических вузов. Данная группа, с одной стороны, обладает достаточно сильной внутрикорпоративной культурой и демонстрирует высокую солидарность, однако является в достаточной степени чрезмерно проницаемой для инкорпорации новых членов[3]. В терминологии А. Леденевой [15] данное сообщество еще можно называть «блатным», но в рамках постсословного деления С. Кордонского оно является уже «не-титульным» сословием. При этом учитывалось, что по данным массовых количественных исследований распространенности коррупции данная сфера находится в «лидерах».

Сфера здравоохранения. Респонденты данной группы были представлены как непосредственно врачами, так и работниками медицинского обслуживающего персонала, работниками аптек[4] и административным персоналом (главврачами, завотделениями), а также перспективными членами группы (студентами медицинских вузов). Данная группа является традиционно замкнутой, чему способствует длительная подготовка к инкорпорации (длительное медицинское образование) либо дополнительные и негласные требования

[3] Косвенным свидетельством данного факта является то, что педагогическое профессиональное сообщество силами административных органов (Минобрнауки, ВАК) постоянно пытается сделать правила входа в сообщество более сложными, а исключения из сообщества — более частыми.

[4] Главным образом по той причине, что, находясь на разных уровнях внутригрупповой стратификации, данные группы участвуют в одних социальных практиках.

наличия родственных связей с сообществом у соискателей. Кроме того, группа обладает собственным и крайне развитым профессиональным жаргоном (медицинской терминологией). Хотя в рамках концепции постсословного общества эту группу также следует отнести к «не-титульной», ее социальные привилегии и статус во многом восстановлены благодаря тем практикам, которые наиболее точно можно охарактеризовать как взяточничество (в рамках подхода, заложенного Я. Кузьминовым [16]). Данная сфера примечательна не только тем, что является, по мнению большинства россиян, достаточно коррумпированной, но и своей выраженной корпоративной спецификой отношения к коррупции.

Правоохранительная система. Респонденты данной группы являются работниками правоохранительных и силовых структур, пенсионерами либо курсантами системы академий МВД. Данная группа была представлена достаточно узким срезом. Понимание справедливости в данной группе, а также отношение к противоправным действиям, специфично.

Непосредственная практика действия сообщества часто сопряжена с необходимостью дополнительно к действию буквы закона применять моральные и нравственные оценки [17], а иногда и откровенно криминальные нормы внутригруппового поведения («понятия»). Но именно представители этого сообщества являются непосредственными правоприменителями и «ретрансляторами» законности, что обеспечивает им достаточно высокое положение в обществе. В терминологии С. Кордонского данная социально-профессиональная группа именуется «титульным сословием». Таким образом, в рамках изучения данной группы прогнозировалось получение особых результатов, однако закрытость группы требует отдельного и специального исследования.

Четвертая группа, в рамках которой проводился отбор респондентов, — «*другие*». В нее вошли те респонденты, которые не входят непосредственно в исследуемые группы и не имеют близких связей с данными сферами. Представители данной группы были включены в исследование в качестве «контрольной группы» для определения и более яркого освещения особенностей восприятия коррупции и ее социальных функций в сферах образования, здравоохранения и правоохранительной системы.

В рамках основной части интервью применялась проективная социально-психологическая методика: респондентам было предложено поставить себя на место своего хорошего знакомого, который столкнулся с фактом коррупции в лечебном учреждении. В ходе данной части определялись:

1. Степень институционализации коррупции в здравоохранении.
2. Оценка справедливости/несправедливости указанной ситуации для данного положения дел в здравоохранении, то есть соответствия/несоответствия ее социальному порядку.
3. Уровень социального одобрения гипотетической модели «восстановления справедливости» через привлечение медицинского работника к уголовной ответственности.
4. Одобряемая модель идеальной ситуации получения услуг здравоохранения — ее референты.
5. Способы достижения идеальной модели.

В дополнении в рамках основной части респондентам предлагалось оценить способы оправдания коррупционных сделок в образовательной системе как в рамках дискурса студентов-учащихся, так и в рамках системы «оправдывания» со стороны преподавателей. При этом в ряде аргументов инструментарий исследования косвенно отсылал респондентов к категории справедливости.

В заключительной части глубинного интервью респондентам предлагалось оценить различные формы отношений к справедливости. При этом категории были расположены в рамках психологической прямой «холизм (коллективизм) — субъективизм (индивидуализм)». Также было предложено сформулировать собственное определение социального порядка, выявить сферы жизнедеятельности с самыми высокими и наиболее низкими характеристиками порядка. Кроме того, заключительным в интервью был поставлен вопрос о наиболее предпочтительном субъекте восстановления справедливости, то есть «социального порядка».

На основании применения собственной методики, а также анализа результатов социально-психологических исследований феномена справедливости предварительно было установлено, что на восприятие взаимосвязи справедливости и коррупции влияют:

1) гендерные различия (мужчины склонны более чувствительно относиться к нарушению справедливости);

2) социально-экономические различия (лица с меньшим достатком склонны быть более чувствительными к социальной несправедливости);

3) межкультурные различия;

4) «чувствительность к справедливости» (которая, в свою очередь, зависит от половозрастных характеристик, авторитаризма личности, ее локуса контроля, разделяемой культуры, социального статуса, степени индивидуальной важности долгосрочного планирования).

Кроме того, на восприятие коррупционной сделки как несправедливой/справедливой влияют непосредственные характеристики ситуации. Среди особенностей ситуации, влияющих на ее оценку, необходимо учитывать:

1) роль носителя определения (для «виновника» ситуация более справедлива, чем для «жертвы» — это верно и в отношении респондентов, которые ассоциируют себя с «виновником» или «жертвой»);

2) отношения «виновника» несправедливости и «жертвы»;

3) «способ нарушения справедливости»;

4) участие в деятельности социальных институтов (например, в деятельности правоохранительной системы).

В рамках проведенного качественного исследования были отмечены следующие закономерности восприятия коррупции различными социальными группами.

Представители системы здравоохранения

1. Опрошенные указывают на факт широкого распространения коррупции, при этом никто из них не упоминает о наличии такого опыта.

2. Наличие коррупции основывается, по мнению респондентов, на зависимости пациента от врача, а также на низком уровне дохода медработников при наличии серьезной ответственности за жизнь и здоровье пациента.

3. Коррупция не оправдана в здравоохранении, однако, если она является «благодарностью», «дана без вымогательства» и в отсутствие нарушения должностных обязанностей, то является допустимой согласно внутрикорпоративной этике.

4. Отсутствие ряда социальных гарантий врачам побуждает их либо к коррупции, либо к переходу в иные сферы деятельности (например, менее ответственную, но более высокооплачиваемую фармакологию).

5. Если факт коррупции переходит в сферу личного общения либо напрямую затрагивает «корпоративную честь», то респонденты-медики естественным образом придумывают собственные аргументационные системы для оправдания данного факта. Наличие довольно развернутых систем аргументации позволяет с высокой степенью уверенности говорить о наличии постоянного социального давления, вызывающего необходимость данных аргументов («на всякий случай»).

6. Коррупция в здравоохранении может и воспринимается значительной частью опрошенных как способ восстановить баланс затраченных медработником «на благо общества» усилий (времени, денег, ответственности, таланта и тому подобное) и получаемых им благ (денежного дохода, блата, «благодарности», социального престижа).

Представители системы образования

1. Опрошенные указывают на факт широкого распространения коррупции.

2. Наличие коррупции основывается, по мнению респондентов, на зависимости пациента от врача, на низком уровне дохода медработников, а также на их низких моральных качествах и низкой профессиональной подготовке.

3. С одной стороны, коррупционный порядок воспринимается опрошенными (по крайней мере в здравоохранении) как нечто естественное, с другой стороны, этот порядок не считается ими позитивным.

4. Работники иной социально-профессиональной группы не готовы согласиться с личностными аргументами в оправдание коррупционного поступка медработника (в отличие от самих медработников).

5. Социальный порядок является существенной ценностью, однако его отсутствие воспринимается как проблема, как правило, лишь в качестве риторического хода при оценке того или иного конкретного социального явления («коррупции», «болонского процесса» и т. д.).

Представители правоохранительной системы

1. Опрошенные указывают на факт широкого распространения коррупции, при этом никто из них не упоминает о наличии такого опыта.

2. Наличие коррупции основывается на низкой заработной плате, низкой корпоративной этике, а также на стремлении работников медицины восстановить свой высокий социальный статус.

3. Коррупция не оправдана в здравоохранении, однако если взятка является «благодарностью», «дана без вымогательства» и в отсутствие нарушения должностных обязанностей, то она является допустимой.

Обобщая полученные в ходе исследования данные, можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Восприятие социального порядка и его референтов существенным образом отличается у различных социально-профессиональных групп.

2. Коррупционная сделка, по мнению большинства опрошенных, оправдана в том случае, если она повышает уверенность в благоприятном исходе дела. Показательно, что указанные результаты совпадают с рядом гипотез зарубежных авторов, непосредственно связывающих условия небезопасности и неуверенности с фактами коррупции [18]. В нашем исследовании это особенно отмечается для процессов, реально повлиять на которые респонденты не могут.

3. Безусловно оправданными для респондентов являются сделки, которые касаются здоровья близких (в особенности детей). Данный вывод исследования подтверждает результат анализа данных Всемирного исследования ценностей (World Values Survey): «…семейные люди и люди с большим количеством детей оправдывают взятки более, чем несемейные люди и люди с меньшим количеством детей или бездетные» [19, p. 18].

4. «Взятка» и «благодарность» различаются по основанию инициатора. Если на необходимость дополнительного вознаграждения намекает врач, то данный факт классифицируется респондентами как «взятка». В случае, если клиент учреждения здравоохранения сам является инициатором сделки, то она понимается как «благодарность».

5. Респонденты всех трех социально-профессиональных групп склонны негативно относиться к ситуации, в которой коррупционер пытается оправдаться ссылкой на личные обстоятельства.

6. Связь законности и справедливости у респондентов является устойчивой. Их противопоставление некорректно — законное справедливо, справедливое законно.

Таким образом, проведенное социологическое исследование показало, что анализ коррупции с помощью категории справедливости является продуктивным с методологической точки зрения. Конечно, в силу ограниченной выборки использованных качественных методов его выводы нельзя распространять на весь Волгоградский регион и тем более Россию. Но полученные результаты убедительно показывают, что при получении отдельных социальных благ коррупция является оправданным, «справедливым» с точки зрения респондентов средством. Кроме того, приемлемость коррупции как способа получения благ существенно зависит от социальной группы и статуса респондента. Очевидно, что в случае, если бы коррупция представляла собой исключительно негативное явление, общественное мнение не признавало бы допустимым участие даже в некоторых ее формах.

В дальнейших исследованиях необходимо изучать коррупцию как объективную данность, избегая господства оценочных и стереотипных суждений о данном феномене. Только так можно начать полноценное объективное изучение коррупции и, в итоге, выработать действенные способы борьбы с нею.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Сидоров А. И.* Коррупция: и диагноз, и приговор // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 111—117.

2. *Охотский Е. В.* Коррупция: сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 25—33.

3. *Rose-Ackerman S.* Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 282 p.

4. *Ledeneva A. V.* Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 327 p.

5. *Роуз Р.* Достижение целей в квазисовременном обществе: социальные сети в России // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 23—38.

6. *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.

7. *Ослон А.* Кто мы? // Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 7—16.

8. *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

9. *Rytina S.* Sociology and Justice // Justice: Views from the Social Sciences / ed. by Ronald L. Cohen. N.Y., 1986. Pp. 117—152.

10. *Гулевич О. А.* Социальная психология справедливости: бизнес, политика, юриспруденция. М.: Аспект-Пресс, 2007. 254 с.

11. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

12. *Шкаратан О. И., Ястребов Г. А.* Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России: Социология, этнология. 2007. Т. 16. № 3. С. 3—49.

13. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад. М.: Центр комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук, 2005. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 22.06.2014).

14. *Dong B., Dulleck U., Torgler B.* Social norms and corruption // Proceedings of the European Economic Association and the Econometric Society European Meeting / Ed. by A. Ciccone. Barcelona, Graduate School of Economics, Catalonia, Spain, 2009. URL: http://eprints.qut.edu.au/48490/ (дата обращения: 22.06.2014).

15. *Ledeneva A. V.* Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 256 p.

16. *Кузьминов Я.* Тезисы о коррупции. URL: http://www.hse.ru/data/2012/11/26/1301609583/1999_invest_klimat_Kouzminov.pdf (дата обращения: 22.06.2014).

17. Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. Ч. 2. Российская полиция в сравнительной перспективе: национальные модели и опыт реформ / науч. ред. В. В. Волков. СПб.: ИПП ЕУ, 2012. URL: http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/41/140247137355d6d19ba454ac8da61824212a5dcc5f/2012%20%D0%98%D0%9F%D0%9F.pdf (дата обращения: 22.06.2014).

18. *Roniger L.* Political Clientelism, Democracy, and Market Economy // Comparative Politics. 2004. Vol. 36. №. 3. Pp. 353—375.

19. *Kravtsova M., Oshchepkov A., Welzel C.* Corruption and Social Values: Do Postmaterialists Justify Bribery? // Basic Research Programm Working Papers Series: Sociology WP BRP 34/SOC/2014/ URL: http://economics.hse.ru/data/2014/01/24/1325467318/SSRN-id2384030.pdf (дата обращения: 22.06.2014).

REFERENCES

1. Sidorov A. I. Corruption: both Diagnosis and Judgement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2008, no. 2, pp. 111—117. (In Russ.).

2. Okhotskii E. V. Corruption: Essence, Countermeasures. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2009, no. 9, pp. 25—33. (In Russ.).

3. Rose-Ackerman S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 282 p.

4. Ledeneva A. V. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 327 p.

5. Rouz R. Achievement of Goals in Quasi-Modern Society: Social Networks in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2002, no. 3, pp. 23—38. (In Russ.).

6. Kordonskii S. G. *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [Estates Structure in Post-Soviet Russia]. Moscow, Institute of the Fund “Public Opinion”, 2008. 216 p. (In Russ.).

7. Oslon A. Who are We? *Soslovnaya struktura postsovetskoi Rossii* [Estates Structure in Post-Soviet Russia]. Moscow : Institute of the Fund “Public Opinion”, 2008. Pp. 7—16. (In Russ.).

8. Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [Criticism and Grounding of Justice: Sketches of Sociology of Cities]. Moscow, New Literary Review Publ., 2013. 576 p. (In Russ.).

9. Rytina S. Sociology and Justice. *Justice: Views from the Social Sciences* (ed. by Ronald L. Cohen). New York, 1986. Pp. 117—152.

10. Gulevich O. A. *Sotsial'naya psikhologiya spravedlivosti: biznes, politika, yurisprudentsiya* [Social Psychology of Justice: Business, Policy, Law]. Moscow, Aspect Press, 2007. 254 p. (In Russ.).

11. Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E., ed. *O chem mechtayut rossiyane: ideal i real'nost'* [What do the Russians dream about: Ideal and Reality]. Moscow, Ves′ Mir Publ., 2013. 400 p. (In Russ.).

12. Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. Socio-Professional Structure of the Population of Russia. Theoretical Background, Methods and Some Results of Repeat Polls in the Years of 1994, 2002, 2006. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [World of Russia: Sociology, Ethnology], 2007, vol. 16, no. 3, pp. 3—49. (In Russ.).

13. *Byurokratiya i vlast' v novoi Rossii: pozitsiya naseleniya i otsenki ekspertov. Analiticheskii doklad*. [Bureaucracy and government in modern Russia: attitude of the population and assessments of experts. Analytical report]. Moscow, Center of complex social researches of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, 2005. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf. (In Russ.).

14. Dong B., Dulleck U., Torgler B. Social norms and corruption. *Proc. of the European Economic Association and the Econometric Society European Meeting* (ed. by A. Ciccone). Barcelona, Graduate School of Economics, Catalonia, Spain, 2009. URL: http://eprints.qut.edu.au/48490/

15. Ledeneva A. V. *Russia’s Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 256 p.

16. Kuzminov Ya. *Tezisy o korruptsii* [Theses about Corruption]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/11/26/1301609583/1999_invest_klimat_Kouzminov.pdf (In Russ.).

17. Volkov V. V., ed. *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funktsionirovanie, puti reformirovaniya. Ch. 2. Rossiiskaya politsiya v sravnitel'noi perspektive: natsional'nye modeli i opyt reform* [Law Enforcement in Russia: Structure, Functioning, Ways of Reforming. Part. 2. Russian Police in Comparative Perspective: National Models and Experience of reforms]. Sent-Petersburg, IPP EU Publ., 2012. URL:

http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/41/140247137355d6d19ba454ac8da61824212a5dcc5f/2012%20%D0%98%D0%9F%D0%9F.pdf (In Russ.).

18. Roniger L. Political Clientelism, Democracy, and Market Economy. *Comparative Politics*, 2004, vol. 36, no. 3, pp. 353—375.

19. Kravtsova M., Oshchepkov A., Welzel C. Corruption and Social Values: Do Postmaterialists Justify Bribery? *Basic Research Programm Working. Papers Series: Sociology WP BRP 34/SOC/2014.* URL: http://economics.hse.ru/data/2014/01/24/1325467318/SSRN-id2384030.pdf

© Назаров М. Н., Одинцов А. В., Карчагин Е. В., 2014

Поступила в редакцию в июне 2014 г.

Ссылка для цитирования: *Назаров М. Н., Одинцов А. В., Карчагин Е. В.* Социальный порядок, справедливость и коррупция в общественном мнении горожан // Социология города. 2014. № 3. С. 82—98.

For citation: Nazarov M. N., Odintsov A. V., Karchagin E. V. Social order, justice and corruption in public opinion of the city-dwellers. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2014, no. 3, pp. 82—98. (In Russ.).

УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ ОРИГИНАЛАМ

Научно-теоретический журнал **«Социология города»** (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики в области социологии, философии, культурологии и других гуманитарных наук ученых ВолгГАСУ и иных научных организаций и вузов.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГАСУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27329 от 28 февраля 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, ***ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).***

Журнал **входит в утвержденный ВАК** Минобрнауки России **Перечень** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (ред. 2011 г.).

Журнал выходит четырьмя выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/), 2) анкеты автора (http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются ***сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.***

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от 500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 15 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список. Последняя страница считается полной независимо от фактического заполнения.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office* (*Word 2003*); шрифт *основного текста* — Times New Roman (Cyr) № 11 (11 пунктов).

Параметры страницы — поля, см: верхнее — 3,7; нижнее — 4,5; левое — 2,0; правое — 6,0; переплет — 0, поля зеркальные. Расстояние от края до верхнего колонтитула, см — 3,0, от края до нижнего колонтитула — 3,7. Абзацный отступ равен 0,75 см. Межстрочный интервал одинарный. Автоматически устанавливаются переносы (не более 4 подряд в одном абзаце). Автоматически устанавливается запрет висячих строк.

Для *набора формул* используется редактор формул *Microsoft MathType 5*; по умолчанию устанавливаются размеры шрифта для одно- и двухстрочных формул: обычного — 11 пт, крупного и мелкого индекса — соответственно 8 и 6 пт, крупного и мелкого символа — соответственно 16 и 11 пт. Греческие и русские буквы набираются прямым шрифтом, латинские — курсивом. Если написание в формулах отличается от традиционного, автор должен сделать соответствующие пометки на полях распечатанной статьи, при этом греческие буквы обводятся красным карандашом, готические — синим. Формулы выключаются в левый край с абзацным отступом. Запись формулы выполняется автором с использованием всех возможных способов упрощения и не должна содержать промежуточные преобразования.

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде. Размер шрифта текста в рисунках — 9…10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip*, *WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300…600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Cyr) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Cyr) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректура статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

— март (прием статей до 1 декабря);

— июнь (прием статей до 1 марта);

— сентябрь (прием статей до 1 июня);

— декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.
Город как экономическая система.
Управление социальными и экономическими системами.
Город и власть.
Архитектурное пространство как социокультурный феномен.
Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи и обращаться по вопросам об ***условиях их публикации и приобретения очередного номера журнала*** по адресу: **400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-508. Гл. ред. журнала «Социология города» Навроцкому Б.А. Тел. (8442)-96-99-25. E-mail: jurnalfil@mail.ru**

По вопросам подготовки авторского оригинала статьи к печати обращаться по адресу: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1, ком. В-210, редакционно-издательский отдел ВолгГАСУ. Тел. (8442)-96-98-28. E-mail: mariapes@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2014. № 3

Научно-теоретический журнал

Редактор *М.Л. Песчаная*
Компьютерная правка и верстка *М.Л. Песчаная*
Перевод на английский язык *О.Ю. Юшко*
Компьютерный дизайн обложки *Т.М. Потокина-Курилкина*, *О.Ю. Мелешин*
Информационно-библиографическое обслуживание *Е.В. Хромова*

Подписано в печать 29.09.2014.
Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 6,1. Усл. печ. л. 8,8. Тираж 500 экз. Заказ № 33.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет»
Редакционно-издательский отдел
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВолгГАСУ
400074, Волгоград, ул. Академическая, 1